Л. КАМЕНЕВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ИМПЕРИАЛИЗМА И ЗАДАЧИ СОЦИАЛИЗМА

СБОРНИК СТАТЕЙ

„НОВАЯ МОСКВА"
1923

НОВАЯ
МОСКВА

Л. КАМЕНЕВ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ИМПЕРИАЛИЗМА И ЗАДАЧИ СОЦИАЛИЗМА

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

«НОВАЯ МОСКВА»
1923

Главлит № 5357. Москва. Тираж 10.000 экз.

Типогр. „9 Января“, Яузский мост, Серебряническая наб., д. 23а.

К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ.

Все перепечатываемые в этом сборнике очерки были написаны во время войны, в тюрьме и в ссылке, и, следовательно, расчитаны на двойную цензуру. Если это обстоятельство не могло особенно сильно сказаться на первом очерке, посвященном экономической основе империализма, то влияние его явно ощущается на тех словесных «орнаментах», которыми приходилось автору прикрывать свою мысль в очерках, посвященных острым темам об империализме и социализме, империализме и Интернационале, империализме и национальных движениях. К сожалению, недостаток времени лишает меня возможности освободить эти очерки от защитных словесных прикрытий, возведенных ради царской цензуры.

То обстоятельство, что через пару месяцев после третьего издания книжки, понадобилось ее новое издание, заставляет меня думать, что даже в этом своем виде она способна выполнить некую полезную работу, и согласиться на ее переиздание.

Я, однако, прошу читателя-друга принять во внимание два обстоятельства.

В тюремной камере Крестов, при составлении первого очерка у меня под руками была только книга Гильфердинга и пара томов благонадежнейших экономистов из тюремной библиотеки. «Капитал» Маркса пропущен не был. Между тем для меня совершенно ясно, что все *основные* элементы экономической системы «финансового капитала» указаны уже Марксом в «Капитале» (в I и особенно III т.) задолго до того, как они получили полное развитие в жизни и были систематически описаны Гильфердингом. Сопоставление указаний, сделанных в 60-х г.г. XIX в. Марксом о высших фор-

мах капитализма с описанием капиталистической действительности начала XX в. было бы чрезвычайно поучительной и интересной работой. При втором издании очерка в 1918 г. я попытался при помощи подстрочных ссылок на соответствующие места «Капитала» показать, как мало нового мог прибавить Гильфердинг в 1910 г. к тому, что было сказано Марксом за полстолетия до него и за четверть столетия до широкого расцвета новейших форм капиталистической организации производства (акционерные общества, банки, биржи, тресты). Но проделать эту работу до конца я уже не смог из-за недостатка времени. Было бы очень полезно, если бы эта работа была проделана кем-либо из наших молодых ученых-коммунистов.

Второе обстоятельство относится к очеркам, посвященным политике социализма перед лицом империалистической стадии капитализма и империалистической войны. Все эти очерки были написаны в 1916 г. в глухом углу Сибири. Осведомленность о том, что делается в Европе, как складываются отношения среди социалистов, какую позицию заняли различные группы, была у нас минимальная. О позиции нашей партии наша колония могла узнать кое-что лишь из одного номера «Социал-Демократа», случайно попавшего в наши руки в самом конце 1916 г. За все это время до меня дошло одно единственное письмо т. Ленина, вписанное химией в строчки какого-то английского романа. При этих условиях приходилось, так сказать, на собственный риск и страх, и, опираясь лишь на скудный материал легальной прессы, добывать для себя те ответы на поставленные войной проблемы мирового пролетарского движения, которые в европейских условиях вырабатывались в ежедневном столкновении мнений, в борьбе партий и групп. Тем с большим удовлетворением мог я впоследствии констатировать полное совпадение не только исходных точек, но и самого хода аргументации моих статей со статьями центрального органа нашей партии, издававшегося в те годы в Швейцарии.

Л. Каменев.

25/XII—22 г.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ИМПЕРИАЛИЗМА

ВВЕДЕНИЕ.

Стремление к новым рынкам сбыта и к новым сферам приложения накопленных производительных сил всегда играло определенную роль в торговой политике промышленных стран. Оно в громадной степени усилилось и обострилось к концу XIX и в начале XX в.в. Здесь сыграло роль и выступление на мировой рынок молодых промышленных стран, как С.-А. С. Штаты и Германия, а затем и Япония, и громадный рост накопленных в Европе богатств, ищущих себе применения, и увеличение значения в мировом товарообмене таких областей, как Канада и Южная Америка, и «внеисторических» наций Востока, но главная роль принадлежала здесь характерным и существенным изменениям в самой структуре экономической жизни промышленных стран, в формах и размерах самого производственного процесса. Именно к этой эпохе,—начиная приблизительно с южно-африканской войны,—относится и широкое распространение термина «империализм», которым текущая литература, а за ней и читательская масса пытаются охватить и события в Южной Африке и борьбу Америки с Испанией за острова Тихого Океана и Атлантики, а затем и совместные действия держав на территории Китая и, главным образом, все интенсивнее проявляющиеся стремления Германии.

С началом же XX в. то, что характеризуется в общественном сознании термином «империализм» становится уже в самом центре общественного внимания. Вопросы колониальной политики, международной торговой конкуренции, приобретения новых рынков, протекционизма не сходят со страниц газет. «Империализм» начинает фигурировать, как тема обсуждения в порядке дня многочисленнейших собра-

ний экономистов и политиков. Создается специальная научная литература. Самый термин становится одним из наиболее обычных в газетной и памфлетной литературе, на парламентской трибуне и вне ее.

Широкое распространение термина не обозначает еще, однако, и широкого распространения правильного понимания охватываемого им круга явлений, его объема и существеннейших сторон. Уже один тот факт, что можно с равным правом говорить об «империализме» Германской империи и С.-Американской республики показывает, что указанный круг явлений связан не с политическими формами, а с гораздо более широкими и глубокими явлениями экономической жизни. Говорить об «империализме», не отдав себе отчета в изменениях, характеризующих формы и размеры производства за последние 20—25 лет,—значит скользить по самой поверхности явлений, ничуть не задевая их сущности. Между тем, общая, не специально-экономическая литература вплоть до самого последнего времени уделяет этим вопросам слишком мало внимания, довольствуясь, большей частью, обсуждением чисто-политических комбинаций. Что касается специально русской литературы, то можно смело сказать, что в ней почти совершенно отсутствуют какие-либо работы, систематически освещающие относящийся сюда материал мировой хозяйственной жизни.

В предлагаемой читателю статье мы, поэтому,—оставляя совершенно в стороне всю область международных политических отношений,—сосредотачиваем все внимание на характеристике чисто-экономических факторов империализма, имея при этом в виду не их проявления в той или другой стране, а лишь общие, не связанные с данной конкретной обстановкой тенденции. Это, таким образом, чисто теоретический этюд, имеющий служить, так сказать, лишь общим введением в изучение конкретных явлений мировой экономической и политической жизни со всем ее сложным переплетом сталкивающихся интересов отдельных стран. И это же заставляет нас сделать тут же некоторую оговорку.

Круг рассматриваемых явлений—это условия возникновения и упрочения финансового капитала и те изменения в структуре хозяйственной жизни, которые этим обусловлены. В своей совокупности это и есть экономический базис импе-

риалистических стремлений. Но это значит, что мы будем иметь дело с акционерной формой предприятий, с условиями торговли акциями, с эмиссионными операциями банков, с картелированием промышленности и т. д. Читатель, не заинтересованный ни в том, ни в другом, ни в третьем, обычно чувствует себя здесь, как в безводной пустыне. Следует, однако, принять во внимание, что путь к действительному познанию современности и к ее правильной оценке пролегает именно через эти области и что других путей туда нет. Мы, впрочем, постараемся, по возможности, сократить этот путь и остановимся лишь на самом необходимом.

Литература, затрагивающая отдельные вопросы из тех, с которыми нам придется встретиться, громадна (главным образом, на английском и немецком языках). Но ее главным недостатком, с точки зрения читателя-неспециалиста, является то, что она сосредотачивает свое внимание именно на отдельных, частичных проявлениях общего процесса, а поскольку,—в редких случаях,—переходит к вопросам более широким, неизбежно оказывается пристрастной, сообразно национальности автора. Блестящим исключением является здесь обширное исследование Р. Гильфердинга «Финансовый капитал». Оно пытается охватить вопрос во всем его объеме, вводя отдельные частности в общую, строго-научную систему, и вместе с тем совершенно лишено того специфического духа пристрастия, о котором мы сейчас сказали. Если же признать, что ценность научного исследования общественных явлений современности измеряется их способностью к предвидению грядущих событий, то и здесь работа Гильфердинга—строго-научная и не имеющая никакой связи с публицистикой дня—уже успела блестяще выдержать трудное испытание. Выводы чисто-теоретического, выполненного по строгим образцам абстрактного метода, исследования Гильфердинга имели во многом, как теперь уже не трудно убедиться, пророческий характер. Эту работу мы и положили в основу нашей статьи [1]).

[1]) Как мы сказали в тексте, особенностью работы Гильфердинга, выделяющей ее изо всей громадной соответствующей литературы, является систематическое обследование многоразличных факторов, из которых складывается господство финансового капитала. Пользование выводами Гильфердинга затруднено, однако, для обычного читателя самой архитек-

I. МОБИЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА.—АКЦИОНЕРНАЯ ФОРМА ПРЕДПРИЯТИЙ.—БИРЖА.

Движущей силой империализма являются стремления финансового капитала. Предпосылкой же господства финансового капитала является широкое развитие двух, параллельных и друг другу содействующих процессов идущего вперед капиталистического хозяйства. Исторически впереди идет процесс *мобилизации* капитала, за ним следует *ассоциирование* и *концентрация* капитала и производства.

Мобилизация капитала есть—экономически — способность всякого данного капитала, вложенного в производство, быть извлеченным из последнего и вернуться к собственнику в денежной форме, чтобы найти какое-либо новое применение. Таким образом, мобилизация капитала есть, вообще говоря, возможность его постоянного передвижения и превращения в деньги независимо от хода производства.

турой книги, ибо Гильфердинг избрал путь всестороннего рассмотрения одного за другим различных экономических институтов и явлений (акционерное общество, биржа, банк, уровень процента, картель и т. д.), что неизбежно привело к некоторой разбросанности выводов и несоразмерности отдельных частей работы. Оснавной прослеживаемый Гильфердингом процесс,—создание и упрочение финансового капитала—в его работе, так сказать, вьется тонкой струей среди отдельных глав, посвященных указанным институтам. К по меньшей мере спорным частям книги Гильфердинга следует, на наш взгляд, отнести некоторые стороны теории денежного обращения, предпосланной им своей работе. Блестящая работа Гильфердинга в общей русской литературе оставлена, к сожалению, безо всякого внимания и очень мало использована до сих пор в литературе специальной, хотя она имеется и в русском переводе И. И. Степанова со вступительной статьей последнего, в которой приведены весьма сочувственные отзывы о ней некоторых зап.-евр. экономистов. (Речь идет о социалистах, которых нельзя было назвать в первом издании. *Прим. к нынешнему изд.).*

Как, однако, осуществима подобная возможность? Каким образом капитал, вложенный в доменную печь или железную дорогу, получает возможность свободного передвижения независимо от хода производства и еще ранее, чем он будет восстановлен из дохода этих предприятий? Конечно, индивидуальный предприниматель, вложивший свой денежный капитал в оборудование завода, закупку машин, сырья и оплату труда рабочих, не имеет никакой возможности извлечь этот капитал из своего предприятия. Он может получить его только или путем продажи своего дела или лишь в результате накопления из его прибыли. Таким образом, мобилизация капитала отнюдь не есть что-либо присущее самому капиталистическому производству. Эта возможность для капиталиста извлекать свой капитал в денежной форме, независимо от производства и не нарушая хода последнего, является результатом исторического изменения форм капиталистических предприятий и требует для своего осуществления особых условий, созданных в сколько-нибудь широком виде лишь во второй половине XIX в. Только создание акционерной формы предприятий и наличие широко-развитого рынка для ценных промышленных бумаг—биржи—делают возможной и необходимой мобилизацию капитала.

Раньше, чем итти дальше, нам надо остановиться на экономическом значении этих двух явлений, характеризующих эпоху наибольшего промышленного развития и служащих условием и орудием господства финансового капитала.

Первоначально в акционерной форме предприятия выделяется, как характерная ее черта,—объединение мелких или вообще почему-либо негодных [1]) для приложения в производстве капиталов в единую массу. Уже одна эта черта обеспечивает акционерному предприятию преимущества в борьбе с предприятиями индивидуальными. В краткой формуле эти преимущества, обеспечивающие в конечном счете победу акционерных предприятий над индивидуальными, можно выразить так: для акционерного предприятия, как в области первоначального капитала, так и в области его увеличения и рациональной технической постановки и ве-

---

[1]) Напр., по личным качествам собственников, неприспособленных к ведению предприятия.

дения предприятия не существует тех границ, которые стоят перед индивидуальным предпринимателем в виде размеров его капитала (и, след., его кредита). Этих границ не существует для акционерного предприятия в области первоначально-необходимого капитала, ибо оно базируется не на индивидуальной кассе и ее кредите, а на всем свободном и ищущем производительного приложения капитале (и, след., на всем обеспеченном этому капиталу кредите). В области расширения, акционерное предприятие, не дожидаясь накопления из собственных прибылей,—что обязательно для индивидуального предприятия,—может обратиться непосредственно к увеличению капитала за счет новых, попавших на рынок чужих, т.-е. до сих пор остававшихся чуждыми данному предприятию, капиталов. Нет надобности пояснять, что все это дает возможность акционерному предприятию достигать наибольшей быстроты и гибкости в применении новейших технических методов производства, упорнее противостоять неблагоприятной конъюнктуре, энергичнее и шире проводить политику временного сжимания прибыли ради увеличения ее в дальнейшем путем единовременных затрат на технические улучшения, поиски новых рынков и т. д. Чтобы охарактеризовать результат этих преимуществ в соревновании акционерных и индивидуальных предприятий, достаточно будет указать на то, что акционерные компании в С.-А. С. Штатах, составляя всего 8% всего количества предприятий, зарегистрированных по цензу 1900 г., производят 60% всей готовой выработки заатлантической республики. Если же исключить предприятия ручного труда, то этот процент подымется до 65. В Германии акционерные общества в промышленности концентрируют до 75% всего числа лошадиных сил, которым располагает германская промышленность. Известный статистик Альфред Неймарк в своем докладе интернациональному съезду статистиков в 1900 г., оценивал ценные бумаги в 452 миллиарда франков. Из этой общей суммы—за вычетом 124 миллиардов фр. государственных бумаг—на долю промышленных предприятий падает 327 миллиардов фр. С тех пор роль акционерных предприятий возросла еще более. Энергия их роста поразительна. В одной Германии капитал акционерных предприятий за 10-летие 1900—1910 г.г. возрос на 2½ миллиарда

марок. В Англии за пять лет (1905—1911) число обществ увеличилось на 31%. За тот же приблизительно период времени капитал акционерных обществ Австрии вырос на 40% и т. д.

Только что упомянутый статистик Альфред Неймарк уже к концу 1912 года определял сумму биржевых ценностей в 850 миллиардов франков, т.-е. сравнительно с цифрой, данной им в 1900, констатирует их прирост почти на 100% за 12 лет!

Эта гигантская роль акционерной формы предприятий одинаково характеризуется самыми различными экономистами. «Обычная свободная торговля,—писал Родбертус,—без акционерной формы—просто жалкая ручная метла; свободная торговля при акционерной форме—паровая метла, которая в 10 лет выметет так чисто, как обычная праздничная метла сумела бы разве лет в 100». На самой заре широкого развития акционерных предприятий Маркс формулировал их влияние, как «колоссальное расширение размеров производства и предприятий, которые были невозможны для отдельного капиталиста». А ученый исследователь истории германских банков, стоящий лицом к лицу с реализацией тенденций, указанных уже Родбертусом и Марксом, приходит к выводу, что «акционерное общество—наиболее острое, надежное, а потому предпочтительнейшее оружие, какое только имеется в распоряжении капиталистического хозяйственного строя для победы характеризующих его тенденций к концентрации» [1].

Таково значение акционерной формы предприятий, рассматриваемой с точки зрения производства. Но интересующий нас сейчас вопрос о мобилизации капитала не имеет прямой связи с производственным процессом. Наоборот. Его область—это область вопроса о собственности на элементы производительного капитала.

Создается ли что-либо новое с развитием акционерной формы в этой области? Да, и здесь именно лежит та черта, которая делает из акционерной формы предприятий необхо-

[1]) Riesser: „Zur Entwicklungsgeschichte der deutschen Grossbanken“, стр. 152. За невозможностью иметь в своем распоряжении подлинник, цитирую по Гильфердингу, „Финансовый капитал“, стр. 167 русск. перевода И. Степанова.

димую предпосылку господства финансового капитала и вместе с тем знаменует собой «результат высшего развития капиталистического производства».

Акционерное предприятие собирает и объединяет капитал путем выпуска акций. Юридически, акция есть право на участие в предприятии. Это право воплощается в праве на участие в разделе прибыли, в праве на долю при ликвидации предприятия и в праве на участие в управлении делами. Таково определение акции, даваемое юристами [1]).

Но экономическое развитие часто нарушает юридические конструкции. Из 75.000 владельцев акций одной из с.-американских жел. дорог едва ли даже $^1/_{100}$ оказывает и может оказывать какое-либо реальное влияние на «управление делами». Ликвидация знаменует лишь крушение данного предприятия и связанные с этим моментом права не могут характеризовать роли акции в развивающемся хозяйстве. С точки зрения реальной действительности, в вышеприведенной характеристике акции остается одно—право на часть прибыли, и эта же действительность прибавляет другую опущенную в ней черту: акционер лично не участвует в производственном процессе. И, действительно, с экономической точки зрения, существеннейшей характеристикой акции и ее владельца является то обстоятельство, что лицо, владеющее акцией промышленного предприятия, выступает не как промышленный предприниматель, а просто, как лицо, имеющее право на получение известного барыша за выданные им деньги. Он—собственник акции, но производительный капитал (заводы, машины, копи и т. д.) принадлежит уже не ему, а юридическому лицу—акционерному обществу. Лицо, отдающее свои деньги за акцию, приобретает не соответствующую долю промышленного капитала, а лишь право получить «вознаграждение» за отданные им деньги из общей прибыли предприятия. Он стоит вне производственного процесса. Функция капиталиста отделяется от функции предпринимателя. Акция воплощает не стоимость работающего в производстве капитала, а лишь право ее владельцев получить долю в доходе, произведенном этим капиталом.

---

[1]) Ср. напр., Г. Шершеневич. Учебник торгового права. М. 1912. § 31.

Первым результатом этого отделения функции собственника от функции предпринимателя является то, что промышленность ведется теперь на капитал, значительно превышающий сумму капитала самих предпринимателей. Теперь, всякая денежная сумма, откуда бы она ни произошла,—будет ли то доход крупного землевладельца, сбережение от жалования чиновника, служащего и техника, или сбережение лавочника и ремесленника—может быть вложено в производство. И, действительно, в те 327 миллиардов фр., в которые оценивался к 1900 г. акционерный капитал промышленных обществ, входит не только капитал предпринимателей, но и в значительной мере денежные сбережения всех других, не играющих в самом производстве роли, классов общества. Известно, какая громадная часть доходов и сбережений всего населения Франции вкладывается в ценные бумаги. Но даже и в Германии около $^1/_6$ части всего народного дохода притекает в виде процентов на ценные бумаги. Это значит, что, благодаря акционерной форме предприятий, современная промышленность работает на капитал, значительно превышающий собственный капитал промышленных предпринимателей и вообще всего класса капиталистов и доставляемый им из всей суммы общих сбережений всего населения.

Если бы теперь к вышеуказанным чертам акционера прибавилась возможность для него получить отданные им деньги назад в денежной же форме и во всякое время,—независимо от истечения срока производственного оборота,—то он экономически превратился бы в простого денежного капиталиста, в лицо, ссудившее денежный капитал и имеющее за это право получить процент на последний.

Эта возможность создается с того момента, как в наличности оказывается рынок для продажи и перепродажи акции. На этом рынке акция промышленного предприятия переходит из рук в руки, при чем этот переход собственности на акцию ни в чем не нарушает хода самого производственного процесса. Акция продается и перепродается просто, как удостоверение на право получить долю дохода. Тем самым для каждого акционера открывается—теоретически и практически—возможность извлечь свой капитал из предприятия в денежной форме. Превращение производительного

капитала в продающиеся на специальном рынке акции и делает возможной мобилизацию капитала.

Итак, акционер стоит вне производственного процесса. Он не исполняет в нем никакой функции (они исполняются наемными директорами и прочим служебным персоналом акционерного общества). Он, кроме того, имеет постоянную возможность на рынке ценных бумаг—на бирже—реализовать выданный им капитал в денежной же форме. Но в таком случае его роль экономически сводится к роли ссудного капитала и он может притязать не на промышленную прибыль, а лишь на обычный (средний) процент. К этому проценту он может лишь добавить требование вознаграждения за тот сравнительный риск, который он несет, вкладывая деньги в промышленное предприятие, а не в более обеспеченные сферы, напр., в государственные долговые обязательства.

Исторически, в экономическом развитии эта тенденция: сведение акционера к денежному капиталисту, а дохода на акцию (дивиденда) к проценту,—в действительности и воплощается [1]). Для этого необходимо, чтобы акционерная форма стала господствующей формой предприятий, а торговля акциями—фондовая биржа—получила широкое развитие. Пока этих условий налицо не было, акционер до известной степени воплощал в себе предпринимателя, и его доход (дивиденд) включал в себя предпринимательскую прибыль. Когда же эти условия оказываются налицо, то происходит знаменательнейшее явление экономической жизни: промышленность, собирая в акционерной форме громаднейшие свободные денежные капиталы, выплачивает владельцам последних (акционерам) не предпринимательскую прибыль, а лишь процент на капитал. Но тем самым цена акции—удостоверения на право получить долю дохода про-

[1]) Нет, кажется, необходимости оговаривать, что речь идет именно об общей тенденции, а не о конкретных дивидендах данных предприятий, которые могут сильно варьировать в зависимости от ряда условий. Монопольное положение данного производства, обладание им патентом какие-либо специальные гарантии доходности неизбежно, конечно, повышают его дивиденд. Все это особенно сильно сказывается на дивидендах картелей и трестов. Но эти вариации взаимно компенсируются и общая тенденция, проявляющаяся на известном промежутке времени и на ряде предприятий, неизбежно оправдывается.

мышленного предприятия—отрывается от стоимости функционирующего в данном предприятии капитала. Она может колебаться—и колеблется—независимо от последней. Действительно. Возникновение акционерного общества (или увеличение капитала уже существующего) знаменует: с одной стороны, сплочение известного капитала, обращаемого на производительные цели (постройку, покупку машин, сырья, оплату рабочих), и одновременно, с другой стороны, получение капиталистами на руки удостоверений в их праве получить долю дохода с указанного производительного капитала. Но эти удостоверения, акции, именно в качестве свидетельств на доход могут продаваться и продаются. А так как каждый постоянный доход, передаваемый в чужие руки, оценивается, как капитал, равный доходу, капитализированному из обычного уровня процента, то и акция получает собственную цену.

В своей совокупности акции, выпущенные данным предприятием, представляют право на доход с последнего. Но, в силу отпадения от акционера функции производительного капиталиста и его превращения в простого ссудного капиталиста, указанный доход должен составить обычный уровень процента на вложенный капитал. Капитализировав из этого процента (+премию за риск) имеющий быть распределенным доход, мы получим цену акционерного капитала. Это значит: если производительный капитал данного предприятия (здания, машины, сырье, денежная наличность для оплаты служащих и рабочих и т. д.) составляет 1 миллион руб. и дает 200.000 руб. прибыли, а средний процент в то же время равен 5%, то цена общей суммы выпущенных акций будет установлена на бирже в 4 миллиона рублей. Когда, поэтому, говорят: акционерный капитал такого-то общества равен такой-то сумме, то под этим разумеется не что иное, как то, что при данном уровне процента прибыль этого общества оценивается ссудным капиталом в такую-то капитальную сумму. Этот «акционерный капитал», т.-е. сумма цен акций, есть, таким образом, капитал фиктивный, простой результат капитализации из обычного процента дохода действительного капитала, закрепленного в производстве. Кажется, будто существует два капитала: один, воплощенный в зданиях, машинах, наличности, товарах и т. д., а

другой—в цене акций. На деле существует только первый, и только он приносит прибыль. Но свободный денежный капитал, ищущий приложения, оценивает право получить эту прибыль, как процент, и из этой оценки рождается фикция второго капитала в виде цены акций.

Для нас важна, однако, не эта фикция удвоения капитала в виде прибавления к реально-функционирующему капиталу еще и цены акций, а весьма реальный результат этого превращения производительного капитала, работающего и, следовательно, закрепленного в производстве, в акции, свободно обращающиеся на денежном рынке и приносящие только процент, а не предпринимательскую прибыль. Результатом этого превращения и является своеобразное экономическое явление, которому принадлежит громадная роль в экономической политике: учредительская прибыль. На практике она становится известной одновременно с возникновением акционерной формы предприятий, а ее роль в экономическом развитии все растет. По выражению одного современного экономиста, учредительская прибыль касается «существа тех движущих сил, которые ведут к расширению акционерной формы, делают излишним индивидуального промышленного капиталиста, отдают промышленность под господство банков... Учредительская прибыль оказывается одним из наиболее мощных фактов в том ходе развития, который ведет современное хозяйство до его крайних пределов и превращает капитал в совершенно безличную власть». Несмотря, однако, на давнее происхождение учредительской прибыли и ее громадную роль в системе современного хозяйства, ее научное объяснение долго заставляет ждать себя. Еще Родбертус видит в учредительской прибыли—простое «шарлатанство», «пенные брызги от настоящего дела». Однако учредительская прибыль—явление слишком систематически возникающее, чтобы быть «обманом». «Учредительская прибыль не результат обмана, не вознаграждение или заработная плата, а экономическое явление, sui generis» [1]).

---

[1]) Гильфердинг. Финансовый капитал. М. 1912, стр. 143. Только что цитированный экономист считает то раз'яснение учредительской прибыли, которое дал Гильфердинг, „очень важным открытием", специальной заслугой Гильфердинга.

II. МОБИЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА.—УЧРЕДИТЕЛЬСКАЯ ПРИБЫЛЬ.—ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ И АКЦИОНЕР.

С вопросом о характере и условиях возникновения учредительской прибыли связано и решение последней существенной экономической проблемы, связанной с акционерной формой предприятий. Действительно, мы видели, что с превращением производительного капитала в фиктивный капитал (в акции) и созданием рынка этих акций возникает тенденция к сведению дохода на акции (дивиденда) к обычному уровню процента. Но, в таком случае, куда же утекает предпринимательская прибыль, т.-е. та «чистая» прибыль производства, которая очищается при вычете из средней прибыли среднего процента? Ради нее именно и создавал свое предприятие индивидуальный предприниматель. Куда же скрывается она теперь? На этот вопрос и дает ответ явление учредительской прибыли.

Мы знаем уже, что сумма «акционерного капитала» есть цена дохода, капитализированного из обычного уровня процента. Мы видели, что цена акций может быть равна 4 миллионам, когда действительно работающий в предприятии капитал равен всего 1 миллиону, приносящему 200.000 прибыли. Разница в цене «акционерного капитала» и действительно работающего в производстве капитала объясняется очень просто разницей между величиной капитала, который нужно вложить в промышленность, и величиной капитала, который нужно кредитовать, чтобы получить одну и ту же сумму дохода, барыша. Если в данный момент промышленность дает 20% прибыли на вложенный капитал, а средний уровень процента в то же время равен 5%, то для получения 200.000 ежегодного дохода промышленному пред-

принимателю надо вложить в производство 1 миллион, а денежному собственнику, не желающему связывать свои деньги в производстве, вступающему только в качестве ссудного капиталиста, а не предпринимателя, пришлось бы для получения той же суммы дохода ссудить уже 4 миллиона.

Но мы уже видели, что лица, вкладывающие свои деньги в акции, выступают все в большей и большей степени, как ссудные капиталисты, что доход с акций все больше и больше приближается именно к среднему проценту. Так возникает разница между той суммой денег, которую требуется вложить в акции, и той суммой, которую надо закрепить в производстве, чтобы получить ту же самую сумму барыша. Чтобы яснее представить себе эту «хитрую механику», которая сопутствует мобилизации капитала и в которой сказываются все особенности этого процесса, обратимся к тому же цифровому примеру, беря его в самом чистом, упрощенном виде.

Пусть какой-либо банк решил основать в акционерной форме какой-нибудь завод. Завод, конечно, основывается в расчете на получение, по меньшей мере, средней прибыли, скажем, в размере 20% на вложенный в производство капитал. Для оборудования производства нужен, допустим, капитал в 1 милл. руб. Значит, по расчету он будет приносить 200.000 р. прибыли. Но, вообще говоря, ведение акционерного предприятия предполагает большие издержки, чем предприятия индивидуального. Пусть эти повышенные издержки управления и т. д. уменьшат прибыль завода до 140.000 р., вместо 200.000 р. (такое сильное уменьшение допущено нами ради упрощения дальнейших расчетов). Для того, чтобы получить нужный капитал, банк выпускает акции номинальной стоимостью в тот же миллион руб. Денежный капитал, ищущий применения, раскупает эти акции. Однако, на денежном рынке эти акции рассчитываются, как вложения ссудного капитала. Покупающий акцию имеет в виду получить на вложенный им капитал лишь процент, правда, % выше среднего. (Иначе он вложил бы свой капитал в менее рискованные бумаги, в госуд. ренту и т. д.). Допустим, что, при среднем проценте в 5, капиталист вложит свои деньги в акции завода из 7%. При этих обстоятельствах ценность предложенных рынку акций будет расчитана,

как капитал, приносящий из 7%—140.000 дохода, т.-е. в 2.000.000 руб. Итак, акции, номинально стоящие 1 миллион, куплены ссудным капиталом за 2 милл. В производство же будет направлен один миллион. Второй миллион останется в руках выпустившего акции банка в качестве учредительской прибыли.

По поводу этого примера нужно сделать два замечания. Во-первых, читатель не должен удивляться величине учредительской прибыли: история учредительства знает и не такие прибыли! Во-вторых, нами сознательно оставлен в стороне самый механизм, так сказать, техника получения и присвоения учредительской прибыли. В какой именно форме, в какой именно момент и какими именно техническими методами происходит присвоение учредительской прибыли той группой или тем учреждением, которое выпускает акции, нас здесь не может интересовать. Это прежде всего вопрос банковской техники и—в немалой степени — финансового «искусства», вырабатываемого на бирже и культивируемого теми сферами, кои именуются «haute finance [1]). Нас же интересует лишь вопрос об экономическом и общественном значении рассматриваемого процесса.

Изложенное выше должно было показать нам, как превращение производительного капитала, приносящего среднюю прибыль, в фиктивный капитал, в акции, приносящие лишь процент на вложенные в них деньги, создает уже само

---

[1]) Это как раз тот пункт, где туман, окутывающий в глазах широкой публики весь процесс обращения капитала, более всего сгущается. При этом создание учредительской прибыли и весь связанный с нею процесс кажется чудодейственным процессом самозарождения и самоувеличения капитала. Так как и действительно разыгрывающиеся здесь явления более всего удалены от сферы производства и обмена материальных благ, то для массы действующих здесь лиц эта связь и совершенно не существует, а вся эта область подчинена ведению каких-то таинственных мистических сил, призванных из ничего создавать громадные капиталы. Этот мистический туман, облегающий вершины капиталистического хозяйства, очень полезен, однако, тем, кто „знает толк в этих делах“. Прежде всего он влечет на биржу и к спекуляции акциями тысячи наивных людей, а затем он же позволяет затушевывать истинные размеры и характер операций крупнейших деятелей. Вот почему, между прочим, так трудно бывает установить действительные размеры учредительской прибыли.

по себе учредительскую прибыль. Присмотревшись ближе к этой учредительской прибыли, мы увидим, что она представляет не что иное, как ту самую предпринимательскую прибыль, которая выскользнула из рук массового акционера с момента сведения дивиденда к размерам среднего процента. В виде учредительской прибыли эта существеннейшая часть дохода от промышленного предприятия капитализирована из обычного процента и поступила в этом виде в руки «учредителей», в руки тех, кто выпуском акций превратил промышленный капитал в капитал, приносящий только процент, в акции, в фиктивный капитал ценных бумаг. Ясно, что, чем ближе стоит дивиденд к уровню процента, тем крупнее учредительская прибыль, тем полнее воплощается в ней весь предпринимательский барыш. Чем более доход массы владельцев промышленных ценных бумаг низводится до уровня обычного процента, тем крупнее становится учредительская прибыль. А так как мы уже видели—первый процесс развертывается тем сильнее, чем более развита акционерная форма, чем интенсивнее работает биржа, то можно сказать, что чем вообще богаче страна денежным капиталом, тем большая часть всего дохода, создаваемого промышленностью, сосредоточивается в руках привиллегированной группы «учредителей»—финансистов.

В вышеприведенном примере акционеры доставили 2 миллиона руб., на них они получают 140.000 р. дохода, т.-е. 7%. Но эти 140.000 руб. дохода производятся лишь одним миллионом капитала, закрепленного в промышленности, которая дает, по нашему предположению, за вычетом повышенных издержек управления и пр.—14% прибыли. Второй миллион, доставленный лицами, купившими акции, и вмещающий капитализированную предпринимательскую прибыль, перешел в руки учредителей. Итак, в виде учредительской прибыли «учредители» экспроприируют раз навсегда предпринимательскую прибыль, предоставляя владельцам акций получать лишь процент на вложенный ими капитал. Это становится возможным благодаря превращению производительного капитала в акции и это не «обман» и не «шарлатанство» лишь потому, что это не только возможное, но и неизбежное следствие экономически-неизбежного развития акционерной формы предприятий и рынка акций.

Мы теперь у конца того ознакомления с процессом мобилизации капитала, которое необходимо для нашей темы, и можем теперь развернуть формулу мобилизации и оценить этот характерный для современной экономической жизни процесс с точки зрения экономического и общественного развития.

С точки зрения чисто-экономической, с точки зрения движения капитала, схема явлений, значит, такова. Акционерная форма предприятий создает—рядом с реальным капиталом, закрепленным в производстве,—еще и «фиктивный капитал», сумму цен выпущенных акций, рассматриваемых, как удостоверения на доход. Биржа создает в то же время возможность постоянной продажи и перепродажи этих удостоверений, акций. Тем самым создается для каждого индивидуального капитала (и для части его) постоянная возможность быть извлеченным из производства в форме денег и искать нового применения. Функция акционера уравнивается с функцией ссудного капиталиста, и доход на деньги, вложенные в акцию, все более низводится от уровня средней прибыли к уровню процента. Вся же остальная часть прибыли, произведенной в производстве, та именно предпринимательская прибыль, которая в эпоху господства индивидуальной формы предприятий целиком притекала в руки предпринимателя и ради которой он вел предприятие, теперь капитализируется и в этом виде присваивается «учредителями», осуществившими превращение производительного капитала в акции. Все эти явления, характеризующие мобилизацию капитала и непосредственно связанные с ней, возникают в известный момент, как неизбежные спутники акционерной формы предприятий и фондовой биржи и все более развиваются по мере упрочения господства первой и расширения последней.

С точки же зрения всего общественного хозяйства в целом, исторический процесс мобилизации капитала знаменует прежде всего, что производство все в большей и большей мере ведется не на индивидуальные капиталы отдельных производительных капиталистов, а на весь наличный денежный капитал общества, ссужаемый промышленности. Это чрезвычайно важный факт. Он вскрывает наглядно общественный характер не только производства, но и самого ка-

питала и придает предприятиям последнего черты общественных предприятий. На этой именно почве в пределах современного хозяйства создаются, с одной стороны, утопии о «демократизации капитала», с другой же, — разные проекты «огосударствления» тех или других отраслей промышленности (по примеру железно-дорожного хозяйства). Как бы ни относиться к этому по существу, во всяком случае и эти утопии, и эти проекты показывают внедрение в общественное сознание мысли об общественном характере производства и средств производства. Это стало возможным лишь тогда, когда производство, благодаря акционерной форме, наглядно оторвалось от размеров наличного капитала предпринимателя и стало базироваться на всем наличном свободном денежном капитале общества. И благодаря этому же, резче, чем когда-либо раньше, обрисовался полный разрыв между функцией собственника и функцией предпринимателя. В акции и в ее движении на рынке,—следовательно, на бирже—яснее всего проявляется этот разрыв. На бирже передвижение акции из рук в руки не связано с ходом производства, независимо от последнего. Оно совершается по собственным законам, не определяется самим процессом производства или участием в нем и, в свою очередь, не влияет на его ход. В акции «собственность перестает выражать определенное производственное отношение и становится свидетельством на доход, отрешенным от связи с какой бы то ни было деятельностью. Собственность отрешается от своего отношения к производству, к потребительной стоимости»[1]. В этом именно разрыве между движением собственности и производственным процессом коренится источник того мистического тумана, который окутывает биржу и благодаря которому кажется возможным воссоздание и увеличение капитала независимо от трудовых процессов общества. Так, благодаря мобилизации капитала, осуществляется в широких размерах, во-первых, передача наличного денежного капитала общества в руки определенного круга капиталистов для его применения в производстве и, во-вторых, полный разрыв между собственностью на этот капитал (а также правом

[1]) Гильфердинг I. с., стр. 212.

получить с него доход) и каким-либо участием в трудовом процессе общества. Это, как мы сказали, чрезвычайно важный факт. Но не менее важен и другой результат мобилизации капитала, именно то, что капитал, предоставляемый промышленности, выступает на дела, как ссудный капитал, оплачиваемый процентом в то время, как громаднейшая часть прибавочной стоимости, предпринимательская прибыль достается группам «учредителей», т.-е. довольно незначительной по составу сравнительно с массой акционеров и владеющей лишь небольшой (опять-таки сравнительно с общей массой) долей вложенного в промышленность капитала группе. Но «учредительство» становится все в большей и большей мере доступно лишь крупнейщим финансовым учреждениям, *банкам*.

Так, между промышленным предприятием, теряющим характер индивидуальной собственности и ведущемся за счет всего общественного капитала, и владельцами последнего встают отдельные группы крупнейших финансистов, сосредоточивающие в своих руках распоряжение капиталом и доходы с него.

III. КОНЦЕНТРАЦИЯ КАПИТАЛА. — УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РОСТА ТРЕСТОВ.

Все те явления, с экономической сущностью и общественным значением которых мы выше познакомились, связаны с акционерной *формой* предприятий и с развитием торговли акциями. Они проявляются независимо от того, в какой области промышленности работает данное предприятие и каков размер его капитала. Требуется только известный уровень развития промышленности в стране и указанные выше тенденции найдут себе проявление, все равно в акционерном ли обществе какого-либо пивоваренного завода или громадного железнодорожного предприятия. Они объемлют и то, и другое.

Но в современной хозяйственной жизни громадное значение приобретают и другого рода тенденции, связанные уже не с *формой* предприятий, а с их *размерами* и их ролью на рынке. Господство финансового капитала зиждется не только на мобилизации капитала, которую мы рассмотрели, но и на ассоциировании капитала, которое нам предстоит рассмотреть. Мобилизация капитала и порождаемые ею явления касаются сферы обращения капитала и распределения произведенной прибавочной стоимости между его собственниками. Корней же различных форм ассоциирования капитала надо искать в самом процессе производства.

Капитал притекает в ту область производства, где прибыль выше средней, и отливает оттуда, где она ниже. Таков элементарный факт, ведущий за собой тенденцию к установлению некоей средней, равной для всех капиталистов нормы прибыли. Однако это передвижение производительного капитала из одной области промышленности в другую всегда наталкивалось на известные препятствия в самом характере производства и эти препятствия не уменьшаются,

а растут с развитием промышленности. Сами по себе эти растущие препятствия к передвижению производительного капитала, как они ни характерны для современной экономической жизни, нас здесь не могут специально интересовать. Но в характеристике системы финансового капитала нельзя и совсем их обойти. Мы, поэтому, ограничимся простой систематизацией наиболее существенных явлений в этой области.

Понятно, что извлечение производительного капитала из данного производства и вложение его в новое тем легче, чем меньшая часть капитала закреплена в средствах производства (зданиях, машинах, сырье) и чем на меньший срок она закреплена. Между тем, техническое развитие приводит к тому, что оба эти условия все реже оказываются налицо. То часть капитала, которая вложена в средства производства, гигантски растет сравнительно с частью, идущей на оплату труда, а в этой первой части все более увеличивается та доля, которая в производстве закреплена надолго. Исследователи указывают, что сооружение одной доменной печи в Америке обходится в 9 милл. марок, а оборудование там же стального завода в 20—30 милл. долларов. В Германии устройство новой шахты стоит до 6 милл. марок и т. д. При этих условиях прибыль может упасть очень низко и все же извлечение капитала из данного производства для перенесения его в более благоприятную область становится фактически неосуществимым. Но то же относится к приливу капитала. Суммы, которые требуются для основания предприятия, абсолютно все увеличиваются с расширением масштаба производства. И сравнительная недостаточность имеющегося капитала задерживает для него возможность вступить в благоприятную, т. е. обнаруживающую повышение прибыли, отрасль промышленности. Это вполне соответствует общему закону, установленному Марксом.

«Та минимальная сумма стоимости, которой должен располагать отдельный владелец денег или товаров для того, чтобы превратиться в капиталиста, изменяется на различных ступенях развития капиталистического производства, а при данной ступени развития различна в различных сферах производства, в зависимости от их особых технических условий» (К. I, 274).

И еще точнее:

«С развитием капиталистического способа производства возрастает минимальный размер индивидуального капитала, который требуется для ведения дела при нормальных условиях». (К. I, 589). С своей стороны, Энгельс, комментируя соответствующие места Маркса, говорит о том «факте, что не каждой любой незначительной суммы ценности может быть достаточно для превращения ее в капитал, но что в этом отношении каждый период развития и каждая отрасль промышленности имеет свою минимальную границу».

Далее. Если в данной отрасли промышленности господствовала прибыль выше средней, то для сведения ее к среднему уровню требовалось бы лишь известное увеличение производства. Но техника не может считаться с этим. Она требует известного и достаточно высокого уровня производительной способности предприятия. И, благодаря этому, при современных размерах предприятий сооружение нового завода в какой-либо высоко-капиталистической отрасли сразу сильно увеличивает производство и сваливает прибыль ниже средней нормы[1]).

Все это особо сильно сказывается в так называемой тяжелой индустрии, в металлургической, железоделательной, каменноугольной и т. д. промышленности, которой вообще в современной экономике принадлежит доминирующая роль. Здесь вложены огромные капиталы, отлив которых почти невозможен на деле; конкуренция ведется гигантами промышленности; технические преимущества почти уравнены; норма прибыли, вообще говоря, понижается, а каждое новое предприятие и падение цен грозит уронить ее ниже среднего уровня. И здесь же именно возникает тогда тенденция к уничтожению конкуренции, к объединению разделенных прежде и конкурировавших между собой предприятий. Общая тенденция к концентрации, присущая современному хозяйственному строю, получает теперь мощный стимул для своего прогрессивного развития. Начинается эра ограничения свободной конкуренции в промышленности. В центре промышленного развития становятся капиталистические мо-

[1]) Подробнее см. указ. соч. Гильфердинга, где соответствующие явления прекрасно анализированы в главе „Препятствия к уравнению нормы прибыли и их преодоление“.

нополии. Государство, потребители, капиталисты, все общество оказываются лицом к лицу с совершенно новым явлением, потрясающим всю старую организацию промышленности. Для промышленных областей Европы и Америки эта эра начинается в самом конце XIX в., а промышленная жизнь следующего столетия уже целиком окрашена в соответствующие цвета.

Во имя уничтожения конкуренции, ведущей к понижению нормы прибыли, прежде всего происходит объединение, концентрация производства и предприятий, занятых выработкой однородных продуктов. Но в то же время развивается и стремление к объединению предприятий, принадлежащих к различным областям промышленности, но связанных между собой тем, что одна из них даставляет сырой материал для другой.

Для отраслей добывающей промышленности расширение производства труднее, чем для обрабатывающей. Благодаря этому, при повышении спроса на продукты последней цена сырья растет быстрее цены готовых продуктов. Наоборот, при сокращении спроса на готовый продукт цены сырья падают быстрее цен продукта. В результате—прибыль обрабатывающей промышленности падает и возвышается за счет прибыли добывающей промышленности и, наоборот, в зависимости от состояния рынка готовых продуктов. Но мы знаем уже, как затруднено перемещение капиталов: оно фактически невозможно, поскольку дело идет здесь об основах современной промышленности: о железе, каменном угле, чугуне и т. д. И уравнение прибыли достигается теперь лишь единственным способом: присоединением предприятий одной отрасли к предприятиям другой, комбинированием их, объединением, скажем, стального завода с угольными шахтами, или присоединением добычи руды к производству чугуна. В силу этой зависимости одной отрасли промышленности от другой, раз начавшееся объединение не может не прогрессировать в своем объеме. Объединение одной отрасли влечет за собой объединение и других областей,—ради простой самозащиты сначала,—а затем и объединение их между собой помощью комбинированных предприятий.

Не многолетняя еще, но чрезвычайно бурная история объединения промышленности знает много разнообразных

форм достижения своих целей. Любители классификаций насчитывают их чуть ли не десятками. Но, с точки зрения экономического развития, различия даже между главнейшими видами объединения—картелями и трестами—не существенны. И в той, и в другой форме происходит концентрация производства во имя повышения прибыли и устранения конкуренции. Для достижения этой цели объединенная промышленность в известный момент неизбежно должна перейти от регулирования цен продуктов к *регулированию самого производства*, определению его размеров, распределению его между отдельными предприятиями, вопросам технического оборудования их, и т. д. Трест, в котором отдельные предприятия слиты во-едино, конечно, гораздо более приспособлен к выполнению этих задач, чем картель, отношения в котором определяются отдельными договорами.

Для нас важна общая тенденция, а она заключается во все большей концентрации производства, в уничтожении конкуренции, в монополизации промышленности, в том, что анархия производства все больше заменяется его регулированием по общему и единому плану. И следует отметить тут же, что характер современного производства и рынка позволяют монополии и сознательному регулированию установиться раньше, чем это могло бы казаться.

Объединение промышленности стремится по существу своему охватить все более широкие области, считаясь лишь с тем, насколько данная отрасль промышленности созрела для картелирования, т.-е. организована на высоко-капиталистических основаниях. Однако, для того, чтобы трест или картель играл в данной отрасли решающую роль, чтобы он господствовал непосредственно над рынком, а косвенно и над всем производством, нет необходимости в том, чтобы он включил в свой состав все предприятия. Совершенно достаточно, если он в своих руках сосредоточит ту часть продукта, которому обеспечен сбыт не только в хорошие, но и в плохие времена. «Усиление конкуренции посторонних в хорошие времена не вредит корпорации: при уничтожении их корпорация сильнее почувствовала бы на своей собственной шкуре тяжесть перепроизводства, между тем, как теперь она обрушивается, главным образом, на посто-

ронних» т.-е. на не входящих в соглашение предпринимателей)[1].

Таким образом, фактическому господству картеля над промышленностью не препятствует наличность рядом с ним некартелированного производства в известных размерах. Оно даже полезно для него, позволяя картелю сваливать на плечи этого последнего все неудобство колебаний рынка, захватив в свои руки лишь «тот основной контингент производства, который всегда найдет сбыт». Осуществив это, объединенная промышленность приобретает уже совершенно достаточное значение, чтобы 1) реализовать громадные дополнительные прибыли в эпоху повышенного спроса, 2) противостоять депрессии и получать и в это время—убийственное для ее конкурентов—среднюю прибыль, 3) фактически господствовать над ценами, рынком и производством и, наконец, низвести некартелированных производителей на деле от роли самостоятельных капиталистов к роли своих вассалов, а их прибыль к простому вознаграждению. Это косвенное воздействие картелей и трестов на некартелированную промышленность очень важно, ибо дает представление об истинных размерах их влияния в современной экономической жизни.

И дело тут не в том только, что не вошедший в объединение предприниматель должен считаться с ценами и методами производства могущественного треста и картеля. Дело для него обстоит хуже. Выступает ли трест покупщиком или поставщиком, во всяком случае, повышение его прибыли есть вычет из прибыли той отрасли, которая у него покупает или ему продает. Повышение прибыли треста есть понижение прибыли не картелированных, не объединенных отраслей промышленности. Но этим самым дальнейшее развитие последних затруднено, заторможено. Капитал туда не притикает, а стремится уйти оттуда. Обострившаяся конкуренция будет еще более понижать прибыль[2]) и, наконец,

[1]) H. Levy, Die Stahlindustrie der. Vereinigten Staaten. 1905.

[2]) Ср. у Маркса „Сравнительно мелкие капиталы устремляются в такие сферы производства, которыми крупная промышленность овладевает лишь спорадически или не вполне. Конкуренция свирепствует здесь прямо пропорционально числу и обратно пропорционально величине соперничающих капиталов. Она всегда кончается гибелью многих мелких капиталистов, капиталы которых отчасти переходят в руки победителя, отчасти погибают". К. 1,589.

спустить ее до уровня «вознаграждения за наблюдение» над производством. Создавать новые предприятия в этой области представится бесполезным и бесцельным для свободных капиталов.

А в то же время объединенная промышленность будет пользоваться всеми выгодами своего положения. Ей принадлежат все преимущества, которые связаны с большим капиталом. Она получает повышенную прибыль, благодаря устранению или хотя бы ограничению конкуренции. Она получает дополнительную прибыль от всякого технического усовершенствования, ибо способна применить его без одновременного расширения производства, и, следовательно, понизить издержки производства без понижения рыночной цены продукта[1]. В ее руках находится регулирование цен и, следовательно, возможность поднимать их до очень высокого уровня, далеко превышающего издержки производства плюс среднюю прибыль.

При расширении областей промышленности, которые подвергаются картелированию, вообще говоря, существует лишь одна граница для возвышения цен картелем: сокращение потребления. Цена не должна слишком сильно подрывать потребления—вот с чем считается картель, и ни с чем больше[2].

---

[1]) Нельзя оценивать слишком низко того применения научных методов к промышленности, которое приобретает систематический и планомерный характер, как раз с об'единением промышленности. Уже Лафарг писал: „из первоначальной формы тайного или публичного соглашения между конкурентами... трест переродился в *органазацию производства на научных началах*". (Кур. наш).

Это, впрочем, лишь естественное следствие общей тенденции, подмеченной и обоснованной Марксом: „Рост размеров промышленных предприятий повсюду служит исходным пунктом для более широкой организации совместного труда многих, для более широкого развития материальных движущих сил, т.е. для прогрессивного превращения разрозненных и рутинных процессов производства в общественно-комбинированные и научно направляемые процессы производства". (К. I, 591).

[2]) Гильфердинг устанавливает, как границу картельной цены необходимость сохранить за некартелированной промышленностью такую норму прибыли, которая позволила бы сохранить производство. См. стр. 349. Но расширение сферы об'единения отодвигает эту границу, правильно характеризующую картельную цену в каждый отдельный момент,—из-за нее выдвигается та граница потребления, на которую мы указываем в тексте.

Наконец, картелированная промышленность повышает свои доходы тем, что совсем устраняет или сильно ограничивает самостоятельную торговлю и присваивает себе ее доходы. В комбинированном предприятии торговец, игравший роль посредника между его отдельными, ныне слившимися частями, дольше не нужен. Он устраняется, а вместе с тем та доля прибавочной стоимости, которая поступала в его руки, остается ныне в руках самого предприятия. Всякое же монополистическое объединение стремится совершенно уничтожить самостоятельность торговли уже потому, что оно не терпит, чтобы между ним и рынком, подлежащим использованию, стояла самостоятельная фигура купца. Только устранив это «средостение» или, во всяком случае, возможность для него самостоятельно устанавливать цены, картель или трест смогут, действительно, использовать для себя свое влияние на рынке. Это не значит, конечно, что устраняется технический аппарат торговли; это значит только, что монополистическое объединение само берет на себя роль торговца и, оставляя старый размер торговой прибыли, оплачиваемой потребителем, усваивает теперь ее себе. Формы, в которых происходит устранение самостоятельности торговли, сокращение торгового капитала и переход торговой прибыли в руки объединенной промышленности, весьма разнообразны и не могут нас занимать, но общий результат концентрации производства для области торговли прекрасно выражен в словах берлинского купеческого старшины: «Купец вынужден выполнять приказания картелей; самостоятельное соображение исчезает; его торговле отводится определенный район, вне которого ему нечего искать ;ему диктуют цены, по которым он получает товары, и даже цены, по которым он их может продавать». «При таких условиях,—добавляет коллега опечаленного купеческого старшины,—от самостоятельности торговли ничего не остается»[1]). Торговцы, даже сохраняя всю свою внешнюю самостоятельность, подобно мелким предпринимателям, превращаются в агентов картелированной промышленности, и она уделяет им комиссионное вознаграждение,

---

[1]) Цитировано у С. Загорского. „Синдикаты и тресты“. II. 1914 стр. 150.

увеличивая свою прибыль на всю разницу между ним и старой прибылью торговца.

Все это должно было привести и приводит к одному результату: к увеличивающемуся господству трестов и картелей; к захвату ими в свои руки все большей части капиталистически-организованного производства; к их решающей роли на рынке; к тому, что они становятся доминирующими факторами в экономической эволюции страны и в определении торговой, а затем и вообще международной политики государства. Картелирование и трестирование, концентрация производства и предприятий—исторический процесс, для которого развитие современного хозяйства мало-по-малу—от одной отрасли к другой—создает все объективные и субъективные предпосылки. Ныне уже почти половина (около 225 миллиардов франков) всей суммы капиталов, вложенных в промышленные предприятия всего мира (эта сумма оценивается в 500 миллиардов фр.), сосредоточена в картелированных и трестированных предприятиях. А между тем, эпоха широкого развития картелей и трестов датирует лишь с половины 90-х г.г. XIX в., т.-е. является характерной чертой хозяйственной эволюции лишь последних 20—25 лет. Но зато и понять крупнейшие социальные и международные события этих годов без должного внимания к указанному процессу—невозможно, ибо отныне именно в трестах и картелях воплощается могучая сила экономической власти, и в их руках сходятся нити самой гибкой и самой сильной из известных современности форм зависимости—зависимости экономической [1]).

---

[1]) Читатель, быть может, не посетует на нас за извлечение из ряда специальных работ нескольких цифр, иллюстрирующих сказанное в тексте о росте и значении об'единений в промышленности. Годом основания первого треста (в Америке) считается 1882 г. Однако, до 1889 г. тресты являются скорее единичными, исключительными явлениями. Эпоха их действительного и непрерывного развития начинается с 1898. По цензу 1900 г. капитал 185 трестов, насчитывавшихся официальной статистикой С.-А. С. Штатов, равнялся 3,6 миллиардов долл., но из этой суммы 64% составляли капитал трестов, возникших только в 1898 и 99 гг. На 1 июня 1902 г. этот капитал возрос уже до 6,2 миллиардов долл., а 1 сент. 1903 г. до 8,7 миллиардов. Упомянутые 185 трестов, составляя 0,036% всего количества промышленных предприятий С. Штатов, вырабатывали 14,1% всех товаров, произведенных за год в

IV. КОНЦЕНТРАЦИЯ КАПИТАЛА.—ПРОБЛЕМА „ЕДИНОГО ТРЕСТА“.—ГОСПОДСТВО ТРЕСТОВ.

Возникая, как имманентный результат развития капиталистического хозяйства, тенденция к концентрации, к трестированию промышленности не находит себе противодействующего начала в основных посылках современного производства и потому—с точки зрения экономической—не имеет перед собой границы. Конечным результатом этой тенденции был бы *всеобщий трест.*

К подобному расширению сферы объединения промышленности, вернее, к укреплению стремления в эту сторону ведет еще одно обстоятельство, которое мы должны здесь хотя бы кратко отметить. Сказка о том, что картели и

Штатах. Последующие данные говорят, что в 1908 г. число трестов в С. Штатах достигло 10.020, а их капитал 31,6 миллиардов долл., т. е. в них вложено около 30% всего национального богатства Штатов, исчисляемого в 110 миллиардов долл. Вообще же картелированная и трестированная промышленность в своих различных формах сосредоточила в своих руках 80% всего капитала, вложенного в промышленность, торговлю и транспорт. Цифры 1900 г. кажутся мизерными сравнительно с этими цифрами: трест есть произведение XX в. В Германии треть всех существовавших к 1905 г. соглашений создана в период 1896—905 гг. Большинство английских соглашений (их число доходит до 800) создано в 1900-х гг. Что касается степени их влияния на рынке, то оно характеризуется тем, что уже к 1900 году тресты поставляли на американский рынок от 45 до 65% всех соответствующих товаров. В Германии Рейнско-Вестфальский угольный синдикат сосредоточивает в своих руках 54% всей добычи угля в Германии. Все производство чугуна монополизировано Эссенским синдикатом. Так же обстоит дело со сталью в Германии и Америке, с нефтью в Америке, с цементом в Англии и т. д. и т. д. Многочисленные цифры, даваемые иностранными исследователями об‘единений промышленности в различных странах, воспроизведены на русском языке в цитированной работе Загорского. Как ни громадны эти цифры сами по себе, они, однако, далеко отстают от действительности, развивающейся лихорадочно-быстрым темпом.

тресты способны будто бы ограничить и даже совсем уничтожить торгово-промышленные кризисы, сказка, возникшая на заре развития трестов и с таким увлечением рассказанная и Эд. Бернштейном, ныне уже никого не увлекает и окончательно сдана в архив многочисленных иллюзий, порождаемых в известных кругах каждым поворотом экономической эволюции. Ныне исследователи неизбежно сходятся на том, что, благодаря гигантскому расширению производства и росту прибылей, сопровождающих картелирование, оно скорее обостряет, чем смягчает кризисы. Это происходит потому, что в своем современном виде картели, регулируя отдельные отрасли промышленности, неспособны, однако, устранить диспропорциональности во всем производстве в целом. «Только в том случае—пишет г. Туган-Барановский—картели могли бы уничтожить колебания капиталистического развития, если бы они организовали не только отдельные отрасли промышленности, но и накопление всего общественного капитала и планомерное размещение его по разным отраслям производства и притом не в отдельных странах, а во всем мировом капиталистическом хозяйстве в совокупности. Но подобная задача, конечно, не под силу картелям»[1].

Это—несомненно. Подобная задача для своего осуществления требует других общественных сил и других общественных принципов, чем картели и высота их прибыли. Но если эта задача не под силу картелям, то это не значит еще, что в них не существует стремления взять ее на себя во имя осуществления в полной мере своих интересов, интересов роста и устойчивости прибылей. «Если ожидают уничтожения кризисов от единичных отдельных картелей—это свидетельствует лишь о непонимании действительных причин кризисов»—пишет Гильфердинг, мнение которого, как мы видим, вполне совпадает в данном случае с мнением М. Туган-Барановского. Но—продолжает он—«экономически был бы возможен всеобщий картель, который руководил бы всем производством и таким образом устранил бы кризисы»[2].

---

[1]) М. Туган-Барановский. Периодические промышленные кризисы. СПБ. 1913, стр. 463.

[2]) „Он был бы мыслим экономически, хотя социально и политически такое состояние является делом неосуществимым, так как антаго-

Эта экономическая «возможность» есть, однако, просто описательное выражение того, что подобная тенденция есть налицо в современных картелях и трестах, что из области кризисов и колебаний рынка исходит новый могущественный толчек ко все более широкому, все более глубокому регулированию производства, к расширению существующих объединений, к упрочению стремления в сторону всеобщего труда. «Здесь все производство сознательно регулируется из одной инстанции, которая определяет размер производства во всех его сферах... Картель распределяет продукт... Само распределение сознательно урегулировано... Из нового продукта известная часть достается рабочему классу и интеллигентам, другая остается у картеля, и он может употреблять ее, на что угодно» [1]). Это означало бы сосредоточение всей промышленности в руках группы картельных магнатов, обеспечение за ними всей силы экономического могущества и всей власти над определением экономической политики страны, присвоение ими в наиболее обнаженном виде продуктов народного труда.

Тут нельзя не обратить внимания на интереснейшую страничку из истории социально-политических идей в связи с вопросом об «едином тресте». И здесь Марксу принадлежит роль идейного предвосхитителя последующего развития. Уже в 1867 г. он писал в «Капитале»:

«...В настоящее время взаимное притяжение единичных капиталов и тенденция к централизации сильнее, чем когда бы то ни было раньше... Централизация может совершаться посредством простого изменения в распределении существующих капиталов, посредством простого изменения количественной группировки составных частей общественного капитала... В каждой данной отрасли предприятий централизация достигла бы своего крайнего предела, если бы все

низм интересов, доведенный ими до крайних пределов, неизбежно привел бы к его крушению"—тут же поясняет свою мысль Гильфердинг, l. c. стр. 447. Добавим от себя, что осуществление этого „всеобщего картеля" есть предпосылка тех мрачных картин, которые нарисованы в самых пессимистических „романах будущего" Уэллса, как „Грядущие люди" и „Машина времени". В них превосходно угадываются печальные последствия торжества той тенденции, о которой говорится в тексте.

1) Гильфердинг, l. c., стр. 353.

вложенные в нее капиталы слились в один единственный капитал. В каждом данном обществе этот предел был бы достигнут лишь в тот момент, когда весь общественный капитал оказался бы соединенным в руках одного единственного капиталиста или одного единственного общества капиталистов». Повторяем: это писалось еще в 1867 г.

И только в 4-м издании «Капитала», т.-е. в 1890 г. (через 23 г.!) широкое развитие соответствующих явлений в экономической действительности позволило Энгельсу на фактах жизни конкретизировать эту гениально-намеченную тенденцию. В своем примечании к цитированным словам Маркса Энгельс писал: «новейшие английские и американские тресты уже стремятся к этой цели, стараясь соединить по меньшей мере все крупные производства той или иной отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество с фактической монополией» (К. I, 590). Энгельс, как мы видим, говорит здесь только об объединении капиталов в «той или иной отрасли промышленности». Это вполне объясняется узким характером соответствующей практики картелей в 80-х г.г. И только еще через 20 лет Гильфердинг мог уже говорить об «едином тресте», не только как об объединении капитала в той или иной отрасли промышленности, а как бы в оправдание марксовского пророчества о тенденции к объединению «всего общественного капитала данного общества». О «тресте трестов», как о тенденции современного промышленного развития, говорил уже в 1903 г. и П. Лафарг в своей работе «Американские тресты». (См. русск. пер. СПБ. 1906 г., ст. 47).

Такова тенденция. Она неосуществима в чистом виде в силу, как мы только что видели, мотивов социально-политического характера [1]). Но она реально воплощается в деятельности современных объединений промышленности и с нею, как с реальной угрозой, пытается бороться государство методом даже уголовных кар.

Два результата этого процесса должны остановить здесь наше внимание, как непосредственно связанные с империа-

---

[1]) „Ни один народ—писал еще в 80-х гг. автор „Herrn Eugen Dühring Umwälzung der Wissenschaft“—не потерпел бы производства, руководимого единым трестом, такой неприкрытой эксплоатации общества небольшой кучкой отрезывателей купонов“.

лизмом. Оба неотделимы от роста картелирования и только в связи с ним развертывают все свое значение. Один относится к вопросу о приложении капитала, другой к вопросу о том, в чьих руках находится распоряжение последним.

Трестирование обозначает громадное накопление прибылей, усиленный рост денежных сумм в руках хозяев объединенной промышленности. Но вместе с тем оно, обозначает и ограничение возможности применять в картелированных областях вновь накопленные капиталы. А вместе с тем,—мы видели, задерживается развитие не картелированных областей и, благодаря понижению в них прибыли, вложение в них новых капиталов становится невыгодным. В то же время картелирование, сокращая или вовсе уничтожая известные сферы торговли, освобождает значительную часть торгового капитала, который тоже начинает искать применения. Таким образом, по мере роста треста и картелей, все большие массы капитала ищут приложения и не находят его. Создается интенсивное движение к экспорту капитала, к вывозу его за границу и применению его в новых, не переполненных капиталом территориях.

Это один из важнейших фактов международной экономической и политической жизни последних десятилетий. Эпоха конца XIX и начала XX веков есть эпоха экспорта капитала и, следовательно, борьбы за области экспорта—по преимуществу. Резкое обострение этого вопроса есть результат обоих рассмотренных нами процессов, мобилизации капитала и концентрации промышленности в виде ее картелирования и трестирования. И, поистине, экспорт капитала хочет и может изменить «лицо мира».

Что такое экспорт капитала во всем своем объеме, с этим мы познакомимся ниже. А теперь обратимся к вопросу о том, какие изменения вносит объединение промышленности в вопрос о распоряжении капиталом, о власти над ним, следовательно, и о том, в чьих руках находится и решение проблем, создаваемых потребностью экспорта.

Тресты, картели, комбинации—вся область объединяющейся и концентрирующейся промышленности есть область господства акционерной формы предприятий. К ней, значит, в полной мере приложимы все те явления, с которыми

мы познакомились, анализируя эту форму предприятий в чистом виде. Так как здесь акционерная форма облекает гигантские предприятия, то и все, связанное с этой формой, приобретает здесь соответственно широкие размеры. Гигантской становится та часть функционирующего в промышленности капитала, которая не принадлежит самим промышленным предпринимателям и за которую истинные хозяева производства выплачивают лишь ссудный процент (в трестах иногда соответственно повышенный) [1]. Гигантскими, благодаря этому, становятся и учредительские барыши. Тот процесс, который, как мы видели, связан с самой формой мобилизации капитала и который заключается в том, что предпринимательская прибыль капитализируется и присваивается «учредителями», здесь получает полное выражение в доходах финансовых групп, стоящих во главе объединенной промышленности. Перекапитализация («разводнение» акционерного капитала), разделение акций на «привиллегированные» и «обыкновенные», обращение дивидендов на запасный капитал, увеличение акционерного капитала на основе повышенной доходности, и десятки других методов, выработанных практикой крупнейших акционерных обществ (трестов)—ведут все к той же цели, к сосредоточению прибыли в руках небольшого числа «учредителей» и истинных хозяев предприятия. Ибо—к непосредственным результатам рассматриваемого процесса принадлежит то, что действительная власть над предприятием и капиталом принадлежит отнюдь не массе владельцев выпущенных акций.

«Акционерное общество есть общество капиталистов... Права голоса и вообще размеры влияния определяются размером платежа... Следовательно, власть распоряжаться всем предприятием отдается в руки владельцев большей части акционерного капитала. Значит, чтобы распоряжаться акционерным обществом, требуется только половина капитала,—не требуется владеть всем капиталом, как для распо-

---

[1]) См. примечание на стр. 18. Добавим тут, что специальные манипуляции с выплатой дивидендов, так называемая „дивидендная политика", приводит в общем к тому, что массе мелких акционеров и здесь достается лишь доход, незначительно повышенный над уровнем процента, в то время как колоссальные барыши достаются господствующей группе крупнейших акционеров-учредителей.

ряжения частным предприятием... Однако, та сумма капитала, которая достаточна для господства над акционерным обществом, на практике оказывается обыкновенно еще меньше, составляя всего от $1/3$ до $1/4$ капитала и даже ниже... Но еще большую силу приобретает капитал, подчиняющий себе акционерное общество, если дело идет уже не об одном отдельном акционерном обществе, а, напротив, о системе зависящих друг от друга обществ. С развитием акционерного дела развивается особая финансовая техника, ставящая своей задачей обеспечить, по возможности, малому собственному капиталу господство над возможно огромным чужим капиталом». Высказанные соображения Гильфердинг подтверждает примером того, как для подчинения себе мощной системы железных дорог в С. Америке оказалось достаточным для «учредителей»—всего 15 миллионов долл. А что скрывается за безобидными словами «система зависящих друг от друга обществ» раскрывается хотя бы в следующих цифрах. Американским железнодорожным обществам принадлежат акции и облигации горно-промышленных, транспортных, фабрично-заводских, земельных и строительных электрических обществ в общей сумме на 460 милл. ф. ст. В свою очередь, стальному тресту принадлежат акции 31 жел. дороги. Нефтяной трест распоряжается капиталом 62 других промышленных обществ с акционерным капиталом в 175 милл. ф. ст. Он контролирует, между прочим, медный трест, в состав которого, между другими, входит общество, в свою очередь контролирующее 5 крупных обществ с капиталом около 60 милл. ф. ст., и т. д., и т. д. [1]).

Эти цифры и констатируемое ими стремление крупнейших организаций взять в свои руки капиталы других, технически посторонних им предприятий, показывают вместе с тем, как у небольшого числа групп, обладающих относительно малым—сравнительно, конечно!—капиталом, сосредоточивается распоряжение и господство над огромными капиталами, вложенными в современную промышленность,

---

[1]) **Вышеуказанные цифры и факты, заимствованные у Liefman, Moody, Jenke, Meade и др., приведены, между прочим, в указанной работе г. Загорского.**

транспорт, торговлю и т. д. Мы видим здесь концентрацию экономической власти независимо от концентрации собственности. В лице этих групп воплощена наличная власть общества над производительными силами, господство его над накопленным и затрачиваемым капиталом и трудом.

Но что это за группы? Каково их положение и функция с общественной точки зрения?

Кто он, заменяющий игру свободной конкуренции, этот палладиум капиталиста XIX в., регулированием производства и имеющий возможность сосредоточить в своих руках направление народно-хозяйственной жизни в такой степени, в которой это и не мечталось индивидуальному капиталисту-предпринимателю?

Мы знаем, что промышленность все более концентрируется и путем устранения или ограничения конкуренции в своих отдельных частях сознательно регулируется, поднимая таким образом свои доходы. Мы знаем также, что эта концентрированная, планомерно-регулируемая и повышенно-доходная промышленность ведется ныне во все большей степени не за счет индивидуальных капиталов отдельных предпринимателей и их накоплений, а за счет всего свободного денежного капитала всего общества и его накопления. Мы видели, наконец, что передача этого капитала в производство происходит путем его мобилизации.

Но это значит, что доминирующая роль в организации промышленной жизни страны и в руководстве ею принадлежит по праву тем, кто фактически имеет возможность собрать свободный денежный капитал, имеющийся в обществе, заплатить за него обычный процент, устранить его собственников от всякого непосредственного участия в распоряжении им и—затем—централизовав его, вложить этот капитал в производство, получив на свою долю всю производимую им в производстве прибыль. Но в современном обществе и делают и могут делать это—только банки. В этом слове ответ на поставленный выше вопрос. Господство банков над промышленностью—есть неизбежный плод и высшая ступень современного хозяйства. С ним вместе приходит эпоха финансового капитала и сменяет эпоху капиталиста-предпринимателя, как эта последняя в свое время сменила эпоху торгового и ростовщического капитала. А

вместе с тем изменяется и весь «стиль» эпохи, ибо финансовый капитал приносит с собой и свою политику, и свое собственное понимание международных проблем—проблем мирового рынка—и новую, своеобразную группировку общественных сил и интересов. И, чтобы понять все то новое, что принес и несет с собой финансовый капитал, нам теперь, после анализа мобилизации и концентрации капитала, остается познакомиться с этим последним звеном—банком и его современным значением.

V. НОВАЯ РОЛЬ БАНКОВ.—ГОСПОДСТВО БАНКОВ.—ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ.

Банки созданы потребностью в кредите и для него [1]. Но роль, объем и формы кредита изменяются с ходом хозяйственного развития. Первоначальной областью применения кредита является торговый капитал (кредит государственный и муниципальный мы оставляем здесь и во всем дальнейшем в стороне). Банки в эту эпоху обслуживают по преимуществу торговцев, а промышленных предпринимателей лишь постольку, поскольку последние выступают покупщиками и продавцами товаров. Орудие этого кредита—вексель, и операции банкиров, в основном исчерпываются торговлей векселями промышленников и купцов. По отношению к последним интерес кредитного учреждения ограничивается вопросом о их платежеспособности и дальше не простирается. Однако, это ограничение области и формы кредита—и, следовательно, деятельности банков—удерживается лишь до тех пор, пока в промышленности господствует индивидуальная форма предприятий и пока она удовлетворяется тем капиталом, который находится в руках этих индивидуальных предпринимателей.

Все это изменяется с развитием промышленности. Во-первых, с ростом предприятий она во все большей мере

[1] „Вместе с капиталистическим производством развивается совершенно новая сила, кредит; вначале он потаенно прокрадывается, как скромный пособник накопления, посредством невидимых нитей стягивает в руки индивидуальных или ассоциированных капиталистов денежные средства, большими или меньшими массами рассеянные по поверхности общества; но вскоре он становится новым и страшным орудием в конкурентной борьбе и, в конце концов, превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов". (К. I, 589, 590).

предъявляет спрос на кредит вообще и она требует его—во-вторых,—не только для оборотного, но и для основного капитала.

Но, когда банк кредитует оборотный капитал (на покупку сырья и т. п.), это значит, что он дает деньги на сравнительно короткий срок (на тот период времени, покуда сырье не превратится в товар и будет продано) и заинтересован лишь в данной операции. Получит ли предприятие после того новый заказ, найдет ли вновь рынок для своего продукта, какова будет его прибыль—все это ничуть не интересует банкира. Иное дело, когда часть его денег вложена в основной капитал (в здания, машины и т. д.). Она, значит, вложена надолго, во-первых, а, во-вторых, теперь уже кредитор-банк заинтересован не в исходе той или иной операции предприятия, а во всей его судьбе. Вопрос о рынке, об уровне прибыли интересует теперь кредитора так же, как и самого предпринимателя. Банк и промышленное предприятие прочно и надолго оказываются связанными между собой. И эта связь необходимо растет и углубляется по мере роста фиксированного в производстве капитала, по мере роста масштаба предприятий, кратко говоря, по мере увеличения той доли денежных запасов всего общества, которая вкладывается в промышленность.

Сейчас указанная связь банков с промышленностью находится, таким образом, в зависимости от размеров промышленных предприятий. Но она получает действительное осуществление и громадное развитие, благодаря акционерной форме предприятий, т.-е. благодаря мобилизации капитала.

Действительно. Доставить основной капитал индивидуальному предпринимателю для банка—невозможно. Ведь это значило бы просто передать наличные деньги банка в руки промышленного предприятия на долгий срок и почти без контроля. Доставить же капитал акционерному обществу—значит, выдать деньги, которые немедленно же и, во всяком случае, независимо от времени оборота капитала в производстве возвращаются в банк в виде цены проданных акций. Превращение капитала, вложенного в производство, в продаваемые и перепродаваемые бумаги-акции, обозначает, таким образом, для банка возможность доставлять промыш-

ленным предприятиям и их основной капитал. Это первое. Но эта же способность акции постоянно реализоваться в денежной форме позволяет теперь банкам вложить в них на тот или другой срок и свои собственные наличные капиталы. Отдать свою наличность отдельному капиталисту на постройку доменной печи для банка невозможно: это значило бы связать капитал банка и ждать его возвращения до того момента, когда производство печи окупит ее постройку; это значило бы, что банк перестал быть банком. Но вложить свои деньги в акции общества доменных печей вполне возможно, ибо акции эти всегда могут быть превращены в деньги.

Но, доставив промышленному предприятию капитал, вложив свои деньги в его акции, банк отныне прочно заинтересован во всем ходе предприятия, в обеспеченности его рынка, в размерах его прибылей, в ходе конкурентной борьбы, в курсе его акций. Он стремится и добивается для себя контроля, участия в распоряжении предприятием. Он стремится осуществить это в возможно большем числе предприятий, чтобы контроль этот принял действительный характер. Крупные банки—пишет авторитетный исследователь отношений банков и промышленности, Jeidels — стремятся завязывать, по возможности, многосторонние связи с промышленными предприятиями—многосторонние в отношении места и отраслей производства, и, по мере сил, устранять неравномерность в распределении этих связей. Рука об руку с этим идет стремление консолидировать отношение к промышленности, превратить их в регулярные постоянные связи, выразить их и дать им, по возможности, дальнейшее расширение и углубление» [1]).

Для иллюстрации сказанного тот же Jeidels и др. исследователи приводят следующие цифры. В наблюдательных советах, которым принадлежит общее руководство акционерных обществ, только шесть крупнейших берлинских банков располагали 751 местом: треть всех мест директоров и членов этих советов (почти 3.000) принадлежит 197 лицам. Отдельные представители банков занимают место чле-

---

[1]) Jeidels, „Das Verhältnis der deutschen Grossbanken zur Industrie“ L. 1905 стр. 180.

нов и директоров в 30—40—50 акционерных обществах. Один «Германский банк» представлен в советах 220 предприятий. Фирма Моргана в 1906 г. была представлена в 109 предприятиях (сюда входят банки, железные дороги, пароходные компании, заводы, страховые общества и пр.), и т. д., и т. д. Но иллюстрируемая этими цифрами степень влияния банков на промышленность еще очень далека от их действительного влияния. У банков есть еще более острые орудия контроля и воздействия на промышленные предприятия, чем участие в советах последних. Это так называемая операция по текущим счетам и репорт. Текущий счет, представляя «основную ось всех операций банков с промышленностью», в то же время дает возможность банку постоянно судить о ходе предприятия и контролировать его. Значение этой операции для промышленности все растет. Репорт—это биржевая операция. Биржа—вне нашей темы и поэтому мы только кратко укажем, что в репортной сделке биржевой деятель передает на время право собственности на акции владельцу денежного капитала, т.-е. на деле тому же банку. На современной бирже эта сделка приобретает все большее значение сравнительно с другими и поглощает наибольшую долю текущего капитала [1]). Но помимо всего прочего, эта операция—объем которой все расширяется—имеет для банка то значение, что, благодаря ей, он получает возможность без труда и во всякое время приобрести на короткий срок акции интересующего его почему-либо предприятия. А что это значит, об этом просто и ясно рассказал один эксперт германской биржевой анкеты. «Посредством репорта—говорил этот эксперт—он (т.-е. банк) обеспечивает себе большое количество акций к тому месяцу, когда должно состояться общее собрание. Он выступает, как собственник нескольких миллионов акций, — которые принадлежат вовсе не ему,—внезапно выступает перед солидными акционерами, которые ни о чем не догадываются; они разом подвергаются неожиданному нападению, им преподносятся такие милые вещи, которых они и не предчув-

---

[1]) В определении этого растущего и основного значения репорта на современной бирже сходятся одинаково и юристы, и экономист Ср., напр., Шершеневича, I. с., стр. 2278 и Гильфердинга, стр. 209.

ствовали». Сколь бы ни было, однако, драматично положение «солидных акционеров», в репорте банки находят лишь новый метод воздействия на промышленность, новый путь для подчинения ее себе.

Сама биржа, которая в теории представляет из себя свободный и для всех открытый рынок промышленных акций, на деле попадает во все большую зависимость от банков. Расширяя и сжимая кредит покупщикам и продавцам ценных бумаг, банки воздействуют на уровень процента. Выступая сами в качестве таковых, они воздействуют на курс бумаг. Удовлетворяя предложение и спрос своих клиентов в своих собственных пределах, они сжимают сферу деятельности собственно биржи. Будучи лучше знакомы с положением промышленных предприятий, имея возможность направлять их деятельность, они оказываются более сильной стороной на бирже. В результате этот свободный рынок ценных бумаг сам в большой степени попадает в зависимость от крупнейших банков и судьба бумаг промышленных предприятий все больше определяются именно банками.

Так, с одной стороны, растет заинтересованность банков в длинном и разнообразном ряде промышленных предприятий, а с другой стороны—их способность воздействовать на последние. Этим определяется и громадная роль банков в процессе объединения промышленности.

Мы видели, что источники этого процесса коренятся в самом производстве и в стремлении предпринимателей к повышению своих прибылей. Но банки оказывают на этот процесс могущественное влияние, гигантски ускоряя его, укрепляя объединенную промышленность и укрепляясь сами в этом процессе. В конце-концов, можно сказать, что относительно объединенной промышленности именно банки выступают в роли организаторов, а затем и истинных руководителей ее.

Действительно. Вложив капитал в различные предприятия, банк заинтересован не в том, чтобы одно из них повысило свою прибыль за счет другого, а, наоборот, в устойчивости и повышении прибыли всего этого ряда предприятий. Если бы развитие конкуренции привело одно из этих предприятий к понижению прибылей, а затем и к банкротству, то для банка это знаменовало бы лишь обесценение

вложенного им капитала. Ожидать спокойно этого момента банк не может.

Но не только устранение конкуренции между предприятиями, в которых он заинтересован, а и вообще устранение всякой конкуренции и установление монополии в данной отрасли промышленности—ради повышения прибыли—властно диктуется банку его интересами с момента установления его связи с промышленностью. Отсюда та тенденция банков, которую Гильфердинг характеризует как «абсолютное стремление банка к устранению конкуренций (в промышленности)». «Уже самый технический принцип банков делает банки в основе противниками конкуренции—формулирует свои выводы другой исследователь,—им особенно важно устранение конкуренции в промышленности путем картелей. Крупные банки там, где промышленное развитие особенно сильно, всегда вполне сознательно поддерживают процесс концентрации» [1]. На службу этого своего «абсолютного стремления» к монополизации рынка банки, как мы только что видели, могут поставить свои весьма могущественные способы воздействия на промышленные предприятия. Для них конкуренция может оказаться невыгодной уже тогда, когда отдельные предприятия могут еще возлагать на нее свои надежды. Тогда банковая политика приводит к картелированию и трестированию гораздо ранее, чем к этому бы вынудило предприятие дальнейшее развитие конкуренции. С вмешательством банков концентрация производства и предприятий гигантски ускоряется, а вместе с тем зависимость промышленности от банков принимает наиболее интенсивный характер.

Корень же этой зависимости промышленности от банков находится в том, что именно в последних концентрирован необходимый для нее капитал. Только здесь, в банках, сосредоточен в больших массах и временно бездействующий капитал предпринимателей, и наличные сбережения всех других классов общества. Распоряжение этим капиталом зависит от банков. Путь от промышленности к необходимым ей денежным капиталам лежит через банк. Он является фактически распорядителем всего национального

1) Jeidels l. c., стр. 253.

денежного капитала и только через его посредство этот капитал может быть доставлен промышленности, т.-е. может быть выполнено превращение денежного капитала в производительный капитал путем его обмена на акции, путем его мобилизации.

Это—основная черта последней ступени современного развития. Она обозначает зависимость промышленности от банков и господство финансового капитала, «капитала, находящегося в распоряжении банков и применяемого промышленниками». Отныне банкам принадлежит та социальная, экономическая и политическая мощь, которая в современном обществе обеспечена за тем, кто в своих руках сосредоточивает распоряжение капиталом. Это тем вернее, что с концентрацией собственности владение акциями крупнейших акционерных предприятий и акциями самих банков сосредоточивается в руках одних и тех же лиц. Руководители трестов и картелей и руководители банков, в конце-концов, сливаются в одну доминирующую в экономической жизни страны группу финансистов.

Мы видим, что в руки банков переходит функция превращения денежного капитала в производительный капитал путем его обмена на акции [1]). Но это значит, что отныне банк же реализует и учредительную прибыль, что ему достается капитализированный предпринимательский доход. Так же как собственник акций, не выполняя никакой функции в производстве, получает часть произведенной в нем стоимости, так и банк, равным образом не участвующий в производственном процессе, реализует в свою пользу остальную часть этой стоимости. И по мере того, как доход акционера, дивиденд—сводится для массы их все больше к простому проценту на выданные им деньги, банку достается все большая часть всего результата хозяйственного труда. Он получает это не за какую-либо кредитную сделку (выпуск акций—не есть кредит), не за участие в производственном процессе, а за то лишь, что ему принадлежит распоряжение всем денежным капиталом общества и что он направляет и распределяет его в промышленности.

[1]) „Обмен“ употреблен здесь не в строгом смысле, который имеет этот термин в политической экономии, а лишь, как описательное выражение процесса мобилизации капитала.

В виде учредительской, которую теперь мы можем уже назвать эмиссионной, прибыли банку достается капитализированная предпринимательская прибыль. Она зависит при данном уровне процента—от общей доходности промышленных предприятий. Банк, поэтому, ближайшим образом заинтересовывается в последней. Устранение конкуренции, установление монополии в производстве, поднятие цен, расширение рынка, увеличение капиталов путем новых выпусков акций, роль иностранной конкуренции в промышленности, завоевание для нее новых рынков, таможенная политика—все это находит себе отныне свое отражение в прибылях банка и составляет для него теперь существеннейший интерес. К этому прибавляется и то, что, распоряжаясь громадными капиталами, главенствуя над отдельными предприятиями и располагая вообще громадным социальным могуществом, банк может и должен воздействовать на решение всех указанных вопросов в гораздо большей степени, чем это мог сделать когда-либо индивидуальный предприниматель предшествующей эпохи. Банк, начавший свою деятельность, как простой кредитор, интересующийся лишь платежеспособностью своего должника, ныне объемлет своими интересами все вопросы, связанные с производством и, вообще, хозяйственной жизнью страны. В его лице финансовый капитал господствует над последней и приобретает доминирующее значение в решении всех проблем внутренней и внешней политики, связанных с хозяйственной жизнью государства. А что же не связано с последней в политике промышленных стран?

Тут уже мы можем отметить один непосредственный и весьма важный для политики финансового капитала результат его господства. К индивидуальному капиталисту предпринимательская прибыль притекает медленно, постепенно и, во всяком случае, сообразно с ходом производства. Но к банкам она в виде учредительской прибыли притекает сразу крупными концентрированными массами и независимо от действительного периода оборота в производстве. Приложение этих крупных капиталов в картелированных областях означало бы, вообще говоря, понижение цен и понижение прибылей; приложение их в не картелированных областях—затруднено.

Так, проблема экспорта капитала, которую мы отметили, как результат объединения промышленности, еще больше обостряется для банкового капитала. Объединенная, трестированная промышленность и банки совпадают в своем интересе к экспорту капитала, к новым областям его приложения. И они обладают достаточным могуществом, чтобы сделать из этого специально интересующего их вопроса стержень всей национальной политики!

Вместе с мощью банков—и как бы для завершения всей картины господства финансового капитала—растет и их концентрация. Сфера взаимной конкуренции для банков вообще ограничена, а установление связей с картелированной промышленностью приводит и в банковой деятельности к концентрации сначала капиталов в отдельных банках, а затем и самих банков. В Германии этот процесс привел к господству крупнейших банков, которые в 1910 г. одни располагали капиталом в 1,2 миллиарда марок, что составляет около половины капитала, принадлежащего всем 165 банкам Германии. 6 из этих 8 банков стояли во главе особых банковых союзов, обнимающих 450 финансовых учреждений с общим капиталом более 2,5 миллиардов мар. (общий акционерный капитал всех германских акц. банков равнялся к этому моменту 2,8 миллиардам). Два банка из этих 6 объединяли 91% всего капитала объединенных в концерны учреждений и 1,4 миллиарда капитала [1]).

Не иначе обстоит дело и в С. Штатах, где немногочисленные группы финансистов, представителей банкового капитала, управляют экономическими силами страны. Англия отнюдь не характерна для интересующего нас процесса (в ней связь банков с промышленностью и объединение последней развивалось сравнительно слабее, чем в Германии и С. Штатах), но и в ней за одно десятилетие концентрация банков привела к уменьшению их количества на 54% при одновременном увеличении их операций (пассивных) на 63% (Ibid). После этих кратких справок нас не удивит вывод, к которому приводит предшествующее изложение и который мы здесь формулируем подлинными сло-

---

[1]) Цифры даны Riesser'ом. Die. d. Grossbanken und ihre Konzentration. 1912. Ср. Загорский, ук. соч.

вами Гильфердинга. «С развитием банкового дела, с возрастающей глубиной связей между банками и промышленностью, усиливается тенденция, с одной стороны, к устранению конкуренции между банками, с другой—к концентрации всего капитала в форме денежного капитала и к тому, что производительные капиталисты получают его в свое распоряжение лишь при посредстве банков. В своем последовательном развитии эта тенденция привела бы к тому, что один банк или одна группа банков стала бы располагать всей совокупностью денежного капитала. Такой «центральный банк» осуществлял бы *контроль над всем общественным производством»* [1]).

Эта тенденция к «центральному банку», идущая из сферы обращения капитала, совпадает с той тенденцией к «всеобщему тресту», которая идет из сферы производства и которую мы констатировали выше, а, совпадая, эти тенденции создают «великую концентрированную мощь финансового капитала». Для нас важно в данный момент не то, как и в каких формах могли бы эти тенденции получить полное осуществление, а то, что ими уже сейчас констатируется высокая степень концентрации всего производства материальных благ и централизация управления им. Это громадный шаг вперед в деле организации хозяйственной жизни современного общества [2]). Но, как мы видели, эта организация находится в руках финансового капитала. Крупный немецкий предприниматель Ратенау сказал: «300 человек управляют всей промышленной жизнью Германии». Этим сказано, что в лице этих «300» воплощено то сознательное руководство производительными силами страны, которым может располагать современное общество. Но, не зная и не интересуясь знать, кто именно эти лица, мы можем

---

[1]) L. c. стр. 262. Ср. также стр. 354. Кур. наш.

[2]) Выражаясь термином г. Струве („Хозяйство и цена", 1913) это есть высокая ступень „рационализации" общественного процесса. Однако сам г. Струве, воюя в указанной работе с социальными теориями, предвидящими еще более глубокую и еще более полную „иррационализацию" их и стремящимися к этому, упустил из виду, что она создается уже современным хозяйством. Это обесплодило всю его критику указанных теорий. (Дело идет об экономической критике социализма г-ном Струве. *Прим. к наст. изданию).*

утверждать, что с общественной точки зрения их «управление промышленной жизнью» есть управление ее финансовым капиталом. В другой форме ту же мысль выразил Гильфердинг, указав в заключение своего исследования, что у копо в руках шесть крупнейших берлинских банков, тот непосредственно господствует над важнейшими сферами крупной промышленности и косвенно подчиняет себе всю промышленность. Таково значение финансового капитала в современной хозяйственной жизни.

Когда писались вышеприведенные слова Гильфердинга, автор их не подозревал еще, как скоро действительность—в несколько неожиданной, правда, форме—подтвердит его теоретический вывод. Тот «военно-промышленный совет» в Германии, сведения о котором в начале войны проникли в печать, видимо, призван как раз планомерно регулировать всю промышленную жизнь страны через входящих в его состав представителей банков и картелей. Это стало возможным лишь потому, что уже предварительно и на чисто экономической почве это руководительство было фактически сконцентрировано в руках последних. В данном случае, вся промышленная организация страны через посредство банков поставлена на службу милитарному государству, осуществляющему ее же, империалистические задачи. Но самая возможность осуществления этого в широких размерах показывает, что концентрирование производства и установление зависимости его от банков привело уже к тому, что промышленная жизнь в целом легко может быть подчинена общественному контролю и руководству.

Поэтому же, наблюдатели английской общественно-экономической жизни за последние месяцы могут с полным правом говорить о крутой ломке в «методах руководства многими отраслями народного хозяйства Англии», о том, что на место индивидуалистической организации рынка и хозяйствования становится «новая общественная организация». Эта организация не ограничивается контролем над рынком в смысле установления только цен товаров, но все больше должна переходить к руководству и производством их, а, следовательно, и осуществляет в широкой степени сознательное регулирование производства и централизацию управления им. В этом смысле указанные тенденции одина-

ково подготовлены предшествующим экономическим развитием всех промышленных стран и проявляются и в Англии, как и в Германии.

Если же в данный момент этот контроль и руководство находятся еще в руках милитарного государства, то это отнюдь не значит, что и всегда так будет и что этот контроль не может принять других форм... Впрочем, для нас этот опыт важен лишь, как показатель той мощи, которую современная хозяйственная жизнь предоставляет финансовому капиталу.

VI. ИМПЕРИАЛИЗМ.—ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА.

Мы познакомились с экономическими предпосылками господства финансового капитала и формой этого господства; взглянем теперь на некоторые из ближайших последствий этого господства, на то, что можно назвать политикой финансового капитала.

Раз утвердившись, господство финансового капитала оказывает влияние, можно сказать без преувеличения, на все стороны общественной жизни. Положение массы населения,—и как потребителей и как производителей,—формы ее участия в общественной жизни, экономическая политика страны, торговая политика государства, проблемы внешней политики, соотношение общественных классов и групп, даже идеология их,—все это претерпевает серьезные видоизменения под воздействием новых тенденций, находящих свое завершение в господстве финансового капитала.

Мы остановимся здесь только на некоторых из этих последствий, именно на тех, которые ближайшим образом охватываются понятием «империализма» и которые настолько близко связаны с самой сущностью финансового капитала, что самое его господство может быть названо господством империализма, а сам он—«империалистским капиталом». Ибо в основе своей империализм есть ничто иное, как выражение в области внешней политики государства внутренних тенденций финансового капитала. Это—то же явление, лишь рассматриваемое под различным углом зрения.

Тут нужно сделать одну оговорку, на которой, впрочем, мы не можем долго останавливаться. Финансовый капитал возникая, находит данную страну в известных исторически сложившихся условиях ее существования. Упрочиваясь, он действует известным образом на их дальнейшее развитие,

но и его собственное развитие принимает то или другое направление в зависимости от этих условий. Политическое положение внутри страны и исторически-данная международная обстановка прямо и непосредственно определяют и характер средств, которыми располагает финансовый капитал в своих агрессивных замыслах и объект его стремлений. Германия и Соед. Штаты в одинаковой степени страны финансового, империалистического капитала. Однако конкретная политика финансового капитала там и здесь будут сильно различаться одна от другой, хотя бы уже потому, что в Германии он находит крупные остатки феодального прошлого и законченную милитарную систему, которых не было и нет в Соед. Штатах, потому, далее, что история и география делают объектом его стремления в одном случае Африку и Среднюю Азию (для Германии), Южную Америку и побережья Тихого Океана (Китай!) в другом (для С. Штатов). Если и тут, и там дело идет по существу об одном и том же—о новых рынках, то конкретное различие и самих этих рынков, и тех методов, с которыми можно к ним подступить, обусловливает длинный ряд различий в политике империалистического расширения, степень его интенсивности, большую или меньшую активность и брутальность, возможность располагать широким общественным сочувствием, и т. д. и т. д.

Мы в последующем оставляем в стороне всю эту конкретную обстановку, всю наличную политику держав. Нашей задачей будет осветить только некоторые о б щ и е тенденции, связанные с финансовым капиталом, те тенденции, которые присущи ему вообще, несмотря на все различие их проявлений в данных исторических условиях.

С одной из этих характерных черт мы уже встретились, говоря о трестировании промышленности и о создании крупных учредительских, эмиссионных барышей для банков. Это—сильнейшее обострение для эпохи господства финансового капитала вопроса об экспорте капитала. Вся важность этого вопроса выяснится нам, однако, еще более, если мы предварительно остановимся на связанном с ним вопросе, на торговой политике финансового капитала вообще.

Было время,—доисторический период для финансового капитала, время господства индивидуального строя и инди-

видуального капиталиста-предпринимателя в промышленности, время свободной конкуренции,—когда вопросы торговой политики, казалось, окончательно решены и для теории, и для практики. Это время охватывает средние десятилетия XIX в., время уничтожения таможенных пошлин в Англии, «кобденовского» англо-французского договора, полного торжества теории свободной торговли в политической экономии. Англия, превышавшая уровнем своего промышленного развития все другие страны, стала в силу этого же классической страной свободной торговли. В своем старом по времени издания, но поучительнейшем именно для нашего времени «Историческом очерке развития идей свободной торговли и начал государственного вмешательства» проф. Янжул цитирует между прочим слова, с которыми обратился к английскому парламенту Р. Баднэлль и которые вполне выражали дух эпохи: «Свободный труд и свободные нестесняемые коммерческие отношения между человеком и человеком и между нацией и нацией наилучшим образом способствуют собранию богатства и успеху цивилизации человечества; наоборот, монополии, пошлины, стеснения, запрещения препятствуют образованию богатства, разрушают промышленность и цивилизацию. Поэтому свобода торговли есть благословление, стеснение же, или запрещение в промышленности и торговле есть проклятие»[1]).

Эта уверенность в абсолютной выгодности начал свободной торговли была так велика в ту эпоху у представителей промышленности, что вождь либерального английского капитала, Кобден, через 16 лет после Баднэлля утверждал: «примите политику свободной торговли (в Англии), и не будет в Европе тарифа, который через менее, чем пять лет, не последовал бы вашему примеру». Та же уверенность в том, что интересы промышленного капитала всегда и везде связаны со свободной торговлей, сказывается через 6 лет после цитированных слов Кобдена—в утверждении его соратника Алисона, что «чем долее другие нации будут отказываться последовать нашему (английскому) примеру уничтожением своих тарифов, тем долее наше господство продолжится». Слова Баднэлля относятся к 1830 г., слова

[1]) Янжул. Английская свободная торговля, т. II, М. 1892; стр. 309

Кобдена к 1846, а Алисона—к 1852, а вот что писал русский историк их идей в 1882 г. «В 1853 г. ассоциация протекционистов была распущена и закрыта, а с тех пор и до настоящего времени (до 1882 г. Л. К.), хотя и встречались в Англии многие общества схожего характера, но уже чисто-протекционистские общества, неприкрытые так называемым «принципом взаимности», более в Англии не возникают»...

Таким образом, в этой любопытной и знаменательной борьбе двух начал в торговой политике, протекционизм оказался решительно побежденным и торжественно сложил оружие» [1]).

Но победа принципов свободной торговли выразилась не только в их прямом осуществлении в политике Англии, но и в том,—и это, пожалуй, не менее характерно для эпохи,—что даже защитники протекционизма на европейском континенте и в Америке сами смотрели на защищаемые ими охранительные пошлины, как только на неизбежное и временное зло, только как на средство «воспитать» промышленность своих отсталых стран, защитив ее от конкуренции Англии, чтобы затем и как можно скорее перейти к той же свободе торговли.

Так рассуждала эпоха индивидуального капиталиста-предпринимателя. Так не рассуждает и не может рассуждать картелированная промышленность и эпоха финансового капитала. Картели и финансовый капитал изменяют в корне всю постановку вопроса о международных торговых сношениях и придают охранительным пошлинам тот характер, которого они никогда не имели даже в устах своих прежних защитников. Не говоря уже о континенте и С. Штатах, которые вообще никогда не торопились следовать советам и оправдывать надежды английских фритрэдеров и где ныне безраздельно и непоколебимо господствует протекционизм, но и о самой Англии уже в конце 90-х г.г. нельзя было повторить тех слов Янжула, которые были абсолютной истиной в начале 80-х г.г. Переход тяжелой индустрии Англии на сторону протекционизма—несомненен. Для объединенной промышленности и для заинтересованного в ней

---

[1]) Янжул. L. c. стр. 428, 330, 302.

банкового капитала вопрос об охранительных пошлинах есть существеннейший вопрос и вопрос, допускающий только один, а именно утвердительный ответ уже потому, что, во-первых, охранительные пошлины упрочивают монополию на рынке и вообще служат базой трестов и картелей, и потому, во-вторых, что они дают им новые дополнительные прибыли. Уже этих двух мотивов, аппеллирующих, как мы видели, непосредственно к карману, было бы достаточно, чтобы протекционизм мог теперь опереться на всю социальную и политическую мощь финансового капитала. Но есть еще и третий, не менее существенный мотив непреоборимой тяги картелей к охранительным пошлинам, и он заключается—как бы это ни показалось странным на первый взгляд—в том, что охранительные пошлины эмансипируют объединенную промышленность от национального рынка, как в смысле расширения ее производства, так и в смысле сравнительной независимости его от периодов кризисов и депрессии.

Первые два мотива не нуждаются в подробных пояснениях. Предыдущее изложение, в котором мы для объяснения основной тенденции к объединению промышленности не имели нужды обращаться к таможенной политике государства, показало нам, что само-по-себе картелирование не связано с охранительными пошлинами. Ясно, однако, с другой стороны, что картелирование идет тем успешнее и быстрее, чем меньше число конкурентов и что устойчивость монополий на рынке тем больше, чем менее возможно появление на нем заграничных товаров. Подтверждением этому служит вся история объединения промышленности и развития банкового капитала в С. Штатах и в Германии, где связь успехов картелирования и протекционизма так наглядна, что она заставила многих из первых исследователей вопроса нередко прямо относить весь этот процесс за счет протекционизма. Противопоказанием может служить Англия, где свобода торговли сильнейшим образом задерживала (но не могла, конечно, задержать) монополизацию рынка и о которой исследователь английских трестов говорит, что «слабость всякой формы комбинаций в Соед. Королевстве вытекает из того, что беспрепятственно допускается иностранная конкуренция. Если бы удалось устранить ее, прочность

комбинаций необыкновенно возросла бы, и все условия проблемы изменились бы» [1]).

С точки зрения картелированной промышленности не может быть и речи о снятии или уменьшении охранительных пошлин, а лишь о их введении, где их еще нет, и о их повышении там, где они существуют. Дело в том, что таможенная охрана не только стимулирует рост картелей и охраняет их монопольное положение, но и дает им новую дополнительную прибыль, сверх той, которая достигается картелированием самим по себе. Это вытекает из того, что, добившись монопольного положения на охраненном пошлинами рынке, картель затем может поднимать внутренние цены над ценами мирового рынка на всю сумму пошлин. Действие того закона, по которому повышательное действие на цены со стороны охранительных пошлин прекращается с того момента, как сама национальная промышленность оказывается способной к вывозу,—действие этого закона прерывается с установлением монополии. Наоборот, теперь для картеля, монополизировавшего внутренний рынок, чем выше пошлины, тем выгоднее, ибо тем больше можно поднять внутренние цены над уровнем цен мирового рынка. «Стремление к повышению пошлины становится столь же безграничным, как стремление к прибыли. Картелированная промышленность непосредственно в величайшей степени заинтересовывается в количественных размерах охранительных пошлин и не только на свои продукты, но и на продукты тех отраслей, которые ведут дальнейшую переработку» [2]). Не трудно понять, что, по мере сосредоточения руководства отдельными отраслями промышленности и отдельных трестов и картелей в руках финансового капитала, последний становится непреклонным проводником безусловного протекционизма. Новая дополнительная прибыль, создаваемая для него охранительными пошлинами и растущая с ростом последних,—есть просто налог на потребителя, простой вычет из его дохода в пользу картельных касс. Касса картеля сменяет здесь кассу государства, в которую раньше при свободной

---

[1]) Mccrosty. The Trust Movement in British Industry. 1907, стр. 342. Ср. также Гильфердинг, стр. 462—3.

[2]) Гильфердинг, l. c., стр.—263—4.

конкуренции на внутреннем рынке поступала вся обусловленная пошлиной разница между внутренней и мировой ценой данного продукта... Но, как мы указали, не только это превращает всю картелированную и идущую к картелированию промышленность в безусловных поборников протекционизма. К этому ведет и неизбежное, непреоборимое в данных хозяйственных услвиях стремление каждой капиталистически-организованной отрасли промышленности к расширению производства. Это — элементарное, техническое условие ее существования [1]). Но тем выше это стремление у картелированной промышленности. Остановка в расширении производства—а тем паче длительное сокращение его,—для нее часто было бы обесценением громадных капиталов. Однако, повышенные цены на внутреннем рынке неизбежно привели бы к этому путем сокращения потребления,—если бы картель не искал и не находил для себя выхода из этого противоречия в сбыте за границей. Но за границей он может продавать лишь по мировой цене, а побеждать в конкуренции на мировом рынке—еще более понижая цены на свои продукты. И для картеля, выступающего на мировом рынке, весь вопрос в том, насколько он далеко может пойти в понижении цен. А это зависит от высоты той дополнительной прибыли, которую он, благодаря охранительным пошлинам, получил на своем внутреннем рынке. Чем дороже продает он дома, тем дешевле может он продавать за границей, тем, значит, обеспеченнее постоянное расширение предприятия, тем меньше его размеры зависят от смены периодов подъема и кризиса на национальном рынке, тем, наконец, обеспеченнее высота цен на последнем. Эти цены ведь могли бы упасть при переполнении рынка товарами, если бы не существовала возможность легкого сбыта излишков за границу. И картелированная промыш-

---

[1]) „...Развитие капиталистического производства создает необходимость постоянного возрастания капитала, вложенного в данное промышленное предприятие, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического способа производства, как внешние принудительные законы. Она *вынуждает его постоянно увеличивать свой капитал, чтобы сохранить его*, но увеличивать его он может лишь посредством прогрессирующего накопления“. К, I, 554—555.

ленность, действительно, всеми мерами форсирует заграничный сбыт. Премии за вывоз становятся одним из существеннейших приемов торговой политики объединенной промышленности. Какую роль играет заграничный экспорт для картелей и синдикатов, могут показать следующие цифры, касающиеся Германии: он поглощал от 15,5 до 21,2%% всего производства угольного синдиката, 21,3—36,7%% — коксового, 23,2—38,2%% — стального, и т. д. А достигалось это тем, что угольный синдикат продавал свои продукты на иностранном рынке на 5,8—8,2%% дешевле, чем на внутреннем; в коксовом разница между ценами для внутреннего и заграничного потребителя доходила до 5,5%, в стальном она доходит до 14 и 20 марок на тонну различных продуктов; синдикат спирта продавал продукт за границу вдвое дешевле, чем дома, и т. д., и т. д.[1]).

Все это здание построено и держится только на охранительных пошлинах: без них эта политика просто немыслима. И в той же мере, в какой картели и банки заинтересованы в своем собственном существовании и в высоте своих прибылей, в той же мере они заинтересованы в охранительных пошлинах, и не во временном их существовании, как был заинтересован предприниматель середины XIX в. в Европе и Америке, а в их постоянном существовании и постоянном возвышении их ставок. Мысль о том, что охранительные пошлины должны быть временные, умеренные и что свобода торговли вообще есть идеал развитой, вышедшей из пеленок промышленности для современного представителя картелированного производства и финансового капитала есть не более, как мечтательная утопия и — в силу великой мощи финансового капитала — она и вообще становится утопией для современного общества.

К этому не лишнее будет прибавить, что абсолютная приверженность финансового капитала к протекционизму может опереться, как на интересы крупного землевладения, так и на собственные интересы государственного казначейства. Крупное землевладение промышленных стран неизбежно становится протекционистским с того момента, как в промышленности собственной страны оно находит для себя

---

[1]) Соответствующие данные см. у Загорского, стр. 137 сл. 204.

обширный рынок, а земледелие отсталых районов, благодаря развитию в них средств транспорта, начинает ему угрожать падением цен на хлеб. Финансовый капитал на европейском континенте застал уже полный расцвет аграрного протекционизма, а тот факт, что сам финансовый капитал в колоссальной степени содействует пробуждению хлебного вывоза из отсталых стран и заморских колоний (постройкой в них железных дорог, государственными займами, и т. д.)—это способно только усилить протекционистские стремления крупного землевладения. Совпадение интересов финансового капитала и крупного землевладения в вопросах протекционизма—полное, и оно не может быть нарушено тем, что аграрный протекционизм, повышая цены на хлеб, повышает цену рабочей силы. На промышленности с высоким органическим составом капитала и сильно-организованной это не может сказываться слишком сильно и, во всяком случае, проистекающее отсюда сравнительно незначительное вздорожание издержек производства с избытком покрывается выгодами протекционизма.

С другой стороны, и государственное казначейство, с ростом расходов (милитаризм!) и истощением платежных сил населения, вновь обращается с особым вниманием к таможенным сборам, которые даже в Англии после англобурской войны вновь начинают рассматриваться с фискальной точки зрения.

Так три крупнейшие силы современности—финансовый капитал, крупное землевладение и фиск—мощно направляют свои усилия к разгораживанию хозяйственных территорий высокими стенами протекционизма, который перестает быть «воспитательным», «временным» и «умеренным», а превращается в постоянный и растущий «картельный протекционизм». Чтобы охватить вопрос во всей его остроте и представить его влияние на ход международных отношений, достаточно будет теперь указать вот еще на что.

Мы видели, что продавать за границей, вести конкурентную борьбу на мировом рынке для национальной индустрии тем легче, чем выше охранительные пошлины, ограждающие ее собственный, национальный рынок. Следовательно, каждое повышение последних непосредственно ведет к

облегчению для данной картелированной отрасли ее конкуренции на мировом рынке.

Так, повышение пошлин со стороны одного государства неизбежно ведет к их повышению и со стороны остальных, конкурирующих с ним на мировом рынке государств. В эпоху финансового капитала протекционизм становится не только постоянной системой, но он становится воинствующим, наступающим, храня в себе тенденцию к постоянному росту ставок и к повсеместному распространению. Действительность последней фазы развития современного хозяйства не только не оправдала надежд фритрэдеров на превращение всей области мирового хозяйства в единый свободный рынок (мы видим, что Кобден ждал осуществления этого чуть ли не к шестидесятым годам уже), но, наоборот, привела к тому, что эта область все более энергично разгораживается стеной протекционизма на отдельные хозяйственные территории и что стену эту стремятся все более поднять и укрепить.

Заметим, что дело идет именно об области всего мирового хозяйства, о *мировом рынке.* Именно для финансового капитала центр тяжести не в том, чтобы огородить высокой таможенной стеной наличную государственную территорию, а в том, чтобы охватить этой стеной вообще *возможно большую область всего мирового рынка*, о том, чтобы монополизировать для себя рынок не только в пределах данных историей государственных границ, но и вне их. Параллельно с протекционизмом растет и стремление к включению новых территорий в его сферу,—в сферу монополий национального капитала. Финансовый капитал хочет иметь огражденный рынок и высокие дополнительные прибыли на нем,—и поэтому он становится протекционистским; но он хочет возможно более широких пределов этого огражденного рынка и возможно больших прибылей на нем—и поэтому он становится империалистическим.

Ибо, поистине, если любимый афоризм английских фритрэдеров XIX в. «Universal Free Trade is universal Peace»[1]) и не оправдался на деле, то оправдался ему противоположный, который можно было бы выразить так: «Universal

---

[1]) Всеобщая свободная торговля есть всеобщий мир.

Protection is universal War»[1]). В этом разгадка всех международных потрясений и осложнений с конца XIX в. Раздел Африки, войны англо-бурская, испано-американская, триполитанская, марокканская, борьба за Корею и Манчжурию, стремление Германии к областям Тигра и Ефрата, беспрестанные попытки Австрии проложить себе путь к долине Вардара и Солоникам, хотя бы через труп Сербии,—должны быть рассмотрены с этой точки зрения...

---

[1]) Всеобщий протекционизм есть всеобщая война.

VII. ИМПЕРИАЛИЗМ.—ЭКСПОРТ КАПИТАЛА.— БОРЬБА ЗА РАЗДЕЛ МИРА.

Читатель, быть-может, заметил, что уже трижды и с трех разных сторон предыдущее изложение подводило нас к факту обострения проблемы экспорта капитала. Мы подошли к этому вопросу, рассматривая результаты картелирования и констатируя, что оно ведет к сужению возможности применять капиталы на данном рынке, усиливая в то же время размеры производства и количество выбрасываемых на рынок продуктов. Мы столкнулись с этой же необходимостью экспорта капитала, когда убедились в громадности тех сумм, которые приливают к промышленности и к финансовому капиталу в виде дополнительных прибылей и в виде «учредительского», эмиссионного барыша и концентрируются в банках. Мы видели, наконец, что в эту же сторону форсирования экспорта действует и торжествующий протекционизм новейшего, картельного стиля. Сливаясь вместе, все это создает повышенную, в небывалых до сих пор размерах, заинтересованность промышленных стран в заграничных рынках и до последней степени обостряет борьбу между ними за владычество на мировом рынке. Не трудно видеть также, что при современной организации промышленности, при ее концентрации и централизации руководства ею в руках крупнейших финансовых учреждений (вспомним о 300 лицах, управляющих промышленной жизнью Германии или о роли групп Моргана и Рокфеллера в Соед. Штатах) «внешняя политика» финансового капитала, его поиски рынков и завоевание их приобретают совершенно новый, гораздо более планомерный и систематический характер. Стихийный характер обслуживания нового рынка, в котором главная роль принадлежала предприимчивости

отдельного купца или корабельщика, сменяется теперь планомерной «разработкой» вопросов экспорта, в которой руководящее значение имеют те же группы, которым принадлежит господство над национальной промышленностью. Можно смело сказать, что крупнейшие банки и связанные с ними тресты действительно имеют свою собственную «иностранную политику», направленную к систематическому изучению отдельных, почему-либо облюбованных, областей мирового рынка и к их завоеванию для национального капитала. И немудрено—при наличной социальной мощи финансового капитала, — что собственно иностранная политика промышленных стран немногим отличается от сейчас указанной...

Те же 300 лиц, которые управляли промышленной жизнью Германии или Англии, указывали и объекты усилий национальной дипломатии и, в конце-концов, и направление жерл германского и английского флота...

Но финансовый капитал несет с собой не только крайнюю заинтересованность в заграничных рынках и не только способность систематического руководства в деле их эксплоатации, но и переворот в самом способе их эксплоатации: простой товарообмен отступает на задний план, а вперед выступает задача найти применение для своего капитала в производстве на новой территории. Экспорт товаров сменяется тем, что в собственном смысле следует назвать экспортом капитала.

Для передовой промышленной страны XIX в., Англии, центр вопроса заключался, главным образом, в том, чтобы расширить рынки сбыта для своих товаров, в первую очередь—мануфактуры. Именно этот период остроумно характеризован в одном из памфлетов, цитированных проф. Янжулом: «английский мануфактурист всегда направляет свои взгляды на отдаленные рынки и едва заслышит о каком-нибудь голом дикаре на другом конце света, как уж спешит послать ему кусок коленкора и сделать его своим покупателем». А так как этот «кусок коленкора» английский мануфактурист мог производить дешевле всякого другого и мог не бояться какой-либо иностранной конкуренции, то—до поры до времени—он мог довольно равнодушно относиться к своей политической власти над колониальными рынками. И,

в самом деле, виднейшие из представителей английской мануфактуры и свободной торговли,—между последними и Кобден—доходили даже до прямого отказа от колоний. Если это—благодаря оппозиции аристократии и ссудного капитала, заинтересованных не только в торговых прибылях, доставляемых колониальными рынками, но и в борьбе за управление ими и в заключенных займах [1],—и не осуществилось, то памятником этого воззрения на колонии, осталось во всяком случае, предоставление им широкой свободы в торговой политике. На опасность этого никогда не уставали указывать английские протекционисты, и даже проф.. Янжул, которого никак нельзя заподозрить в приверженности к английским протекционистам, уже в 80-х г.г., рассматривая тогдашнее положение английской торговли, пришел к выводу, что «британские колонии неблагоразумно и весьма быстро были поставлены на одну ногу в торговой политике с чужестранцами [2]).

Во всяком случае это равнодушное отношение английского капитала к политическому закреплению своей власти над колониями, вытекавшее, в свою очередь, из взгляда на них, как на рынки сбыта, естественно обеспеченные за передовой промышленностью метрополии, дало большинству колоний широкую автономию, приведшую, в конце-концов, к установлению протекционных пошлин с их собственной стороны [3]).

Все это, однако, меняется, когда колониальные рынки начинают играть роль не только, как места простого сбыта товаров и обмена мануфактуры на колониальные продукты, но и как области непосредственно производительного приложения капитала. А относительно конца XIX и начала XX в.в.—вместе с ростом финансового капитала—эта последняя роль получает все более преобладающее значение. Вместе с этим изменяется и характер эксплоатации новых тер-

---

[1]) Это больше всего касается Индии и обусловило ее особое положение среди британских колоний.

[2]) Янжул, I, с., стр. 469.

[3]) Любопытно отметить, что дарование прав самоуправления колониям относится, главным образом, к 40—50-м г.г., т.е. как раз к эпохе полного господства идей свободной торговли. Протекционистскими пошлинами обзавелась, в конце-концов (в начале XX в.) даже Индия.

ригорий, а затем и характер отношения к ним со стороны представителей капитала и государства.

Пока данная территория служит, главным образом, областью сбыта и товарообмена, до тех пор ее потребительная способность сравнительно узка, а социальные отношения мало затрагиваются и мало интересуют экспортирующую товары страну. Но, когда экспорт товаров сменяется экспортом капитала—все равно в форме ли ссудного капитала (займов) или производительного капитала—отношение меняется.

Когда германский капитал обращается к Турции или Западной Африке, английский—к области Оранжевой реки и Трансвааля или итальянский—к Триполитании, он интересуется отнюдь не потребительной способностью кафров, герреро, арабов и турецких крестьян Месопотамии. И обороты, и величина, и увеличение вложенных в эти области капиталов не находятся ни в какой степени зависимости от того, сколько продуктов, произведенных в Германии или Англии, будет продано в кафрских и месопотамских деревнях. Это не пункты продажи и обмена, а пункты приложения капитала, пункты его производительного приложения. И теперь уже не «коленкор», а рельсы и машины выступают на первый план.

Прежде всего, здесь находит себе выход тяжелая индустрия промышленных стран. Громадные капиталы в первую очередь находят себе помещение в оборудовании железнодорожных и пароходных сообщений. Какое это имеет значение, мы оценим вполне, когда вспомним, что в одном только 1909 г. было выплавлено 4.039.240.904 пуда чугуна, т.-е. что ежемесячно и безостановочно в течение года доменные печи Европы и Америки выбрасывали по 500.000 пудов, и что за один лишь год (с 1908 по 1909) это количество возросло на 26%.

Этого производства нельзя ни сократить, ни приостановить, ибо это означало бы обесценение громадных капиталов. Значит, имеется только один исход—это искать и находить для всей этой массы новые и новые приложения.

Вспомним также, что в заграничные железные дороги одной только Англией вложено 1.700 миллионов ф. стерлингов (более 16 миллиардов руб.), и что это обеспечивает

ей ежегодный доход приблизительно в 800—900 миллионов руб., и мы поймем, что оборудование багдадской или африканской сети железных дорог не находится ни в какой связи с наличной потребностью в них мекканских паломников или кафрских пастухов и звероловов, но что оно находится в ближайшей связи с потребностями финансового капитала и руководимой им промышленности в экспорте. Однако, оборудование железнодорожных и пароходных сообщений в отсталых, заморских странах капиталом, экспортируемым передовыми промышленными странами, есть только предварительная ступень капиталистического использования новых территорий, только орудие консолидирования отдельных областей мирового рынка под гегемонией той или другой промышленной страны. Целью же служит именно эта консолидация. Вот почему, между прочим, экономическая и политическая позиция Германии с конца XIX в. и до настоящей минуты целиком воплощается в словах: «Гамбург-Багдад». Экономическое и—в тех или иных формах—политическое объединение областей, прилегающих в Европе и в Азии к этой мировой немецкой артерии, соединяющей Северное море и преддверие Индии,—такова задача, выдвинутая германским империалистическим капиталом. Эта задача объемлет равным образом и проблему «среднеевропейского таможенного союза», и балканскую проблему, и вопрос о турецком наследстве. Читатель видит, что это, как раз те три центральных пункта, на которых в последние десятилетия было сосредоточено внимание всей Европы, и что все эти три вопроса связаны воедино в глазах германского империализма. Это единая цепь, из которой нельзя выкинуть ни одного звена. Борьба Германии и Англии, опирающихся на ряд задетых этими отдельными звеньями стран, и составляет основный стержень событий последних лет [1]).

---

[1]) Сферу влияния, о которой мечтает германский капитал, легко обозреть на карте, если провести прямую линию, соединяющую Данциг с западной оконечностью Персидского залива (с Ковейтом), и другую параллельную ей от Ротердама к Адриатике. Среди этих двух линий и пролегает железнодорожный путь Гамбург — Багдад, служа центром притяжения. Северная часть этой полосы есть сфера проблемы „среднеевропейского таможенного союза“, средняя часть — сфера „Балканской

С точки зрения нашей темы нам, важно указать, что поиски новых территорий диктуются империалистическому капиталу не простыми интересами товарообмена и его интересы не исчерпываются устройством пунктов обмена, а требуют именно полного экономического подчинения новых областей.

Мы уже указали, что финансовый капитал ищет здесь прежде всего производительного приложения. И он открывает для себя новые сферы этого производительного приложения в разработке золотых россыпей, железных, медных, свинцовых руд в Африке и Анатолии, в хлопковых плантациях и хлебных полях ирригированной Месопотамии, и т. д. Открывают мирно, где это можно и покуда можно, и насильственно, когда это нужно. И новые области становятся для него тем дороже, что он начинает видеть здесь средство избавить национальную промышленность от зависимости в иностранном сырье.

Ясно, что подобное использование новых, открывающихся для капитала стран и областей не находится ни в какой связи с их действительной потребительной способностью, с богатством их населения, как то было при господстве простого обмена колониальных товаров. Фактически, при экспорте капитала, а не товаров, границы для его расширения не существует [1]). Он может итти все дальше и дальше, открывая для себя все новые и новые области и не дожидаясь, покуда они естественным путем созреют для создания собственного капитала и собственной промышленности, а сразу насаждая в них капитализм в его высшей форме и тем превращая их в своих подневольных данников. Этим обеспечивается невиданно быстрое, поразительное по сво-

---

проблемы", а южная — сфера „турецкого наследства", Взглянув на карту, читатель увидит также, что на юге эта полоса перерезывает пути Англии в Индию и Египет, а на севере идет вразрез с ее же стремлением видеть берега Ламанша в руках слабых и нейтральных соседей.

[1]) Он может натолкнуться только на недостаток рабочих рук на местах. Он преодолевает этот недостаток или прямым принуждением туземцев к труду путем их насильственной пролетаризаци и — принимающей форму рабства — кабалы или путем ввоза рабочих. Примером первого могут служить Конго, горнорабочие в колониях Африки и т. д. Багдадская же, напр., дорога строится ввозными итальянскими рабочими.

им размерам оборудование капиталом самых отдаленных и заброшенных уголков земного шара. Финансовый капитал, выступая как экспортный капитал, пробуждает—хотя бы в хищнической форме—все до сих пор лежавшие втуне производительные силы. Эту роль выполняет не только капитал, вложенный в создание транспорта, промышленности и т. д., но и ссудный капитал, капитал, выдаваемый в виде займов капиталистически-отсталым странам. Он тоже может не считаться с данной потребительной способностью нового рынка, но—и это, пожалуй, важнее—в эпоху близкой связи банков с промышленностью экспорт ссудного капитала сам становится средством оберегать заказы за промышленностью данной страны. Устройство займа теперь же с самого начала связывается с условием представления важных преимуществ промышленности, связанной с данной группой банков, с концессиями и т. д. Тут господствует самая острая конкуренция, ибо теперь из-за займа явно выглядывает установление дальнейшей экономической зависимости, и, так как уровень процента не дает возможности широкой борьбы на чисто-экономической почве, то в этой конкуренции на весы кладется уже и политическая мощь государств. История железнодорожных, промышленных и т. п. концессий и крупных заказов, предоставленных отсталыми странами той или другой из крупных капиталистических держав есть подлинная, хотя бы и грубая, ткань тончайших дипломатических узоров.

Размеры, которые принял этот экспорт капитала, характеризуются уже тем весьма важным явлением, что за последние годы на мировом рынке ценных бумаг бумаги внеевропейских, капиталистически-отсталых стран Востока и Южной Америки преобладают над бумагами стран европейских. Этот отлив капиталов в новые области сразу дает нам понять и то, с какой жадностью стремится европейский капитал на новые рынки и то, какие завоевания он там уже сделал. Но наличность громадной массы капитала, ищущего и находящего себе—в качестве ли ссуд или в качестве производительного капитала—применение в новых областях обозначает и сильнейшее обострение борьбы и конкуренции из-за этих сфер приложения. И эта конкуренция уже не может быть конкуренцией чисто-экономической, она неизбежно

принимает форму борьбы за владения, за политическое господство над данной территорией.

Действительно. Проникая в новые области, капитал несет с собой для них и полное изменение социальных отношений. Изменяется вековой уклад жизни и хозяйства, население пролетаризируется, старые промыслы уничтожаются, заветы дедов и предания эпохи обособленного существования попираются новыми пришельцами, внизу идет разорение, сверху—со стороны элементов, вступивших в контакт с новой силой капитала—идет усиленное нажимание податного пресса... Это потрясение охватывает страну сверху донизу. С другой стороны, эта крутая ломка веками сложившегося быта, обостренная всем тем, что характеризует колониальную политику, вызывает отпор населения: первоначально—в виде стихийного сопротивления в защиту родной страны, своих пастбищ и запашек и своих богов,—в форме боксерского движения, герререских войн или религиозно-фанатических войн дервишей,—а затем и в виде более планомерного движения в сторону создания национального государства,—в виде тех движений, которые в первом десятилетии нашего века охватили всю Азию, от Персии и Турции до Китая. Уже первая, стихийная форма движения, неизбежно сопровождающая первые шаги европейского капитала на чужой почве и столь же неизбежно бесплодная и обреченная гибели, вызывает переплетение интересов экспортного капитала и государства, втягивает последнее в предприятие первого. Что же касается последней формы, то это движение, благодаря тому, что само оно возникает уже на новой, более современной базе и в эпоху острой конкуренции между державами из-за новых рынков, благодаря тому, наконец, что оно уже способно выбирать между своими «покровителями»,—это движение уже вызывает на свет и приводит в движение весь аппарат государственной власти заинтересованных держав и непосредственно влияет на весь ход международных отношений. С другой стороны, те области, которые стали пунктами приложения капитала, где созданы железные дороги, разрабатываются рудники, возведены заводы, проведены каналы, созданы доки и т. д., эти области совсем иначе интересуют владельцев вложенного здесь капитала, чем пункты

простого товарообмена. Это—вложения длительные, рассчитанные на непрерывное функционирование, требующие поэтому особой охраны и от иностранной конкуренции, и от возможности местных волнений, переворотов, изменения симпатий местной туземной власти в сторону какой-либо другой державы. Экспортный капитал требует введения определенных юридических норм, современного суда, обеспечения своих сношений с метрополией и с европейским рынком вообще, прекращения местной обособленности, племенных и религиозных распрей и т. д., и т. п. В известной мере все это требуется уже и тогда, когда капитал вложен в займы, но все эти требования становятся совершенно неизбежными, когда требуется обеспечить не только получение процентов по займам, но и предпринимательской прибыли на созданное в чужой, новой области производство. А так как предпринимательская прибыль выше процента, то, естественно, европейский капитал приливает в новые сферы все больше именно в виде предпринимательского капитала и все настойчивее предъявляет притязания на руководство всей жизнью данной области. И, вместе с тем, он неизбежно стремится обеспечить данную территорию именно за собой, монополизировать ее для себя, исключив иностранную конкуренцию, сделать из нее простое дополнение к своей национальной государственной территории.

Тут уже нет места тому равнодушию к политической власти над новой областью, которое мог проявлять мануфактурист, обеспеченный простым фактом дешевизны своего товара и превосходством своего торгового флота, о котором мы говорили выше. Экспортный капитал в эпоху острейшей конкуренции из-за сфер приложения, в эпоху господства протекционизма видит для себя обеспечение лишь в политической силе своей метрополии. Он хочет чувствовать себя в новой области так же, как дома, т.-е., полновластным хозяином, огражденным от всякого, политического и экономического, иностранного вмешательства. Так экспортный капитал становится империалистическим. Выражения «колонии», «колониальная политика» становятся уже не точными; гораздо лучше выражаются новые тенденции теми выражениями, которые создаются в политической и экономической литературе на самом рубеже XX в.:

«мировая держава», «мировые колониальные империи»... Полное подчинение себе, монополизация в свою пользу отдельных частей всего мирового рынка и хозяйства, сплочение возможно более обширных и разнообразных [1]) областей последнего под единой властью,—вот что становится идеалом финансового капитала и вдохновляемой им империалистической политики. Это воплощается прямым политическим подчинением, присоединением новых территорий всюду, где это возможно. А где это почему-либо—прежде всего из-за опасения прямого столкновения с конкурирующей силой, столкновения, которое ведь могло бы не окупиться выгодами присоединения,—где это невозможно, там финансовый капитал неизбежно стремится дополнить свою экономическую роль установлением хотя бы косвенной, но, во всяком случае, политической зависимости.

И тут громадное значение имеет то, вложен ли иностранный капитал в займы или в производство, в оборудование производительных сил данной страны. Вообще говоря, ссудный капитал, как и капитал торговый, гораздо меньше заинтересован в ходе хозяйственной и политической жизни стран, чем капитал производительный. Только последний служит истинной базой стремлений к полному подчинению страны, к решительнейшему вмешательству в ее положение относительно родины иностранного капитала. Ссудный же капитал,—до тех пор, покуда стране не грозит прямое банкротство,—довольно равнодушен к ее внутренней жизни, а иногда не прочь сыграть на тех пертурбациях, которые могли бы принудить ее к новым займам. Хозяин же железных дорог, рудников, доков, производитель ирригационных работ и т. д., становится в гораздо более близкие отношения ко всей эволюции страны. И, если Турция разорвала свою

---

[1]) Этим словом мы только указываем, не имея возможности остановиться подробнее, на чрезвычайную важность именно „разнообразия“ хозяйственных областей для мечтающего об их сплочении финансового капитала. Это разнообразие природных условий должно дать ему независимость от иностранцев в получении сырья и в сбыте готовых продуктов. Так, Германия ищет прежде всего областей производства не имеющегося у ней хлопка и территорий медных рудников. Это, впрочем, только пример. Идеал же искомый степени разнообразия в создании совершенно самодовлеющего хозяйственного организма.

вековую связь с Англией и вошла в орбиту германской политики, то предпосылкой этого служит, между прочим, тот факт, что германский капитал направил свои усилия на захват разработки ее производительных сил, в то время, как капитал английский оставался для Турции, главным образом, капиталом ссудным.

Это, между прочим, показывает нам, что описанные выше процессы разыгрываются отнюдь не только в заморских областях, не только в колониальных областях в узком смысле слова, но и всюду, где соприкасаются высоко-развитой капитал промышленной страны с отсталыми в капиталистическом отношении областями. Не географическое положение последней, а именно степень внедрения в нее финансового капитала, степень ее капиталистической зрелости играет здесь главенствующую роль. Проследить, как это последнее обстоятельство равным образом сказалось на судьбе и Балканского полуострова, и Турции, и Персии, и Китая или Северной и Южной Африки, и Южной Америки, и как—затем—полученные в этих областях импульсы отзывались на внутренних отношениях европейских держав (и Соед. Штатов) между собой, не входит, однако, в задачу этого теоретического этюда. Мы должны только показать, что указанные тенденции финансового капитала имеют всеобщее значение и неизбежно покоряют себе всякую промышленную страну, даже тогда, когда она может противопоставить протекционистским и «миро-державным» тенденциям экспортного капитала чуть ли не вековую тенденцию свободной торговли. Вместе с тем, мы увидим, в какой мере всеобщность тенденций экспортного капитала ведет к всеобщему и всестороннему обострению всех противоречий.

Англия—в силу своей вековой политики свободной торговли—должна была явиться образчиком страны, где финансовый капитал наткнулся на наибольшее сопротивление со стороны традиционных взглядов и политических навыков. Однако операция объединения метрополии с колониями в единую по отношению к внешнему миру и иностранной конкуренции хозяйственную область, отнюдь не была новинкой для Англии. Новым было только то, что эти давным давно высказанные идеи, в свое время отброшенные в сторону

общественным сознанием, нашли теперь для себя новую и широкую опору, которой им ранее не доставало. Эту опору они нашли в интересах промышленно-финансового капитала и в факте угрозы английской промышленности со стороны новых промышленных стран.

Самым сильным аргументом английских протекционистов с самого начала их борьбы с фритрэдерами было всегда указание на необоснованность надежд на то, что все другие государства, по примеру Англии, откажутся от протекционизма, и, в связи с этим, настойчивые указания на необходимость охранить для себя колониальный рынок, ограничив свободу колоний в деле их торговой политики. Уже в 1846 г. один из наиболее выдающихся протекционистов по поводу уравнения колоний и иностранных государств в торговом отношении писал: «какая же связь останется между нами? Связь крови: но она ведь очень слаба... Что помешает колониям завязать другие связи, другую дружбу в великой семье наций»?.. Автор приходит к заключению, излагает проф. Янжул цитируемый им памфлет, что «раз свободная торговля вступит в силу в Великобритании и система дифференциальных тарифов будет отменена, то колонии логически придут к необходимости прекратить всякое предпочтение и преимущество британским товарам и открыть свою собственную торговую политику... постараются оградить себя от развития собственной промышленности покровительственным тарифом... Укрепляйте, заключает он, а не ослабляйте уз привязанности и взаимного интереса, который связывает нас с колониями, и вы создадите могущество и величие нашего народа»... Цитируя эту диатрибу против применения принципов свободной торговли к колониям, Янжул уже в 1881 г. мог сказать, что «предсказания автора частью уже сбылись» [1]). И уже тогда известный английский экономист Торренс, сам сторонник свободной торговли, произвел формальный раскол в лагере защитников последней своими произведениями, где он защищал, главным образом, два положения. «Совершенная свободная торговля,—писал он,—есть отсутствие всякого стеснения, но, — подчеркивал Торренс, — с обеих сторон.

---

[1]) Янжул, l. c., стр. 264.

Принятие несовершенной свободной торговли, или устранение стеснений на одной стороне (т.-е. со стороны Англии. Л. К.) и удержание их на других (т.-е. со стороны остальных государств), было бы не более, как устройство монополии в пользу наших иностранных соперников». Таково первое положение. Второе не менее многозначительно; оно выражено Торренсом в таком практическом тезисе. «Устройство совершенной свободной торговли между Соед. Королевством и колониями; устройство британской торговой лиги, могущей поставить во всем обширном государстве торговлю на степень чисто внутреннего обмена продуктами, как бы это было между Великобританией и Ирландией»[1]).

Когда Чемберлен начал свою агитацию за «Creater Britan»[2]), он решительно ничего не прибавил к указанным теоретическим положениям. Изменилось только одно: идеи, решительно отвергнутые в середине XIX в., в начале XX нашли себе широкое распространение в среде руководителей и клиентов финансового капитала.

Мы поэтому не будем приводить дальнейших свидетельств того, как, по мере роста протекционизма и усиления конкуренции других стран, в Англии росло и ширилось течение в пользу собственного протекционизма и таможенного объединения со своими колониями. Укажем только, что объективный исследователь вопроса, Янжул должен был признать уже в 80 г.г., что «Англия переживает в настоящее время серьезный момент своей промышленной и торговой истории и большая перемена замечается в общественном мнении». Он уже тогда находил, что «заветной мечтой английских торговцев и промышленников является образование «Имперского таможенного союза Великобритании с колониями (Imperial Custom Union)» и что «этот план —весьма, вероятно,—раньше или позже будет испробован». Во всяком случае, этот исследователь приходил к выводу, что «Англия, наученная горьким опытом, будет стараться, по всей вероятности, все свои будущие более значительные рынки связать с собой узами более крепкими, нежели,

---

[1]) Ibid, стр. 367—8.

[2]) „Бóльшая Британия“.

как она это сделала относительно настоящих своих колоний в Австралии и Америке... Иначе,—заканчивал Янжул,—владение колониями потеряет для нее почти всякое значение» (Ibid, стр. 471, след.). Этот вывод прозорливого историка, совершенно чуждого интересам английских протекционистов, высказанный на основании объективного анализа английской промышленности за много лет до начала широкой агитации за таможенную реформу, смело можно было бы взять эпиграфом в истории новых тенденций промышленного класса Англии на рубеже XIX и XX вв.: она целиком его оправдала.

Через 20 лет после Янжула другой русский наблюдатель мог выразиться уже не условными периодами, а выставить вполне категорический тезис: «Когда английский экспорт процветал, когда Бирмингам был промышленным сюзереном, вассалы которого находились во всем мире,—тогда фабриканты, обрабатывающие не волокнистые вещества, были радикалы и фритрэдеры. Когда же промышленный мир, центром которого является Бирмингам, убедился, что его вассалы отпали, начался поворот в его взглядах. Из фритрэдера он стал империалистом и протекционистом, так как в империализме увидел захват новых рынков, а в протекционизме—охрану их таможенным кордоном от конкурентов». Вполне естественно и совершенно соответствует всему вышеизложенному, что эти тенденции прежде всего сказались в Бирмингаме, в сфере «тяжелой индустрии», всюду наиболее расположенной, как мы знаем, к картелированию, наиболее связанной с банками и—что в данном случае не менее важно—играющей теперь доминирующую роль в мировом и национальном хозяйстве. Существует громадная статистическая литература, подтверждающая выше сделанные указания. Мы приведем здесь только пару цифр.

В 1890 г. Англия занимала первое место в мире по выплавке чугуна. Затем ее положение изменялось так:

Годы.	Выплавлено чугуна (1000 тонн) в		
	Англии.	Германии.	С. Штатах.
1890	8.031	4.658	9.350
1901	7.762	7.835	15.078
1909	9.919	12.918	26.109
1912	10.003	17.853	30.203

Это значит, что с первого места за последнее 25-летие Англия перешла на третье, что рост ее производства почти прекратился и что, если к 1890 году в ее руках была сосредоточена более, чем $^1/_3$ всего мирового производства чугуна, то к 1912 г. у ней осталось лишь $^1/_6$ последнего. Не иначе обстоит дело и в производстве железа и стали, где Англия за 20 лет не только потеряла первенство, но где в 1911 г. Германия производила вдвое больше, а С. Штаты в $3^1/_2$ раза больше, чем Англия. Приблизительно то же происходит в каменноугольной промышленности... В результате, сокращение вывоза и «Бирмингам стал империалистом и протекционистом». Если эти тенденции «тяжелой индустрии» встретили отпор со стороны капитала, заинтересованного в мануфактуре, то только потому, что этот последний еще не настолько стеснен конкуренцией и—главное—опасается вздорожания сырья (хлопка и т. д.). Но чужеземный протекционизм и увеличение конкуренции и на рынках мануфактуры начинают пробивать бреши и в этой твердыне свободной торговли.

Но тенденции «тяжелой индустрии», во всяком случае, находят себе могущественную поддержку с двух различных сторон,—со стороны колониального капитала и со стороны денежного капитала. Что касается колоний, то их значение для английского экспорта громадным образом увеличилось с момента промышленного роста континентальных стран и С. Штатов. К знаменательнейшим явлениям экономической жизни мира за последнюю треть XIX в. относится абсолютное уменьшение английского экспорта в Европу и С. Штаты. За 30 лет (1872—1902) этот вывоз упал с 149 милл. до 120 милл. ф. ст., т.-е. на 29 милл. ф. ст. Между тем, производство Англии должно было рости и росло. Англии надо было, значит, не только найти помещение для всего прироста своих товаров, но и для той части их, которая уже не находила себе помещения в Европе и С. Штатах. И, если английская промышленность могла рости, то только потому, что все абсолютное сокращение европейского вывоза и весь прирост экспортируемых товаров были покрыты сбытом в колонии (и лишь в незначительной части в небританские владения Азии, Африки и Ю. Америки). За указанные 30 лет весь английский вывоз

увеличился на 27,1 милл. ф. ст., при одновременном сокращении вывоза в Европу и С. Штаты на 28,4 милл. ф. ст., и только наличность колониальных рынков, получивших всю эту достигающую 55,5 м. ф. ст. разницу, позволила английской промышленности удержать свое положение. Но это значит, что за 30 лет Англия должна была передвинуть более 15% всего своего экспорта с рынков Европы и С. Штатов на рынки своих собственных колоний (из указанных 15% менее 1% пришлось на не-британские части Азии, Африки, Юж. Америки). После этого не зачем говорить о том громадном, решающем значении, которое приобретает в XX в. для английской промышленности обеспечение за собой рынков своих колоний. Но крупнейшие колонии Англии вполне оправдали зловещие предсказания цитированного выше протекциониста 40-х годов: пользуясь полной самостоятельностью в направлении своей торговой политики, они сами стали протекционистскими и могут дать английским товарам какое-либо предпочтение лишь в обмен на льготы для их собственных товаров на английском рынке. Но это возможно лишь путем ограждения последнего дифференциальными тарифами. Так, интересы «тяжелой индустрии» Англии и экспортирующего капитала колоний сливаются в общем интересе к созданию и охранению «единой хозяйственной территории», объемлющей все беспредельные владения Британской Империи и выделенной в единый имперский таможенный союз. Мощно поддерживаются эти тенденции еще одним существенным обстоятельством.

Уже в 80-х г.г. ввоз Англии превосходил ее вывоз почти на 100 милл. ф. ст. и тогда же приводил в великое смущение ее экономистов. С тех пор дело страшно обострилось. В 1900 г. превышение ввоза над вывозом равнялось уже 236 милл., в 1901—242 милл., в 1902—246 милл. ф. ст. Покрыть этот все растущий избыток покупок над продажами можно только одним способом: прибылями и процентами на капитал, вложенный за границей, т.-е. все увеличивающимся ростом экспорта капитала. Экспорт капитала становится необходимым, неизбежным средством покрытия издержек ввоза пищевых продуктов для промышленной страны. А так как пассивный торговый баланс не

есть какая-нибудь специфическая особенность Англии, а является фактом, неизбежно сопутствующим индустриализации страны, то одна и та же причина гонит на мировой рынок экспортный капитал и Англии, и Германии, обостряет их конкуренцию за сферы его приложения и заставляет ревностно стремиться к расширению этой последней.

Мы намеренно остановились подробнее именно на Англии, потому что здесь и только здесь империалистические и протекционистские стремления финансового капитала могли встретить отпор со стороны вековой традиции свободной торговли и идейных и политических навыков, исстари созданных первенством английской промышленности. Мы могли, однако, убедиться, что финансовый капитал прокладает себе путь, несмотря на все это, и находит себе поддержку в самом изменившемся положении Англии среди мирового хозяйства.

Тем легче проявляются его тенденции там, где вся хозяйственная жизнь—как в Германии и Соед. Штатах—с самого начала построена на других началах, где под охраной протекционизма картелирование промышленности, установление ее связи с банками, развитие финансового капитала шло лихорадочными скачками, бешеным темпом. Для подобным образом развивающегося капитала все те преимущества, которые накоплены медленным и постепенным развитием старых промышленных стран, неизбежно представляются посторонними, извне навязанными, вредными помехами, требующими радикального устранения, и его мысль очень быстро обращается к методам вне-экономического давления.

Империалистический капитал вообще аггресивен и не терпит конкуренции,—таков его конститутивный признак. Но эти его черты должны усилиться до последней степени, когда дело идет, с одной стороны, о том, чтобы проложить себе путь вопреки исторически-данным преимуществам конкурента, а со стороны последнего—об охране этих преимуществ и о их дальнейшем расширении. Мы видели выше, что та «хозяйственная область», которую мечтает превратить в сферу своего влияния империалистический капитал Германии, перерезывает ту область, которую считает неприкосновенной Англия.

Добавим теперь, что осуществление рассмотренных выше тенденций английского капитала обозначало бы дальнейшее сплочение в единый хозяйственный агломерат, обеспеченный от иностранной конкуренции, $^1/_5$ всей земной поверхности, населенной $^1/_6$ всего земного населения. Панический ужас перед одной мыслью о возможности этого характеризует всю экономическую, политическую и идейную позицию германского империализма... Недаром английская тенденция к консолидации британской империи и к охране тех мировых путей, которые для последней являются путями «внутренними», с точки зрения Германии оценивались не иначе, как «окружение Германии».

Как это экономическое «окружение», так и разрыв его неизбежно предполагают создание ряда посредствующих звеньев в виде экономически, если не политически, зависимых стран и областей. Из-за этого шла длительная—иногда глухая, иногда прорывавшаяся драматическими эпизодами—борьба на Балканах, в передней Азии, в Северной Африке. Не забудем, однако, что, как мы видели, орудием создания этих экономических связей служит прежде всего ссудный капитал. Но здесь именно сказываются все преимущества старых промышленных стран, обладающих значительными накопленными денежными капиталами и отдающими их на гораздо более льготных условиях, чем это возможно для молодых сравнительно промышленных государств. В 1906 году заграничный капитал Англии исчислялся в 27 миллиардов руб., а Германии—при самом оптимистическом счете—не более 12 миллиардов. При таких условиях в области конкуренции ссудных капиталов обращение слабейшей стороны к вне-экономическим факторам представляется империалистическому капиталу—неизбежным...

Империалистический капитал должен был дойти до попытки насильственно разрубить им же созданные и обостренные противоречия. А тут указанный нами выше факт, что он захватил в свой круговорот все мировое хозяйство должен был привести к тому, что в этом разрубании завязанного им узла должен принять участие весь мир. А тем самым должны были быть вскрыты и приведены в движение и все национальные, политические, религиозные и

иные противоречия, которые тлели и накоплялись в исторически-данных государственных границах.

Поэтому-то в борьбу, вызванную и созданную империалистическим капиталом, вплелось столько чуждых и посторонних, на первый взгляд, ее основному мотиву элементов. Результаты ее скажутся в областях Центральной Африки, так же, как на островах и побережьях Тихого Океана, в степях Нового Света, как и в воскрешаемых ныне на столбцах газет, забытых, казалось, навсегда историей, древних стоянках ассирийских владык. Но свое завершение эпоха борьбы империалистического капитала за мировое владычество получит только в решительном перераспределении общественных сил в промышленных странах самой Европы[1]). Этот эпилог неизбежен.

* * *

Поскольку дело идет об экономической системе империализма, об его предпосылках и тенденциях в области экономических отношений, наша задача окончена. Мы проследили их, начиная с акционерной формы, которая создает возможность сплочения громадных капиталов и делает их подвижными, и вплоть до того момента, когда этот капитал, неизбежно обратившись к экспорту, разливается по всему земному шару, ломает все установившиеся формы экономической жизни и создает грандиознейшие в истории мира конфликты.

На службу своим целям финансовый капитал может поставить и соответствующие громадные силы, сплачивая вокруг своих задач сильные общественные группы. Мы говорим не только о феодальных остатках, в которых агрессивность финансового капитала находит себе естественную опору, но и о тех группах аграриев, торговцев, мелких предпринимателей и разнообразных служащих, которые тысячами нитей связаны с картелированной промышленностью, с банками, с могущественными синдикатами и трестами, а часто находятся в прямой зависимости от последних. В этих группах финансовый капитал находит себе могущест-

---

[1]) **Приноровленный к царской цензуре намек на неизбежность перехода империалистической войны в гражданскую войну.** *Прим. к наст. изд.*

венных союзников, обширную клиентеллу, исполнителей своих замыслов и, наконец, своих идеологов. Ибо финансовый капитал не только сплачивает вокруг себя могущественные социальные группы, но и умеет покрыть свои тенденции громко-звучащей, хотя бы и по существу нищенски-убогой, идеологией. Обоготворение силы, обожествление государственной мощи и культ державной расы—таково то знамя, которое финансовый капитал выдвигает на смену истрепанных и наивных, на его взгляд, лозунгов, выработанных в героической период либерального капитала, в XVIII и XIX в.в. Мы позволим себе закончить нашу статью цитатой, в которой за несколько лет до последних событий, Гильфердинг блестяще наметил эту новую идеологию, образчики которой ныне у всех перед глазами.

«Финансовый капитал хочет не свободы, а господства. Ему нужно государство, которое повсюду в мире может вмешиваться с той целью, чтобы весь мир превратить в сферу приложения своего капитала... Политика силы без всяких ограничений становится требованием финансового капитализма... Он перестает быть миролюбивым и гуманным... Идеал мира поблек, на место идеи гуманности выступает идеал величия и силы государства...

«Идеал теперь—обеспечить собственной нации господство над миром. Обосновываемое экономическими причинами, это стремление идеологически оправдывается при помощи того изумительного сгиба национальной идеи, который уже не признает права каждой нации на политическое самоопределение и независимость, а экономическое преобладание метрополии отражает в том преобладании, которое предоставляется собственной нации. Последняя является избранною среди всех остальных. Так как подчинение чуждых наций осуществляется силой, следовательно, очень естественным путем, то представляется, что державная нация обязана господством своим особенным естественным свойствам, т.-е. своим расовым особенностям. В расовой идеологии стремление финансового капитала к власти приобретает оболочку естественно-научной обоснованности, его действия получают, благодаря этому, вид естественно-научной обусловленности и необходимости. Вперед выступает олигархический идеал господства». Эта характеристика ныне

уже не нуждается в пояснениях и иллюстрациях: они у всех перед глазами. Вместе с тем круг развития финансового капитала замкнут: сосредоточив в своих руках экономическое могущество, подчиняя себе политические отношения, он создал идеологию, в которой он сам выступает как воплощение всех национальных стремлений—и подчиняет последние своим задачам.

«Отныне, всякая случайность может стать тем камнем, срыв которого неизбежно влечет за собой обвал всей лавины».

1915 г.
Петроград, Кресты.

ИМПЕРИАЛИЗМ и СОЦИАЛИЗМ.

Man schreie nicht zu sehr über den Zynismus, Der Zynismus liegt in der Sache, nicht in den Worten, welche die Sache bezeichnen.

(Не кричите слишком о цинизме. Цинизм—в самом деле, а не в словах, которые его описывают).

Для тех кругов русского общества, которые привыкли руководствоваться при изучении общественных явлений историко-экономическим методом, понятие империализма можно считать установленным. Историческое объяснение возникновения этой неизбежной фазы капитализма и раскрытие ее экономического содержания, данное лет 10 тому назад Р. Гильфердингом и затем широко популяризированное не только в отдельных книгах и статьях, но и в резолюциях всякого рода общественных собраний (Хемниц, Базель)—не вызвали каких-либо обоснованных сомнений и могут считаться господствующими. Нельзя же, действительно, считать хоть в какой-либо мере серьезными совершенно поверхностные соображения Петра Маслова о незначительной роли и падающем значении колоний для современных промышленных государств. Согласно же вышеуказанному воззрению, империализм есть проявление во вне, во внешней политике, присущих финансовому капиталу тенденций к монопольной эксплоатации возможно более широкого, по возможности всего мирового рынка.

Если этот пункт можно считать общепринятой исходной точкой зрения при описании современных событий[1]) и если

[1]) Весьма показательно, что ее восприняли и участники сборника „Вопросы Мировой войны", при чем не только г. Мукосеев, некогда прошедший марксистскую школу, но и г. Гримм; вполне естественно, что усвоение сотрудниками изданий русского министерства финансов и либеральными академиками этой точки зрения вызвало протест со стороны представителя нашего традиционного либерализма, г. Слонимского. См. его статью в декабрьской кн. „Вестника Европы" за 1915 г.

он поэтому уже не нуждается ныне в специальных истолкованиях, то совсем иначе обстоит дело с анализом социального содержания империализма, т. е. с оценкой данной экономической системы и ее тенденций с общей точки зрения развития истории. Здесь господствует (и не может не господствовать) полный хаос взглядов. В тех кругах, о которых мы говорили выше, можно считать установившимся взгляд, видящий в современных событиях проявление и результат империализма, как экономической системы [1]), но тем самым столкновение мнений лишь переносится в новую плоскость, в плоскость оценки социального содержания всего процесса. Единодушная характеристика событий, как событий, порожденных империализмом, отнюдь ведь не исключает еще диаметрально-противоположных подходов к установлению своего (или группового) отношения к этим событиям.

События носят империалистический характер, утверждает германский патриот д-р Ленш, и, опираясь на это, проповедует разгром Англии. События созданы империализмом—это не тайна и для А. Петресова, и это отнюдь не мешает ему выкинуть знамя, от которого лет 70 тому назад уже отказались его бывшие учителя. События созданы империализмом, единогласно утверждают циммервальды, но в то время, как меньшинство их вполне логично делает из этого вывод о созревании объективных условий для новых общественных отношений, большинство уклоняется от соответствующего вывода и этим очищает место для двусмысленных формулировок, дающих возможность истолковать их надежды в смысле наивного и противоречивого идеала «status quo ante bellum» [2]).

Ясно, что критика этих противоречий требует спора в новой плоскости. Установление экономического содержания империализма и, следовательно, современных событий—превзойденная ступень. Надо итти дальше, подняться на новую ступень.

---

[1]) И здесь, и в дальнейшем мы оставляем, конечно, в стороне—немалочисленных, правда—публицистов, удовлетворяющихся и до сих пор идеологией нервых педель войны, вроде г.г. Н. Иорданского, Л. Дейча и др.

[2]) Восстановление довоенных отношений.

На этой новой ступени мы будем иметь дело уже не с цифрами ввоза и вывоза, экспорта капиталов и суммами иностранных ценных бумаг на европейских биржах, а с объективными задачами, стоящими перед нашей эпохой, и во всех указанных цифрах и достаточно примелькавшихся таблицах нашедшими лишь свое частичное выражение. Для нашего дальнейшего анализа этих объективных задач эпохи нам будет достаточно пары итоговых цифр, опирающихся на весь предварительный анализ «финансового капитала», как целостной экономической системы, и сразу бросающих яркий свет на исторический смысл переживаемой эпохи. Поскольку нас интересует, таким образом, не национальное различие экономических систем, а как раз обратное, именно—общий дух эпохи, постольку в наших цифрах должны быть погашены национальные признаки и взято то, что характеризует общие тенденции капиталистического хозяйства.

* * *

Если представить себе, что доменные печи всего мира работают без перерыва 365 дней в году и по 24 часа в сутки, то окажется, что мировое производство выбрасывает ежечасно на рынок более 500.000 пуд. чугуна, а каменноугольные шахты одних только Англии, Бельгии, Франции и Германии в тот же час—по 4 миллиона пудов угля. Ежечасное производство ½ миллиона пуд. чугуна и 4 миллиона пуд. угля, продолжающееся беспрерывно 24 часа в сутки и 365 дней в году,—таково свидетельство о грандиозности находящихся в распоряжении человечества производительных сил. Каждое десятилетие указанное количество увеличивается в 1½ раза. Если мы—в пылу новых лозунгов—не забыли еще, что в капиталистическом обществе именно в росте производства средств производства, в этом «производстве ради производства», и находит себе выражение его тенденция к «абсолютному развитию производительных сил», то приведенные выше цифры не потребуют специальных комментариев в качестве показателей достигнутой ступени обобществления трудового процесса (и—соответственно—степени обострения противоречия между развитием производительных сил и общественными отношениями производства).

Таково первое свидетельство цифр. Грандиозное количество производимых товаров, на которое они указывают, должно быть распределено. В этом распределении социально-экономические силы не считаются с национально-государственными территориями: к 1915 г. общий оборот внешней торговли главнейших государств достиг 65 миллиардов руб. Это значит, что ежедневно пересекают государственные границы товары на 180.000.000 р.

На современной стадии капиталистического хозяйства товарообмен, однако, далеко не исчерпывает хозяйственной (след. и политической) связанности разгороженных друг от друга территорией. Эта связанность находит себе все более и более широкое выражение в движении финансового, денежного капитала: в мировых эмиссиях ценных бумаг (акций промышленных предприятий и облигаций государственных и др. займов). Статистика мировых эмиссий даст нам еще одну, очень важную и характерную цифру. Она указывает, что все большая часть влагаемых в ценные бумаги капиталов идет на обслуживание капиталистически-отсталых, внеевропейских стран. Так, напр., в 1910 г. из общей суммы мировой эмиссии в 26,5 миллиардов франков 52,35 % ушло на ценные бумаги внеевропейских стран. Иначе говоря, для капиталистического оборудования неевропейских стран за один лишь год затрачено 14 миллиардов фр. в бумагах. Для того, чтобы показать, с какой интенсивностью идет это приложение европейских капиталов в отсталых, аграрных странах, укажем еще, что одна Англия к концу 1915 г. исчисляла капитал, вложенный ею заграницей, почти в 4 миллиарда ф. ст. и что около $^5/_6$ этой суммы целиком поглощены Азией, Южной Америкой, Африкой и лишь остаток ($^1/_6$) нашел помещение в С.-Штатах, Франции, Германии и Италии. Толчок, даваемый развитию производительных сил оплодотворяемых европейским капиталом стран, колоссален.

Приведенные нами три группы цифр—роста производительных сил, роста внешней торговли и капиталистического оборудования отсталых стран всего мира—только символы объективных задач, стоящих перед нашей эпохой и ею разрешаемых. *Как*—об этом мы поговорим ниже.

Колоссальный рост человеческого богатства, разрушение социально-экономическим оборотом национально государственных границ, вовлечение всего мира, в том числе отсталых заморских и не заморских, колониальных областей, в общую хозяйственную жизнь—таковы объективные данные о характере нашей эпохи. Человечество не может отказаться ни от одного из элементов этого процесса; каждый из них в отдельности и все они вместе представляют несомненные завоевания, неизбежные ступени в поступательном ходе истории, необходимые предпосылки новых методов организации человеческого труда. Всякая критика нашей эпохи, не принимающая во внимание прогрессивного значения этих достижений, не отправляющаяся в своих построениях от признания объективной ценности этого процесса,—неизбежно вырождается в романтику, в романтику *реакционную*.

Но—не забудем—«производство стали—это только предлог для производства прибыли. У доменных печей, прокатных мастерских и т. п., у строений, машин, железа, угля и т. д. есть дело поважнее, чем превращаться в сталь. Они существуют для того, чтобы впитывать прибавочный труд... они утрачивают свой характер капитала и потому, представляют чистый убыток для Сандерсов, если только их функция впитывания труда прекращается» (К. I, 226).

С этой основной чертой современного хозяйственного строя связано то, что все указанные прогрессивные процессы протекают под руководством, контролем и эксплоатируются в частных интересах концентрированного и централизованного капитала. Достигнутую уже ступень этой централизации,—чтобы не плодить цифр и так как и здесь нас интересует не процесс сам по себе, а лишь его итоговые данные,—можно охарактеризовать заявлением электрического короля Германии, Ратгенау, о том, что 300 человек управляют всей промышленной жизнью Германии, и указанием Гильфердинга, что господство над хозяйственной жизнью той же Германии принадлежит тому, кто господствует над 6 крупнейшими берлинскими банками. Это сосредоточение руководства хозяйственной жизнью, а следовательно, и прибылей от всего народного труда, в руках немногочисленной верхушки магнатов финансового капитала, единогласно засвидетельствованное с двух противо-

положных сторон, и составляет ту последнюю черту, которая нам необходима для установления общего смысла переживаемого народно-хозяйственного процесса.

Сочетая воедино,—ибо они неразрывны и в жизни—четыре вышеуказанные тенденции современного хозяйственного развития, мы получили бы следующую формулу империализма, как исторического момента в социальной жизни человечества. Колоссальный рост производственных сил, колоссальный рост их концентрации и планомерного регулирования, преодоление ими территориальной ограниченности данных народных хозяйств, вовлечение в общую жизнь и пробуждение к ней отсталых (колониальных) областей—под руководством и ради увеличения прибылей капиталистических объединений.

Формула эта антагонистична,—ибо таковой и должна быть всякая формула, пытающаяся охватить кишащую антагонизмами современную жизнь. И читатель, давший себе труд вдуматься в нее, легко заметит, что один член этой формулы вступает в неизбежный (и все более обостряющийся) конфликт со всеми другими.

Рост производительных сил, отданных в распоряжение капиталистических монополистов, выражается в колоссальном возрастании того производства ради производства, которое своей обратной стороной имеет падение доли труда в национальном доходе, т.-е. ухудшение положения масс.

Рост планомерного регулирования хозяйства на основе его коллективно-*капиталистической* организации обозначает, рядом с повышенной производительностью, и утилизацию всех выгод последней на одном полюсе, рост хозяйственного и политического могущества финансовой олигархии.

Преодоление мировым движением территориальной ограниченности—под руководством национальных трестов—находит свое выражение лишь в борьбе национально-организованных трестов за захват мирового рынка, за свою гегемонию на нем, т.-е. проявляется лишь в ожесточенной конкуренции национальных, опирающихся на всю государственную мощь капиталов за власть над фактически создающимся мировым рынком. Поскольку процесс обобществления производства и регулирования мирового рынка

протекает в рамках капиталистического общества, он, натыкаясь на старинные межевые знаки, может сокрушить последние лишь методами, сопряженными с грандиозной растратой человеческих жизней, сил и накопленного труда, и сокрушает их к *непосредственной* выгоде лишь отдельных групп олигархов-монополистов капитала.

И, наконец, вовлечение отсталых стран в мировую культуру, поскольку, оно производится методами и во имя интересов частных монопольных групп, обозначает беспримерно-жестокую и разрушительную эксплоатацию этих областей.

Весь этот антагонистический процесс имеет своим исходным пунктом, своей отправной точкой то основное противоречие, которое указано в вышеприведенных словах Маркса о железе, имеющем своей целью впитывание прибавочного труда, а никак не удовлетворение потребностей человеческого общества самого по себе,—и только с разрешением этого основного противоречия может быть найден исход для всего антагонистического процесса.

В эпоху господства финансового капитала и империализма эти противоречия принимают, так сказать, монументальную форму и концентрируются в двух пунктах: утилизации всего в грандиозных размерах обобществленного производства монополистскими союзами капитала и стремлении национальных капиталов к эксплоатации созданного мирового рынка. Империализм и есть один из методов решения этих противоречий, метод, порожденный групповыми интересами буржуазии, интересами монополизаторов средств производства и мирового рынка,—метод буржуазии. Это—метод жестокий. Но—совершенно неизбежный, опирающийся на колоссальные силы соответствующих групп. Он не может быть просто «отвергнут». Он должен быть побежден другим методом решения *тех же* вопросов. Если у других групп, антагонистических буржуазной монополии, нет сил противопоставить этому методу другие, *свои* методы, если они не могут, не умеют взять в свои руки задачи обобществления производства, регулирования мирового рынка и перераспределения производительных сил вовлечением в общий оборот культуры отсталых стран,—то этот метод будет торжествовать.

Поставленные задачи не могут остаться нерешенными. Попытки смягчить жестокость данного метода решения исторических задач путем проповеди «разоружения», «арбитража» и пр., и пр. так же призрачны, обречены на такую же бесславную судьбу, как и законодательные попытки бороться с процессом трестирования и картелирования промышленности.

У нас считают патентом на «прогрессивность» ламентации против империализма. Но быть «против империализма» отнюдь еще не обозначает—занимать правильную позицию. Сущность позиции создается не тем, стоит ли данная группа *за* или *против* империализма, а тем—понимается ли при этом *поступательное*, прогрессивное содержание тех хозяйственных процессов, которые находят свое бесчеловечно-жестокое выражение в империализме. Фактически, на деле, именно то или другое понимание империализма лежит в основе всяких практических решений,—даже у тех, кто не дает себе труда проанализировать свое отношение к событиям с этой точки зрения и ограничивается внешними и поверхностными критериями.

Если снять все случайные, преходящие, ad hoc созданные мотивы практической позиции Шейдемана, Вандервельде, Самба, Плеханова, Кольба, Потресова (ибо это, конечно, одна группа в идейном смысле) и их противников, то в основе их воззрений должна будет оказаться именно общая оценка не национальных особенностей той или другой страны в тот или другой момент, а общих тенденций империалистической эпохи и *характера выдвинутых ею задач*.

И нам кажется, что уже пришла пора обратиться именно к этому общему ответу, ибо только тогда можно будет уяснить себе, в чем коренная причина того, что так много испытанных, казалось бы, репутаций пошло на то, чтобы в столь короткий срок пустить в обращение такую массу фальшивейших лозунгов. Мир разводит в недоумении руками (и потирает их нередко от удовольствия) при зрелище того, как вчерашние классовики проповедуют Burgfrieden [1]), вчерашние интернационалисты с жаром неофитов

---

[1]) Гражданский мир.

смакуют неожиданно открывшиеся им красоты строф «Клеветникам России», вчерашние сторонники свободной торговли кладут лучшую энергию своего пера в защиту охранительных пошлин и т. д., и т. п. Искать причин этих трансформаций в логических способностях тех или других деятелей—бесплодно. Логический разбор их позиций, сопоставление последних с их старыми словами—поучительны, но все-таки не дают объяснения неожиданных и головокружительных сальто-мортале. Ибо подобный анализ способен только констатировать полную сумятицу мыслей, торжество логически-нестерпимой путаницы: при подобном изучении их взглядов последние представляются просто каким-то логическим сором, какими-то обрывками мыслей, идейным хламом, вдруг выкинутым на поверхность порывом неожиданных чувств. А между тем, в этом «безумии» есть система. И, чтобы победить это безумие, надо понять систему в ее внутренней логической связанности.

Если брать те идейные течения, которые числят себя в рядах принципиальных противников современного сверхкапитализма, то по практическому отношению к империализму их следует разделить на две обширные группы, обе равно чуждые правильной точке зрения и потому враждебные интересам тех, от имени которых эти группы выступают.

Коренная теоретическая ошибка первой заключается в непонимании поступательного значения того хозяйственного процесса, который, порождая империализм, сам же выковывает и единственно возможные методы его окончательного преодоления. Коренная ошибка второй—в смешении интересов империалистических групп населения с интересами всего мирового развития. Поскольку слова о «вечном мире», «всеобщем разоружении» и о «мире без аннексий и контрибуций» опираются на непонимание или «неприятие» самой сущности современного хозяйственного процесса, постольку вырывается почва из-под ног группы, провозглашающей эти почтенные лозунги; и ее критика империализма превращается в голос и бессильное морализирование *против истории*. Получаются лишь пустые воздыхания и ламентации о том, что мир лучше драки. Густой пеленой от глаз заинтересованных закутываются и истин-

ные причины «драки», и ее неизбежность (и неизбежность ее *повторения* при данных условиях), и действительные методы обезопашения человечества от этих повторений. Мало того. В своей морализирующей критике того процесса, который привел к «драке», эти проповедники неизбежно должны опираться именно на те «ценности», которые этот процесс уничтожает и уничтожение которых лежит по пути человеческого прогресса, идущего к солидаризации и уничтожению всяческой обособленности [1]). Эта та же точка зрения, которая заставляла романтиков мелкой буржуазии ополчаться против крупной промышленности, партикуляристов и националистов (мы говорим, конечно, о демократическом национализме), ополчаться против поглощения их приходов более крупными хозяйственными объединениями.

В результате получается то, что подобные критики *искренно* цепляются за то именно, что своекорыстно *эксплоатируют* в своих интересах руководящие империалистские группы. Этот процесс всего удобнее иллюстрировать на примере хотя бы Германии.

Ее руководящие империалистские круги великолепно знают, что в этой войне речь идет не о «защите» Германии, не об охране ее исторически-данных государственных границ, а как раз об обратном: о преодолении данных границ в интересах капитала, не о «защите отечества», а гегемонии данного отечества.

Однако в своей практической работе эти же самые круги должны неизбежно эксплоатировать созданное всей предшествующей историей патриотическое чувство германского народа, его пиэтет перед идеей германского отечества, этот кристалл его истории вчерашнего дня. Ирония истории хочет, чтобы продукт вчерашнего исторического дня, продукт отходящей исторической эпохи был употреблен для достижения диаметрально-противоположных целей. Опираясь на силу идеи отечества в массах, империализм сметает границы между отдельными отечествами, опираясь на преклонение массы перед идеей самоопределения национальностей, мобилизует ее для фактического преодоления этой

[1]). Речь идет о позиции „центра" и об идее „защиты отечества". *Прим. к наст. изд.*

идеи, для создания единой хозяйственной территории, погашающей в себе национально-государственные различия.

Нетрудно видеть,—беря все ту же Германию,—что та либеральная, гуманитарная «социал-демократическая» пропаганда, которая усиленно и искренно разрабатывает ныне идею германского отечества, охраны его границ и т. д., просто разрабатывает ту самую руду, из которой Баллины, Рорбахи, Чемберлэны и Гельферихи выковывают свои империалистические мечи.

В Германии этого рода идеология до самого последнего времени не имела своего законченного выражения. Она могла найти себе опору скорее всего в кругах социал-демократической партии. Но известно, что с самого начала войны она—в своем патриотическом усердии—зашла гораздо дальше чисто-оборонческой позиции. Только теперь, несколько месяцев тому назад выделившаяся группа Гаазе—Каутского пытается стать на пацифистско-национальную точку зрения в ее чистом виде. Определяя свою позицию, она в качестве мотива своего первого практического шага,—голосования против кредитов 21 декабря 1915 г.—привела то соображение, что границы Германии, по ее мнению, ныне уже обеспечены от внешней угрозы. Таким образом, отмежевавшись от чисто-империалистских мотивов Шейдемана, Давида, Легина и пр., эта новая группа осталась целиком на почве национальной идеи, которая всем ходом событий и в каждый момент *противопоставляется* идее интернационализма, а никак не служит опорной точкой последней. В то же время эта группа Гаазе—Каутского является в Германии единственной представительницей чистого, искреннего—и тем более немощного—пацифизма,—ибо ни позиция правого большинства германской с.-д-тии, ни позиция группы Либкнехт-Люксембург никак пацифистскими названы быть не могут. Первая рассматривает вопросы мира с точки зрения обеспечения германских национальных интересов на мировом рынке, вторая ставит вопрос о мире лишь в перспективе общих задач труда в империалистическую эпоху, рассматривает мир лишь как один из результатов и один из этапов решительной борьбы германского пролетариата против господства его классовых противников.

Заняв, таким образом, позицию национально-пацифистскую, позицию «самозащиты», группа Гаазе-Каутского остается вне круга тех идей, которые способны были бы указать действительный путь преодоления империализма. Ибо противопоставлять империализму идею национально-разграниченных хозяйственных территорий,—это значит делать реакционную работу. Это значит противопоставлять тресту апологию индивидуального предпринимательства. Это значит лечить болезни сегодняшнего дня истории мечтами о восстановлении ее вчерашнего. Но история не возвращается назад.

Социал-империалист Шейдеман был совершенно прав, когда заявил, что «только младенец политический может думать, что после того, как мир был объят пожаром и миллионы людей погибли,—ни один пограничный камень не переменит места, когда, наконец, прийдет мир». Не больше политического смысла обнаруживают и те группы, которые хотели бы подчинить всю свою деятельность руководящей идее о неподвижности, сакраментальности этих некогда установленных камней.

Прежде всего простая справка могла бы показать им относительно всех государств, втянутых в войну,—в первую голову относительно более мелких из них,—что даже при условии полного восстановления их старых границ социально-политическое содержание их «независимости», их суверенности, их хозяйственного самоопределения, будет совершенно другим: несколько новых десятков миллиардов долгу—и созданная на этой почве зависимость и связанность с кредитором ничем принципиально не отличаются от аннексий или контрибуций. Уже до войны свобода в выборе своих путей международных отношений для всего рода мелких государств была сильно стеснена их финансовой зависимостью от того или другого национального банкового консорциума и—в связи с этим—связанностью материального оборудования их военных сил с тем или другим из мировых поставщиков орудий войны (Крупп, Крезо, Виккерс и т. д.). Война, которая неизбежно истощит ресурсы отдельных государств и окончательно разорит более слабые из них, поставив, таким образом, хозяйство этих последних перед в сотни раз обострившейся потребно-

стью в капиталах на другой день после войны, которая с другой стороны, сделала всякое военное предприятие страшно дорогой финансово-экономической операцией, чрезвычайно усилит эту связанность мелких (а также крупных, но хозяйственно-отсталых) «суверенных» государств—с политикой их кредиторов. При этих условиях содержание всей внутренней и внешней политики отдельных государств будет определяться на другой день после войны не фактом восстановления формальной суверенности данной государственной организации и не начертанием ее границ, а теми финансово-экономическими зависимостями, которые развиваются в самой войне и которые укрепятся еще более, когда станет вопрос о восстановлении экономической жизни захваченных разрушительным процессом областей, о возрождении городов, промышленности, железных дорог и т. д. Уже республики Центральной Америки дали нам пример призрачной «независимости», обусловленной полной экономической зависимостью от капиталов соседней могущественной державы. При таких обстоятельствах неприкосновенность пограничных камней отступает далеко на задний план перед другими факторами имеющего создаться порядка, и попытка сделать эту «неприкосновенность» руководящим мотивом действий, определяющей идеей момента, не может не быть оценена весьма и весьма низко с теоретической точки зрения.

Для всего же мирового хозяйства status quo ante представляется полной нелепицей. Его воплощение обозначало бы только одно: понижение уровня производительных сил до нормы середины XIX ст., сведение мирового рынка к минимальным размерам, отказ от вовлечения целых стран в общую жизнь человечества, с одной стороны, и крушение идеалов и надежд тех слоев общества, которые ищут выхода не в прошлом, а в преодолении экономических противоречий настоящего, с другой стороны. И если бы истощение воюющей Европы, действительно низвело производительные силы человечества до такого уровня и привело к крушению всяких попыток указанных слоев превратить данную обстановку в преддверие новых общественных отношений, тогда и только тогда мог бы получить осуществление status quo ante. В качестве лозунга это—только

идеологическое предвосхищение подобного исхода событий и фактический отказ от развития тех сил, которые подобный исход могли бы предотвратить. Мало того. Так как, вернувшись лет на 70 назад, Европа не обрела бы, однако, в этом попятном шествии никакого нового принципа своего хозяйственного строительства,—наоборот, это возвращение вспять знаменовало бы лишь поражение попыток воплощения этого нового принципа,—то через 50 лет мы имели бы повторение сегодняшних событий.

Между тем, вопросы, поставленные эпохой империализма, не могут остаться нерешенными. Проповедники и защитники status quo ante проповедуют застой, отодвигание решения задачи, ибо «предложенное» империалистами решение очень жестоко. Это так. Оно, действительно, жестоко. Но противопоставить этому жестокому ответу империалистов можно не обывательскую формулу:—«кончайте возможно скорее и возможно безобиднее!»—а лишь другой метод решения *тех же* вопросов, *свое* решение тех же противоречий. Его у защитников status quo ante нет. У них есть, вместо ответа, доброе сердце. Но это—доброта, которая, по пословице, хуже «воровства», хуже жестокости; жестокость, как никак, ведет вперед, доброта же хочет приковать к месту, закрепить данное, искать спасения не в своей активности, а в активности чужих ей сил, за которыми она фактически и следует, которые она, как это мы и видим ныне на ряде примеров, фактически и обслуживает.

Но действительного решения поставленных эпохой вопросов не видят и люди, стоящие на принципиально другой, по отношению к империализму, позиции: те, кто находит для рабочего класса активную роль в империалистической войне, кто, как Ленш или Гайдман, говорят об его активных задачах, вроде сокрушения остатков феодализма или духа трэд-юнионизма в зарубежных странах.

И эту позицию в наиболее чистом виде удобнее по условиям места и времени наблюдать среди немецких социалистов. Ее выразителями служат там такие резкие защитники ортодоксии в прошлом, как Ленш, затем (поскольку можно судить по отголоскам русской прессы) Кунов. Ее логическим завершением является та практическая политика, которую заранее подготовляют и для мирного периода

на страницах «Socialistische Monatschrift» и которая сводится к полному отказу от отрицательного отношения к военным бюджетам, к колониальной политике и к протекционизму, даже к протекционизму аграрному.

В конце-концов, логика этой позиции способна своей простотой оглушить всякого.

Империализм, рассуждают эти социал-шовинисты, есть неизбежная стадия в переходе от капитализма к новому строю общественных отношений. «Капитализм, — пишет Ленш,—хочет он того или не хочет, в последнем счете вынужден работать для нас... даже во всемирной войне». Мало того. Ленш идет дальше. Он пишет: «Эта война должна действовать, как «локомотив истории», и привести более быстрым темпом к концу то, что начало медленно подготовляться мирной эволюцией».

Вывод?—Вывод тот, что германские социал-демократы должны содействовать имперскому германскому правительству в его империалистических задачах, ибо «хочет оно того или не хочет», оно, видите ли, объективно ведет дело к осуществлению старых идеалов Ленша!

Нетрудно видеть, что читателю преподносится здесь с серьезным видом та самая каррикатура на логику марксизма, которая некогда заставила некоторых наивных людей предполагать, что, ища опоры для будущего в развитии производительных сил, «ученики Маркса» тем самым обязуются строить кабаки, содействовать развитию крупной промышленности за счет мелких промыслов, содействовать разорению и «расточению» последних и т. д., и т. п. Это именно та логика, которую пытался навязать марксизму Бернштейн и решительное отвержение которой подлинным Марксом заставило Бернштейна, а за ним и всех оппортунистов, усмотреть в Марксе—бланкиста. Ибо, в конце-концов, бланкизмом в марксизме оппортунизм почитает именно его нежелание подменить точку зрения междуклассовых антагонизмов, как движущей силы развития, «объективной» точкой зрения развития производительных сил. Это, наконец, та логика, которая заставила некогда Струве,—после того, как установлен был факт неизбежности капиталистического развития России,—подменить вытекающий из этого факта классовый марксистский лозунг—«объективным» ло-

зунгом: «пойдем на выучку к капитализму». Искажение марксизма, совершенное тогда г-ном Струве, и искажение его у Ленша—однородны: они в равной мере превращают «марксизм» из идеологической оболочки движения данного класса капиталистического общества в идеологию всего «объективного» процесса капиталистического развития, т.-е. тех групп, которым в этом процессе достается господствующая роль.

Что касается сейчас демонстрированного на примере германского социал-империалиста Ленша хода мысли, то нужно тут же признать, что Ленш совершенно прав в своих исходных положениях. Он прав, когда говорит о том противоречивом пути, которым в рамках капиталистического общества осуществляется всякий шаг вперед. Он прав, указывая, что даже во всемирной войне капитализм вынужден работать для принципиально-враждебных ему целей. Он особенно прав, когда видит в соответствующих столкновениях «локомотив истории», т.-е. сильнейшее ускорение темпа общественного развития в определенную сторону. И тут решительно неправ романтик Чернов, возмущающийся и иронизирующий по поводу этого «возведения в ранг локомотива истории» [1]). Как и полагается романтику, Чернов, не замечая слабых мест социал-империалистической логики, ополчается как раз на ее «сильные» стороны, на те именно пункты, где Ленш лишь *повторяет* бесспорные, давно уже доказанные историей положения своего бывшего учителя. Сопоставление в этой плоскости романтика Чернова с социал-империалистом Леншем может дать только один вывод: Чернов много «человеколюбивее» Ленша, но Ленш, к сожалению, много лучше Чернова понимает условия развития современного общества. На деле Ленш попадает в трясину империализма не тогда, когда он констатирует противоречия капиталистического, а, следовательно, и империалистического развития и усматривает в этих противоречиях стимул будущего, а тогда, когда, переходя к выводам, он *забывает* об этих противоречиях, когда из факта неизбежности империалистической стадии он делает вывод: надо, следовательно, поддерживать империалисти-

---

[1]) См. его статью в № 1 „Сев. Записок“ за 1916 г.

ческую политику, надо содействовать германскому империализму, надо, одним словом, «идя на выучку» к империализму, «строить кабаки!»

Систематичность этой ошибки в кругах, именующих себя марксистскими, не позволяет предполагать в ней простой аберрации исторического зрения. Нет. Эта логика—лишь отражение фаталистических элементов, внесенных в доктрину десятилетием «мирного» развития Западной Европы и широко эксплоатировавшихся оппортунизмом. Это не ошибка логики, а подмен точки зрения одного класса точкой зрения солидарности классов.

В известные исторические эпохи подобный подмен эпидемически охватывает известные круги демократии. Это— те эпохи, когда разрешение объективных задач момента по тем или другим причинам выпадает из рук демократии и попадает в руки ее антиподов.

Так, объективную задачу средних десятилетий XIX в. в Германии—создание единой хозяйственной территории— поставила на очередь и пыталась решить специфическими методами немецкая либеральная буржуазия и радикальная демократия в 1848 г. Крушение их усилий и соответствующих методов в 1849 г. не обозначало, однако, что и сама задача снята с порядка дня; это обозначало только, что ее воплощение перешло в другие руки. И действительно: задача была решена Бисмарком методом «крови и железа». Это именно и дало возможность Энгельсу сказать свою, поразительную на первый взгляд фразу о том, что «Бисмарк делает наше дело».

Точно так же в Италии, вопрос о создании единой капиталистической государственности на территории Аппенинского полуострова, поставленный длинным рядом восстаний против австрийского владычества и его ставленников, обостренный затем деятельностью Гарибальди и Мадзини,—был решен под эгидой Кавура и пьемонтских королей.

В обоих случаях решение объективной задачи первым методом (методами редакции «Новой Рейнской Газеты», баденско-пфальцских деятелей, Мадзини и Гарибальди [1]) обо-

[1]) Все это описание должно было заменить—царской цензуры ради— простые слова: "революционным методом". *Прим. к наст. изд.*

значало бы решительную очистку почвы от всяких феодальных остатков, создание максимально-выгодных условий для капиталистического развития освобожденных и объединенных национально-государственных территорий. Решение по второму методу (методу Бисмарка и Кавура, методу, получившему в науке специальное обозначение «революции сверху») обозначало консервирование феодальных элементов внутри нового капиталистического общества, сохранение многочисленных старых и создание новых препон дальнейшему развитию.

Так, в Германии объединение выполненное сверху, Бисмарком, при помощи ряда войн и в борьбе с демократией, обозначало—рядом с созданием гораздо более широких условий капиталистического развития—и ограничение свободы этого развития установлением гегемонии Пруссии, сохранением десятка местных тронов, династии Гогенцоллернов, упрочением милитаризма, десятилетием исключительного закона против социалистов и т. д. И, несмотря на это, аналогичные эпохи,—когда сверху так или иначе осуществлялись объективные задачи, выдвинутые снизу и лежащие—в общем—на пути исторического развития,—всегда бывали эпохами усиленного идейного разброда демократии, ибо для части ее они всегда создавали соблазн кооперации с верхами, всегда наталкивали на *подмен* специфических классовых задач демократии общими «объективными» задачами, которыми, конечно, лишь маскировались классовые интересы господствующих или шедших к господству кругов.

Когда пьемонтские господствующие круги, под руководством Кавура, вынуждены были, наконец, приступить к таким шагам, объективная логика которых могла быть истолкована, как путь к объединению Италии,—это вызвало немедленно раскол между Гарибальди, охотно и наивно пошедшим на союз с новой силой, и Мадзини, упорно отрицавшим, чтобы данная сила действительно могла и хотела воплотить в жизнь то единство и ту свободу Италии, о которых он мечтал и добиться которых он полагал возможным не в союзе, а, наоборот, только в борьбе с Пьемонтом.

Столкновение Мадзини и Гарибальди было столкновением в среде мелко-буржуазной демократии. В среде рабо-

чей демократии однородное столкновение нашло себе выражение в решительной и длительной борьбе между Швейцером и Либкнехтом в конце 60-х годов, в эпоху объединения Германии.

Поскольку речь шла об основной задаче эпохи—создании новой, объединенной, капиталистической Германии—тактика Швейцера была тактикой поддержки Бисмарка; тактика Либкнехта, действовавшего на этот раз в полной солидарности с Марксом и Энгельсом, была тактикой решительного отрицания бисмарковского пути объединения Германии и противопоставления этому пути другого метода, метода объединения снизу. Совершенно естественным и логичным завершением глубокой пропасти между отношением Швейцера и отношением Либкнехта к бисмарковской «революции сверху» было их диаметрально-противоположное поведение в франко-прусскую войну 70—71 г.г. Швейцер и его группа голосовали за военные кредиты Бисмарку, Либкнехт и Бебель голосовать кредиты отказались [1]).

Политика Швейцера была политикой передоверия задач 48 г. в руки бисмарковской «революции сверху». И это именно великолепно понимал Маркс, ополчившийся не против той или другой частной ошибки Швейцера, а именно против этой основной линии его политики, когда в своей «критике готской программы» клеймил ее, как пособницу «феодальной реакции» и сообщницу «прусской государственности».

К какому чудовищному выводу можно притти при помощи этой замены точки зрения социальных антагонизмов точкой зрения «объективно неизбежного» процесса, хорошо иллюстрировал автор брош. «Sozialistische Auslandspolitik» [2]), Гергард Гильдебранд. Из неизбежности колониальной поли-

---

[1]) При самом же голосовании Бебель и Либкнехт в специальной декларации указали, что они не голосуют против, а воздерживаются *только потому*, что голосование против „могло бы быть истолковано" как сочувствие бонапартизму. Достойно внимания, что Бебель и Либкнехт в данном случае заняли одну и ту же практическую позицию, *несмотря* на то, что они придерживались диаметрально противоположных взглядов о том, кого следует считать инициатором войны, Бисмарка, или Бонапарта, кого обороняющейся и нападающей стороной: Германию или Францию. Ясно, что этот вопрос в определении их политики не играл роли

[2]) "Социалистическая внешняя политика".

тики для современных капиталистических государств он сделал тот вывод, что германский пролетариат должен отказаться от «голого протеста против воинствующего шовинизма» и заменить этот «голый протест» активной колонаильной политикой под знаменем «равноправия колониальных притязаний всех стран» и «обеспечения колониями обделенных народно-хозяйственных организмов». *Неизбежность* стадии колониальной политики для современного хозяйства и здесь служит «достаточным основанием» для того, чтобы пролетариат сделал колониальную, захватную политику направляющим мотивом своей собственной деятельности, своим собственным лозунгом.

Но ту же схему рассуждения, ту же каррикатуру на логику «учителей» найдем мы и у А. Потресова, ибо ведь для обоснования своего новейшего лозунга он не привел ничего, кроме того соображения, что «российской обывательской массе... еще надо поступить в приготовительный класс» общественного развития, что ей еще надо пройти «через школу» гражданственности в национально-государственных рамках». И здесь неизбежность данной исторической стадии служит достаточным основанием для замены классового, специфического лозунга — лозунгом, воплощающим якобы объективную сущность данного исторического этапа, а на самом деле воплощающим лишь классовые интересы *одной* (господствующей) из тех антагонистических сил, борьбой которых творится—и в то же время, отрицается—данный этап. Мы лишены возможности подробнее рассмотреть здесь схему Потресова, взятую нами сейчас лишь в качестве одной из ярких иллюстраций рассматриваемого тезиса о широком подмене марксизма «объективизмом», практикуемом в настоящее время. Но мы не можем не отметить здесь же двух обстоятельств. Во-первых, Потресов даже не поставил вопроса о тех отношениях, которые должны создаться в стране, обреченной проходить «приготовительный класс» в такой момент, когда ее соседи проходят последний класс, и о той роли, которую должен *при таких условиях* играть ее передовой класс. Между тем введение этого необходимого элемента способно сильно поколебать его теорию «исторических стадий» и соответствующих лозунгов даже с его же собственной точки зре-

ния. Во-вторых, Потресову следовало бы посчитаться с тем обстоятельством, что неизбежность «национально-государственных рамок» гражданственности была ясна и Марксу, что, однако, сначала не помешало ему выставить его лозунг 48 г., а затем ни разу не побудило его пересмотреть этот лозунг или, тем паче, отказаться от него [1]). Видимо, соотношение между «неизбежностью» той или другой фазы общественности и ролью рабочего класса в ее историческом переживании представлялось Марксу несколько иначе, чем Потресову, Гильдебранду или Леншу...

Подменив эту точку зрения точкой зрения «объективизма», политики типа Ленш-Гильдебранд-Потресов должны были прийти и пришли к практике, решительно противоречащей всем «заветам».

* * *

В самом деле, что означало бы передвижение на точку зрения Ленша широких кругов германского или какого-либо другого пролетариата? Оно означало бы закрепление, оправдание и возведение в принцип той картины, которая уже *осуществлена* в данный момент. А основные черты этой картины заключаются в том, что позиция официального большинства германской партии: 1) обостряет и затягивает международный конфликт, 2) что она превращает пролетариат в орудие империалистских замыслов,—в том, в конце-концов, что 3) эта позиция затрудняет и задерживает реализацию мировой задачи труда. Это и есть действительная характеристика роли большинства руководителей пролетариата в нынешней войне. Что субъективно Шейдеманы, Ленши et tutti quanti [2]) ставят рабочему классу в этот момент другие задачи, что по их мнению, поддержка империализма в данный момент приведет, в конце-концов, к осуществлению их старых идеалов,—что, по схеме Потресова, из поддержки им лозунга «приготовительного класса» вытечет некогда международность,—это обстоятельство ни капли не изменяет объективного значения роли, разыгрываемой *сейчас* всеми упомянутыми деятелями.

---

[1]) Речь идет о лозунге „пролетарии всех стран, соединяйтесь!" *Прим. к наст. изд.*

[2]) И им подобные.

Поскольку,—писал Гильдебранд в цитированной выше брошюре,—в настоящее время наше существование покоится на частно-хозяйственном приобретении и использовании средств производства и производительных сил, *интересы рабочих требуют расширения области приложения капитала*». (Курсив наш. Дело идет здесь о капитале в его национальной форме). Надо признать, что из всего того, что было наговорено в защиту позиции официального партийного большинства,—это самое серьезное, самое деловое и наименее пустозвонное заявление. Оно объясняет, —если не все,—то очень многое в *фактической* позиции большинства. Но нельзя забывать, что подобное понимание интересов пролетариата неразрывно связано в данную историческую эпоху с очень важными практическими выводами.

Ведь «расширение области приложения капитала» протекает в нашу эпоху в совершенно определенных, обусловленных всем ее социально-политическим содержанием формах. Оно опирается на концентрацию средств производства в руках трестов и финансовой олигархии, и оно осуществляется путем ожесточенной борьбы этих национальных трестов между собой. Нельзя «приять» «расширение областей приложения капитала», как свою задачу, не «приявши» тем самым и данных условий реализации этой задачи. Логика обязывает. А это обозначает, что логика позиции тех групп производителей, которые взяли бы на себя заботу об «области приложения капитала», неизбежно привела бы к упрочению положения господствующих кругов в качестве руководителей концентрированными средствами производства и, одновременно, к страшнейшему обострению борьбы между национальными трестами, не сдерживаемыми уже в своей погоне за «областями приложения капитала» никакой внешней силой.

Превращение рабочего класса из самостоятельной силы в простое орудие национальной гегемонии того или иного треста—превращение, которое мы можем сейчас изучать на примере хотя бы Германии—было бы завершением политики, проповедуемой Леншем-Гильдебрандом-Потресовым.

Ставши орудием охранения или расширения (смотря по тому, какой «класс» учения проходит данное нац. хозяй-

ство!) «областей приложения капитала», наемный труд и внутри данного хозяйства неизбежно стал бы простым материалом для постройки здания завершенного господства коллективно-капиталистического хозяйствования. А поскольку и само развитие производительных сил общества есть результат обостренной социальной борьбы внутри его, постольку реализация политики социал-империализма обозначала бы приостановку, а затем и деградирование производительных сил. Осуществление в широком, т.-е. мировом масштабе и на продолжительный период этой политики обозначало бы, таким образом, не приближение ее идеалов (это ведь не империализм, а социал-империализм!), а, наоборот, только то, что ее старые идеалы осуществлялись бы вопреки и в борьбе с теми группами, которые ее бы усвоили.

От безотрадной картины, свидетелем которой было бы человечество, если бы действительно схема Ленща была реализована в практической политике большинства пролетариата, спасает только одно обстоятельство,—что для осуществления подобной политики в широком масштабе и на более или менее продолжительный период нет никаких объективных условий, что общественное развитие, создающее мировой рынок, будет неизбежно побеждать тенденции замкнутой национальной политики. Ленщи и Потресовы—выразители не общего направления пути «четвертого сословия», а лишь недостатков его развития, отсталости отношений вчерашнего исторического дня; они—представители *последней иллюзии* пролетариата, за которую, конечно, придется заплатить очень дорого, много дороже, чем было заплачено в 48 г. за иллюзии Луи Блана. Борьба с этой последней иллюзией является неизбежным этапом в создании новой тактики, а ее идеологическая разработка—у Ленща, у Потресова и т. д.—пойдет, видимо, на построение мимолетных партий «национального труда», на освящение отстающих форм движения, подобно тому, как эту же роль в середине XIX в. выполняли прудонизм и тред-юнионизм.

Таким образом, путь Ленща-Потресова еще менее ведет к преодолению империализма, чем рассмотренный выше путь Гаазе-Каутского. Оба эти пути одинаково заводят в тупик, один—пройдя предварительно по всем дорогам, про-

топтанным господствующей политикой, освятив ту практику, которой от «четвертого сословия» требуют Рорбахи и им подобные; другой—безрезультатно пытаясь обогнуть «исторические неизбежности», обойти сторонкой кровавые рубежи истории.

Но в таком случае есть ли вообще путь преодоления империализма?

Он есть, и его можно легко нащупать, если только принять во внимание, что империализм есть реакция известных хозяйственных групп на созревание общественных условий обобществления и что *этой* реакции может быть противопоставлен другой *хозяйственный план,* другой ответ,—ответ других хозяйственных групп на тот же вопрос об устронении мирового хозяйства.

Ибо империализм только *необходимое следствие* господствующего способа производства, но совсем *не разрешение* созданных им противоречий. Именно потому, что империализм ставит решение всех насущных вопросов социальной жизни под контроль вопроса о трестовой прибыли, он не способен их решить. По самому существу своему империализм может лишь обострить, но отнюдь не может решить ни вопроса об урегулировании национально-хозяйственной обособленности, ни вопроса о перераспределении производительных сил путем культивирования новых стран, ни, наконец, вопроса об уничтожении социальной розни, сколько бы ни пытался он ослабить последнюю путем экономического подкупа производителей за счет эксплоатации чужих наций. Поэтому-то осуществление с чьей бы то ни было стороны мечты о мировой гегемонии было бы в то же время ее социальным крахом изнутри.

Но неизбежный крах этой империалистической утопии не мешает тому, что финансовый капитал именно на этом пути ищет разрешения,—разрешения в свою пользу,—противоречий современной хозяйственной жизни.

Подобно тому, как политика Бисмарка была попыткой использовать в интересах буржуазных, аграрных и династических элементов процесс созревания Германии к объединению, подобно этому политика Рорбахов, Баллиных, Чембэрленов есть попытка использовать в своих интересах созревание общественных условий обобществления. И

так же, как у Бисмарка был свой совершенно реальный план объединения Германии (в этот план входили: войны с Данией, Австрией, Францией, германский таможенный союз, всеобщее избирательное право, ряд уставов гражданской жизни... и борьба с социал-демократией), так же есть свой *хозяйственный план* у Рорбахов и его разноплеменных духовных братьев. В него входят: система таможенных объединений (и в качестве неизбежного дополнения, ряд таможенных войн), присоединение или фактическое хозяйственное подчинение определенных территорий, синдикатская организация промышленности с государственно-капиталистическими монополиями и... приручение рабочего класса на почве усвоения им Ленш-Гильдебрандовской политики.

Этому хозяйственному плану противопоставляется не отстаивание на почве его осуществления интересов тех или других групп, а лишь принципиально—другой план мирового хозяйства. Чтобы действительно преодолеть планы империалистов, надо иметь свою собственную систему регулирования мирового хозяйства и отстаивать ее, как *конкретную* меру, отвечающую на конкретные вопросы реальной хозяйственной жизни.

Имеется ли такая система? Если ее нет, или если эта система есть только «конечная цель», только заготовленная впрок «музыка будущего», реализовать которую никто не собирается,—тогда тем самым очищается место Рорбахам, которые имеют что предъявить, которые заявляют: «если никто, кроме нас, не знает, как и куда девать 500.000 пуд. чугуна в час, как их распределить, чтобы заводы не стали, если никто, кроме нас, не умеет решить задачи о снабжении нашей страны пищевыми продуктами, которых она не производит, тогда мы беремся это устроить. Это будет жестоко: ибо мы не можем это устроить, не побивши чужими руками наших конкуррентов. Но это выход. А у вас его нет». Если, при этом, Рорбахи реализуют прибыли чуть ли не в том размере, который они сами себе назначат, и продолжают держать опекаемое ими население на границе голодной смерти, то это вполне естественно вытекает из сущности вещей.

С подобными методами хозяйствования можно бороться, лишь предъявив и пытаясь реализовать свои собственные

методы. И не даром соотечественник и антипод Рорбаха, Гильфердинг, еще за 10 лет до современных событий писал о новом хозяйственном плане, что в условиях империалистической эпохи он «перестает быть отдаленным идеалом,— перестает быть даже той «конечной целью», которая просто указывает общее направление «текущих требований»: он становится существенным элементом в непосредственной практической политике» [1])...

Это отнюдь не значит, конечно, что новый хозяйственный план должен быть реализован немедленно, но это значит, что вся практика должна быть направлена на создание— в борьбе с Рорбахами, в постоянном противопоставлении своих методов их методам—той силы, которая завтра эту задачу будет призвана решить.

1916 г.
Енисейская губ.

---

[1]) Р. Гильфердинг: Финансовый капитал. Рус. пер., 1912 г., стр. 567.

ИМПЕРИАЛИЗМ и КРУШЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Выстрелы, грянувшие на границах европейских держав в августе 1914 г., возвестили не только начало мировой войны, но и конец одной мировой идеи, одного мирового учреждения. Идея международной солидарности рабочих и основанное на ней учреждение постоянного международного общения рабочих всех стран, с самого своего зарождения противопоставляли себя тем силам, которые вели и привели Европу к современной войне. Схватка между силами империализма и Интернационала должна была стать прелюдией ко всякой мировой войне. И эта схватка произошла.

Правда, по разнообразным причинам, она была бескровной, почти недоступной для постороннего глаза, и разыгралась не на площадях европейских городов, а лишь в *сознании* миллионов людей, но результаты ее видны всякому, запечатлены фактами, не поддающимися перетолкованию, констатированы десятками соответствующих выступлений и оказались, поистине, убийственными. Сокрушение идеи международности и крах, развал, распад 2-го Интернационала—таков результат этой предварительной схватки, расчистившей путь мировой войне. Тенденции международности были побеждены стихиями империализма и национализма.

Это не был разгром внешней силой; это был внутренний развал, капитуляция без условий, сдача на милость победителя. Этому можно радоваться (и этому радуются весьма и весьма многие), над этим можно печалиться (занятие—в достаточной мере бесплодное), но факт *краха*,—факт победы национально-империалистических стихий над противоположными тенденциями надо признать во всем его объеме. Всякие попытки «смягчить» этот факт краха второго Интернационала (1889—1914), «смазать» его, утешиться тем, что де «перемелется—мука будет», а диалектива обще-

ственного бытия и этот факт переварит,—надо заранее отстранить, как лекарство, которое заведомо хуже самой болезни. Конечно, дальнейшее общественное развитие «перемелет» этот факт, конечно, место не останется незаполненным, но и здесь «aussprechen was ist» [1]) есть лучший и даже единственно-возможный способ от мертвого и разложившегося итти к новому, живому, не теряя ни единого атома из того, что было хорошего во вчерашнем, и усваивая все то новое, что принесли новые условия.

Для того, чтобы представить в полном объеме размеры катастрофы, обрушившейся на второй Интернационал, надо дать себе отчет в том, что катастрофа пришла как раз тогда, когда объективные условия, быть-может, впервые в истории открывали для него широкую возможность приложения своих методов воздействия.

Уже Энгельс отмечал, что первичным элементом в вооруженных конфликтах является «возможность распоряжаться силами современной промышленности». В 70-х годах он писал, что вся организация и боевой метод армии зависят в первую очередь от господствующих методов производства и что, напр., «не только изготовление, но и управление морским орудием стало отраслью современной промышленности». «Война машин», война рабочих»—так характеризовал основную черту современной войны Ллойд-Джордж, в качестве бывшего министра финансов и нынешнего министра снабжения армии величайшей мировой империи имевший возможность глубже, чем кто-либо, вникнуть в технико-экономическую структуру современного военного предприятия. Громадная, невиданная доселе, роль завода, техники, рабочего в войне не подлежит сомнению... Таким образом, самый характер современной войны—в отличие от войн предшествующей эпохи движения капитализма к империализму—давал, казалось бы, широкий базис для того воздействия на ход событий, которое всегда ставилось целью и о котором настойчиво напоминалось и в 1907, и в 1910, и в 1912 г.г.

Но роль рабочего класса оказалась даже больше, чем можно было думать. Наглядный пример тому—вопрос о

---

[1]) „Высказать то, что есть“ (слова Лассаля).

безработице. Ужасы грандиозной безработицы, которую, казалось, неизбежно несет с собой всякая война между развитыми капиталистическими странами, были обычной темой в устах противников милитаризма. На деле же война принесла сокращение армии безработных до небывало незначительных размеров, усиленное привлечение к производству труда женщин и детей, фактическую (а иногда и законодательную) отмену всяческих ограничений в деле усиленного потребления рабочих рук. Эти вести несутся и из Германии, и из Англии. Обнаружился не избыток, а недостаток рабочих рук и это, естественно, должно было привести к повышению социального веса рабочего класса в деле оборудования современной войны.

И вот в то время, как техника империалистической войны XX в. предоставила для рабочего класса такой широкий базис для непосредственного влияния на ход событий, оказалось, что самое желание воздействовать в духе «старых принципов» куда-то улетучилось, испарилось, что самый «дух» как бы изменился.

Неписанный договор международной солидарности оказался так же легко разорванным и растоптанным, как и многие международные государственные договоры.

Каутский, заявивший, что Интернационал является дееспособным только во время мира и выступивший с началом мировой войны теоретиком «самоограничения» задач Интернационала, этими своими заявлениями только окончательно засвидетельствовал банкротство того Интернационала, от имени которого он хотел и имел право говорить.

Впрочем, международное объединение,—в сознании теоретиков и практиков движения,—никогда не было целью само по себе. Оно всегда рисовалось, как неизбежное орудие к достижению другой, общей, «конечной» цели. И можно было бы сказать, что орудие сломано и отброшено именно потому, что цель, к достижению которой оно было направлено, неожиданно с началом войны оказалась негодной, утопичной, противоречащей ходу вещей. Если бы это было так, если бы цель, во имя которой создавался, работал и существовал Интернационал, оказалась вдруг вычеркнутой из жизни, тогда, конечно, незачем было бы держаться и за одно из средств достижения этой цели.

Однако события принесли доказательства как раз обратного. В организации внутренней хозяйственной жизни воюющих капиталистических держав война демонстрировала не крушение идей, ради которых создавался Интернационал, а, наоборот, крушение некоторых основных и, казалось бы, незыблемых принципов капитализма.

Нужно сказать тут же,—то регулирование хозяйственной жизни, то вмешательство государства в ход производства и обмена, а отчасти и распределения продуктов народного труда, которое характеризует самую любопытную сторону современной эпохи, не имеет ничего общего с идеалом Маркса.

Государственное вмешательство в хозяйственную жизнь страны, к которому должны были прибегнуть и Англия и Германия (в особенности последняя), имеет своей базой, своей предпосылкой мощное развитие капитализма, централизацию капиталов, предварительное сосредоточение экономического могущества в руках финансового капитала, далеко вперед зашедший прогресс трестирования промышленности, наконец, широкое развитие организованности на базе капиталистического производства, как среди предпринимателей, так и среди потребителей и производителей. Поэтому же, между прочим, соответствующие явления не могут иметь места, а попытки в данном направлении заранее обречены на гибель там, где этих предпосылок широкого развития капитализма нет еще налицо. Здесь соответствующие меры просто вырождаются в «полицейскую экономию», в экономический подкуп и демагогию.

Столь же мало, как и указанные сейчас явления высоко развитого капитализма, служащие ему базой, Kriegssozialismus[1]) затрагивает основные институты современного общества. Он не разрешает созданных ими и коренящихся в них противоречий, а только до невиданной степени обостряет их, демонстрируя в то же время в искаженном виде те методы регулирования хозяйственной жизни, которые идут на смену частно-хозяйственного принципа.

---

[1]) Этим термином („военный социализм“) в Германии обозначают ряд мероприятий экономического характера, направленных к обеспечению хозяйственной жизни страны.

В этом именно смысле можно и должно признать, что мир созрел для восприятия новых принципов хозяйственной жизни. Внешнее крушение Интернационала как бы совпало с моментом особо-широкой демонстрации жизненности руководивших им социальных идей. Но этого мало.

Вызванный к жизни специальными обстоятельствами: необходимостью перед лицом внешней опасности поднять продуктивность общества, внести планомерность в его экономическую жизнь, обеспечить себя от катастроф изнутри помощью обеспечения известного минимума существования для широких слоев,—Kriegssozialismus неизбежно затрагивает некоторые притязания могущественных социальных групп и ограничивает их непомерно раздувшиеся,—по случаю войны,—аппетиты[1]).

История борьбы за хлебную и другие монополии с аграриями в Германии, история закона о максимуме прибылей в Англии наглядно показывают это. И то, и другое сделалось возможным, в конце концов, не благодаря предусмотрительному разуму государственных мужей, а благодаря прямому и косвенному влиянию социальной мощи трудящихся.

Итак, современная война принесла не только широкие возможности воздействия на ход событий со стороны играющего в ней небывало-значительную и непосредственную роль рабочего класса, но и проникновение в современную хозяйственную жизнь крупнейших стран, хотя бы в искаженном, извращенном виде,—некоторых его социаль-

---

[1]) Один из серьезнейших идеологов германского империализма, П. Рорбах, хорошо понимал, о чем идет речь в современной войне, когда в первые же дни войны писал в предисловии в своей известной книге: „Вопрос о победе есть для нас вопрос наших нравственных национальных сил, *вопрос о том, насколько* способны к жертвам для пропитания трудящейся части народа те имущие классы, которые в состоянии уделить от себя что-нибудь даже тогда, когда заработная плата рабочих будет все меньше и меньше удовлетворять его потребностям... Быть-может, нам придется ввести добровольный или принудительный высокий поимущественный налог не для покрытия военных издержек, а в целях *передачи немецкого хлеба и мяса в руки тех, которые не в состоянии его себе заработать*". П. Рорбах. Война и германская политика. С пред. проф. С. Котляревского. М. 1915 г., стр. XIII (курс наш).

ных принципов и вместе с тем засвидетельствовала его социальную мощь.

Налицо, казалось бы, все предпосылки для решительного проявления его воли.

Отсутствие этих проявлений нельзя объяснить ни его слабостью, как социальной группы (напротив, его значение именно в текущих событиях вскрылось во всем своем объеме), ни крушением его общего идеала (он стал теперь реальнее, конкретнее доказал свое соответствие ходу хозяйственного развития в большей мере, чем когда-либо), ни, наконец, невозможностью непосредственного влияния на ход дел (в «войне машин», употребляя выражение Ллойд-Джорджа, подобное влияние впервые получило техническую основу и могло найти соответствующие характеру данной группы методы).

Тем резче всей этой социально-политической обстановке противостоит факт крушения не только международной организации, но и самой идеи международной солидарности в достаточно широких кругах вождей и рядовых деятелей движения. Как мы уже упомянули, этого никак нельзя объяснить действием одной только внешней принудительной силы. Внутри самого рабочего движения последних десятилетий должны были существовать те тенденции, которые — при благоприятных обстоятельствах — могли привести к разложению Интернационала на национальные части и сделать бывших союзников врагами. Иначе пришлось бы все происшедшее в рядах Интернационала признать чудом или же допустить, что в самое содержание международной солидарности входит необходимость периодического взаимоистребления солидарных друг с другом групп. Так именно рассуждал Каутский в своей известной статье о международности и национальности. Так продолжают рассуждать в Германии Кольбы, Гейне и Ленщи, и не одни только авторы, пишущие на немецком языке. Эти рассуждения—лишь симптом *подчинения* некоторых теоретиков чуждой им прежде стихии империализма.

Но где же те условия, благодаря которым Каутские и Ленщи (и не только они) оказались столь податливыми заразе, шедшей из кругов Рорбахов и Гельферихов?

Еще в 1847 г. в своей известной лекции о «наемном труде и капитале» Маркс, между прочим, заметил, что «быстрый рост капитала является самым благоприятным условием для наемного труда». В пояснение Маркс добавил еще следующее:... «чем быстрее рабочий увеличивает чужие богатства, тем более жирные крохи достаются ему самому, тем больше рабочих может получить заработок, тем больше может увеличиться число рабочих—рабов капитала»[1]. «Быстрый рост капитала», о котором говорил Маркс, за последние десятилетия совершался в форме завоевания капиталом новых сфер приложения и рынков сбыта, в форме *империализма*.

Здесь не место входить в разбор, почему это именно так. Отмечаем только факт: «быстрый рост капитала», являющийся, по словам Маркса, самым благоприятным условием для наемного труда, привел к финансовому капитализму и империализму, а этот последний стал сам условием дальнейшего «быстрого роста капитала». Что же случилось при этом с теми «более жирными крохами», которые достаются рабочему при «быстром росте капитала?»

Одним из первых, занявшхся вплотную вопросом о влиянии империализма на положение рабочего класса был известный австрийский ученый и публицист Отто Бауэр. Общая тенденция его книги «Национальный вопрос и социал-демократия» представляется нам в корне ошибочной. При самом ее появлении (в 1907 г.) Каутский отметил уклон автора к национальному моменту в ущерб интернациональному. Бауэр потратил, однако, в этой книге немало труда на оценку того, что несет с собой империализм для рабочего класса. И вот его вывод: «Исследуя влияние экономической политики современного капитализма на положение рабочего класса, мы получаем довольно *пеструю* картину. Империализм, с одной стороны, увеличивает благосостояние пролетариата: ускоряя отлив капитала в производительную сферу, сокращая оборотный период капитала, увеличивая количество общественного производи-

---

[1]) Прошу заметить: в цитированном месте Маркс сказал не только это. Он тут же подчеркнул и обратную сторону медали. К этой обратной стороне мы еще вернемся ниже.

тельного капитала некоторой частью разности накопления, империалистическая политика *подымает спрос на рабочие силы*; заставляя порабощенные народы отпускать господствующим капиталистическим нациям хлеб и мясо, хлопок и шерсть, она *повышает в Европе реальную заработную плату*». Далее Бауэр характеризует и отрицательные стороны влияния экономики и империалистической эпохи и приходит к следующему итогу: «из всего этого видно, что рабочий класс имеет гораздо *меньшую долю* в колониальных богатствах, чем имущие классы».

Познакомившись с этими выводами Бауэра, мы уже не удивимся, когда услышим от него следующую характеристику позиции рабочего класса по отношению к империализму. «Повсюду,—пишет наш автор,—пролетариат относится к нему (к империализму) очень сдержанно, трезво высчитывая в каждом отдельном случае, стоят ли действительно выгоды империализма требуемых от него жертв. Его сдержанность превращается в недоверие, когда он видит, что трудно высчитать все последствия данного положения империалистской политики. Так рабочий класс сохраняет хладнокровие, меж тем, как класс капиталистов опьяняется... Так пролетариат сохраняет рассудительность, тогда как имущие классы теряют всякое самообладание, стремясь к господству над миллионами людей беззащитных народов»[1].

Мы покуда не занимаемся оценкой правильности или неправильности подобной позиции пролетариата: мы хотим только поближе подойти к действительности. С этой точки зрения придется признать, пожалуй, что Бауэр верно наметил *некоторые* черты того влияния, которое империализм оказывает на *некоторые* слои пролетариата крупных капиталистических держав. А из нарисованной им картины следует, что в некоторых слоях пролетариата, несмотря на все их «хладнокровие» и «рассудительность», могут при известных условиях создаваться настроения, весьма легко поддающиеся эксплоатации со стороны активных империалистов. Несомненно, во всяком случае, что наличность по-

[1]) О. Бауэр. „Национальный вопрос и социал-демократия“, СПБ. 1909, стр. 506—508.

добных тенденций создавала великолепную питательную среду для идей рабочего оппортунизма, не раз заигрывавшего с колониально-империалистической идеологией.

В настоящее критическое время идеи этого рода овладели умами многих теоретиков, которые еще так недавно считались верными хранителями марксистского учения.

Вот германский социал-империалист Ленш. Он пытается обосновать тот тезис, что поражение Германии «было бы самым ужасным ударом, который может быть нанесен социализму» (!?). Этот свой тезис он обосновывает тем соображением, что победа Англии снова восстановила бы ее господство в мировой торговле, вернула бы время баснословных барышей английских промышленников, «сделала бы возможным удовлетворение требований английских рабочих и они снова были бы отвлечены от международного социалистического движения, английский пролетариат снова оказался бы заинтересованным в мировом господстве своей буржуазии и из общественного слоя, борющегося с капитализмом, превратился бы, наоборот, в гвардию капитализма»[1]).

Доктор Ленш полагает, что от этой печальной перспективы спасти английских рабочих может только музыка германских пушек.

Какими бы чудовищно-нелепыми ни казались нам выводы Ленша, ясно, что вся его схема построена на признании факта экономической заинтересованности пролетариата в империалистической мощи своей страны. Но в кругу *той же буквально* идеи вращается и мысль Плеханова. Он рассуждает совершенно так же, как и Ленш, применяя ту же схему уже не к английскому, а к германскому пролетариату. «Если Германия победит,—пишет Плеханов,—то она создаст, насчет побежденных народов, исключительно выгодное положение для своей промышленности. Такое исключительное положение, несомненно, принесет известные выгоды германскому пролетариату... Рабочий класс *более или менее смутно догадывается об этом* и храбро дерется «за

[1]) „Die deutsche Socialdemocratie und der Weltkrieg“. Eine politische Studie von Dr. Lencsh. Berlin. 1905. Брошюра реферирована в „Русской Мысли“. 1915 г., VIII.

существование Германии». «Если Германия, — продолжает Плеханов, — победит, и если в карманы немецких рабочих перепадет некоторая часть добычи, то германский социализм будет «пересмотрен» (ревизован) до тла, и германские социал-демократы заговорят таким языком, которого мы до сих пор и не слыхивали» [1]).

Как мы видим, Ленш и его двойник вращаются в кругу той идеи, что рабочие *данной* страны заинтересованы в собственноручном сокрушении империалистической буржуазии *чужой* страны во имя интересов рабочих этой последней. Ленш поддерживает германский империализм, вотирует ему кредиты, развращает сознание германских рабочих, проповедует Burgfrieden и т. д., потому, видите ли, что он весьма озабочен обучением английских рабочих... социализму. Странный метод оказывать услуги социализму! Странный метод толкования интернационализма! Но дело происходит именно так: Ленш и его двойник (Плеханов) с одинаковой энергией проповедуют «социальный мир»... для своих земляков и рекомендуют его нарушение в возможно более решительной форме своим единомышленникам - иноземцам. Картина, достаточно выразительная с точки зрения... впрочем, она выразительна со всякой точки зрения.

Если мы теперь к тем «более жирным крохам», которые выпадают на долю масс с «быстрым ростом капитала», к «трезвому высчитыванию выгод империализма», к стихийному сознанию («смутной догадке» Плеханова) заинтересованности в победе родного империализма—прибавим давление внешней силы государственной машины, влияние на рабочих многоразличных и громко-звучащих фетишей, доставшихся ему в наследство от либерально-демократической идеологии, отраву, вносимую в сознание всей атмосферой буржуазной идеологической культуры, с ее желтой и биржевой прессой, националистической наукой и т. д., наконец, недостаточно развившуюся волю к сопротивлению,—то мы будем иметь уже достаточно материала для суждения о тех силах, которые разложили Интернационал на его составные части.

---

[1]) Г. Плеханов. Еще о войне. „Совр. М.", 1915, кн. VIII, стр. 244—245.

* * *

Читатель, расположенный торопиться с выводами, вероятно, воскликнет здесь: значит, правы были те, кто упрекал деятелей рабочего движения последних десятилетий в утопизме, в том, что они строили свое здание не на действительных тенденциях рабочего движения, а вопреки этим тенденциям. На это мы заметим покуда, что то, о чем мы до сих пор говорили, представляет только *одну из сил*, воздействующих на ход движения. Это сила консервативная, связывающая движение. *Преодолевая* ее и все больше отодвигая ее на задний план, в качестве определяющей силы движения выступают противоборствующие тенденции. Специальные условия,—как, напр., те, которые создали классический английский трэд-юнионизм, или определили специфические черты германского профессионального движения,—могут временно привести к торжеству этих консервативных сил в рабочем движении. Именно на этой почве произрастает чертополох «чистого профессионализма», либеральной рабочей политики, оппортунизма и социал-национализма. Именно эти тенденции во всем их объеме имели в виду Маркс и Энгельс в том знаменитом месте своего манифеста 48 г., в котором они противопоставляли групповым, цеховым, профессиональным интересам отдельных групп рабочих «интересы всего движения в целом» и видели свою и своих единомышленников специфическую задачу именно в отстаивании этих последних. Здесь именно с гениальным чутьем положили они водораздел между своим учением и учением всех других групп, претендующих представлять четвертое сословие. Отдавая себе полный отчет в наличности той золотой цепи, которая способна на время связать *некоторые* интересы *некоторой* части рабочих со стремлением современной промышленности к колониально-империалистическому расширению и временно исказить, таким образом, общий характер движения, Маркс усиленно рекомендовал вскрывать ее призрачность, ее обманчивость, ее относительность... И он опирался при этом на обратную сторону того же самого прогресса, который создает заинтересованность пролетариата в «быстром росте капитала».

«Если,—писал Маркс в той же работе, которую мы выше цитировали,—с быстрым ростом капитала увеличивается до-

ход рабочего, то в то же время увеличивается и общественная пропасть, отделяющая рабочего от капиталиста, увеличивается власть капитала над трудом, зависимость труда от капитала... При быстром росте капитала заработная плата может, пожалуй, увеличиться, но несравненно быстрее увеличивается, во всяком случае, прибыль капиталиста. Материальное положение рабочего улучшается, но улучшается на счет его общественного положения. Пропасть, отделяющая его от капиталиста, расширяется». Эту-то «пропасть» может на момент скрыть от сознания заинтересованных золотая сетка, созданная «быстрым ростом капитала». Тогда на этой сетке могут быть любителями вышиты узоры «социального мира». Но тем грознее развертывается эта пропасть, когда самый ход событий срывает, в конце-концов, эту обманчивую сеть. Мировая война империализма принадлежит именно к таким событиям, которые быстрее всего и решительнее всего способны похоронить иллюзии, созданные предшествовавшей эпохой и даже именно в ней получившие свое полное развитие.

Общественный процесс диалектичен по самому своему существу. Диалектично и учение Маркса. Оно полагает необходимой предпосылкой для осуществления нового общественного строя широкое и полное развитие противоположного ему капиталистического хозяйства. Рост анти-капиталистических тенденций в рабочем классе оно рассматривает, как результат самого же капиталистического накопления. В том же процессе, который создает видимость заинтересованности пролетариата в возрастании капитала, оно видит прогрессирующее расширение и углубление той пропасти, которая отделяет один класс от другого.

* * *

Маркс—основатель научного социализма, превративший последний «из утопии в науку», идейный вождь и вдохновитель всего анти-капиталистического движения XIX и XX в.в. Но Маркс в то же время и величайший «оправдатель» капитализма: для познания и признания капитализма, как неизбежной и могущественной формы развития производительных сил, Маркс сделал больше, чем вся вульгарная буржуазная апологетика, вместе взятая. Как же возможна

подобная, противоречивая на простодушный взгляд, позиция? Она стала возможной и необходимой с того момента, как было вскрыто, что сам процесс развития капитализма вырабатывает силу, способную осуществить противоположный ему социальный строй. Осуществление последнего с этого момента ставилось в зависимость не от стихийного хода вещей, а от возрастающей способности производителей активно овладеть этим процессом, от классовой активности.

Это учение об активности было той солью, которой солоно все учение. Стоило вырвать или хотя бы на время устранить этот элемент из своего горизонта—и все учение извращалось, вперед выступало фаталистическое представление об автоматическом ходе развития общественных отношений, представление об автоматическом развитии к идеалу, о врастании в будущее на путях частичных уступок и мелких схваток, во время которых нет нужды апеллировать к «конечным целям», как к практической задаче.

Различные исторические эпохи накладывали свой отпечаток на понимание и формы приложения общепризнанной, казалось бы, теории. Поколение, воспитавшееся на традициях великой борьбы народов конца XVIII и начала XI в.в., возмужавшее и созревшее в историческую эпоху, начавшуюся 48-ым г. и законченную парижской коммуной, всегда и постоянно выдвигало вперед активную сторону учения. Его эпоха была эпохой кризисов и потрясений по преимуществу. 48-ой год во Франции, Германии и Австрии, чартизм в Англии, борьба Венгрии и Польши, восстания и объединение Италии, объединение Германии, войны 53—54, 59, 66, 70—71 г.г.,—все это сконцентрировалось на промежутке четверти столетия и не могло дать почвы для развития пассивизма в теории и поссибилизма в тактике. Эпоха внутренних и внешних потрясений, войн и возмущений, в которых решались основные вопросы национально-политического устройства Европы и Америки, напитала своим активным духом всю идеологию движения. Но бурная эпоха отошла в прошлое, и учение, созданное в ее атмосфере, стало искажаться, вульгаризироваться и оскопляться применительно к новой эпохе, точнее, к тем чертам ее,

которые обеспечили ей 40-летнее «мирное» выжимание прибавочной стоимости.

Это была эпоха широкого развития капитализма на почве установившегося распределения общественных сил внутри государства и закрепленного распределения территорий между ними. Основы буржуазного правопорядка были незыблемо установлены во всех капиталистически-развитых странах. Двусторонний процесс борьбы буржуазии за независимость национальной торритории и за свое социальное господство над ней,—борьбы, создавшей лихорадочную эпоху 1848—1871 г.г.,—закончился и в дальнейшем разменялся на ряд *сделок* между различными группами владеющих классов. Те остатки феодализма, которые буржуазия в свои юные годы подвергла решительной теоретической—реже, столь же решительной практической,—критике, теперь были признаны ею, как необходимые элементы ее господства.

Более того. Поскольку в свои права вступала империалистическая эпоха, поскольку буржуазия, устроившись на национальном рынке, открыла эру борьбы за колонии, поскольку «вооруженный мир» стал неизбежной формой существования национально-капиталистических государств и их соревнования на мировой арене,—постольку остатки феодализма в глазах буржуазии вновь получили ореол необходимых руководителей национальной жизни и охранителей ее внешнего могущества. В этой атмосфере не оставалось места для решительной постановки какой бы то ни было политической проблемы. Борьба за власть была снята с очереди дня и в течение почти полустолетия не играла никакой реальной роли в политической жизни Европы.

Эта общая атмосфера «органической» эпохи должна была наложить свой отпечаток и на рабочее движение. Практически и идеологически оно двигалось в рамках отведенной ему легальности. Тогда именно появились навязанные Энгельсу верхами германской социал-демократии соображения о «красных щеках, нагуливаемых движением в рамках законности». Та *практика*, в которой реально воспитывались миллионы членов партий, союзов и кооперативов, была практикой борьбы за отдельные, частичные уступки от господствующих и реально не выводила эти миллионы

за пределы работы в рамках данной нации—государства. Меньше всего настроение и практика определялись проблемами борьбы за власть, т.-е. той задачей, которая единственно и преобразует разрозненные попытки улучшения своего положения в систематическую борьбу за конечные цели.

Тут кстати будет привести характеристику настроений, господствовавших в германской партии, сделанную в брошюре ее членов Лауфенберга и Вольфгейма (Imperialismus und Demokratie. Hamburg. 1914)[1]. «Тот факт, что германская социал-демократия постоянно усиливала свое влияние, что ей удалось провести некоторые реформы, что колоссально возросло число подаваемых за нее голосов,—все это породило веру, будто социал-демократия вростает в государство будущего... Тесно связанным с этим взглядом было представление о том, будто парламенты сами усиливают свою власть за счет внепарламентских властей... и что поэтому национальное государство есть последнее слово социализма»... Социал-демократия вростала в государство, о да! но не в «государство будущего», а только в современное государство, и голосованием 4-го августа 1914 года показала, как далеко зашло это вростание, добавим мы от себя. В приведенной характеристике интересна не только общая картина, но и мимоходом брошенное замечание о том естественном процессе, который ведет от общего оппортунизма к национализму.

Всего яснее можно было наблюдать этот процесс в Германии, т.-е. там именно, где социал-демократия и вообще была всего сильнее. Именно в этом искаженном, вульгаризированном и уродливо-обрубленном виде учение Маркса преподносилось там в больших дозах рабочим массам. Оно становилось для них не противоядием, а идейным оправданием отступлений от духа классовой борьбы; вместо орудия выделения общих элементов «всего движения в целом из груды противоречивых временных, профессиональных, национальных, групповых интересов», получился метод оправдания господства этих цеховых интересов над интересами общими. Искаженный марксизм,—на деле взявший из Маркса

---

[1]) Цитата взята из корреспонденции Энэиса, С. М. VI, стр. 103.

лишь то, что берет у него и всякий просвещенный профессор, в роде Зомбарта,—стал теорией, *поддакивающей* сначала буржуазной науке, а затем и высшему органу современной буржуазной практики—империалистическому государству. Германские Легины, Давиды и Шейдеманы—живая тому иллюстрация. Что эти господа и им подобные пришли прямым путем к открытой измене «старым принципам», было естественно, и это было бы еще с полбеды.

Хуже было то, что и те, кто не хотел «ревизовать», под могущественным влиянием эпохи превратили свою доктрину в теорию «пассивного радикализма», по прекрасному выражению Панекука, в радикализм, выжидавший радикальных событий, пророчивший их, но прекрасно уживавшийся с оппортунистической практикой. Эта часть идеологов дополняла ограниченность данных форм движения лишь одним: предсказаниями о наступлении в будущем *новой* эпохи,—эпохи критического разрешения накопленных противоречий. Оппортунизм видел в поссибилистской практике текущего дня «все», радикализм—в той же поссибилистской практике видел еще и «накопление сил» для будущей... бурной эпохи.

При этих условиях «пассивный радикализм» оказывался не только довольно невинной привеской к той практике, которая по существу была поссибилистской, но и становился силой консервативной, скорее охранявшей старое, чем открывавшей дорогу новым, более активным приемам, требовавшимся характером новой эпохи. Если в германской генеральной комиссии профессиональных союзов, в редакциях оппортунистических газет и среди ревизионистского большинства фракции германского рейхстага был подготовлен штаб идеологов и практиков социал-империализма, то и быстрая капитуляция перед ним Каутских, Гаазе и др. была подготовлена всей позицией «пассивного радикализма». В день 4 августа 1914 г. Каутского раздавила не аргументация Давидов, Бернштейнов и Легинов, а тот фетишизм легальности, та неспособность к решительным действиям, та боязнь растраты «накопленных сил», та неприспособленность к активным массовым действиям, в которых воспитала массы вся предшествующая практика как Легинов, так и Гаазе.

Правда, Каутский, защищая свою тактику в споре с новаторами, Розой Люксембург, Панекуком и др., еще за 2—3 года до войны всегда прибавлял, что тактика будет изменена в момент «кризиса», но когда кризис пришел, прошлое партии, ее навыки, ее психология оказались сильнее обещания Каутского изменить их.

Пассивный радикализм капитулировал как раз тогда, когда он должен был показать себя активным. Иначе и не могло быть. Радикализм Каутского, не вычеркивая «конечной цели», как это делал Бернштейн, всегда и постоянно выводил ее за пределы практической политики текущего исторического дня. Она была для него идеологической схемой, но никогда регулирующим моментом практической политики. Именно поэтому всего нетерпимее за последние годы относился Каутский к той группе германской партии, идейная работа которой в существе своем сводилась к указанию нарастающих элементов гражданской войны, к обсуждению ее проблем и к попыткам немедленно же освоить германский пролетариат с этими проблемами и вытекающими из нового положения тактическими приемами. (Панекук, Люксембург, Либкнехт, редакция Бременской газеты и т. д.).

В эпоху 1871—905 г.г. пассивный радикализм Каутских (и его соратников, Плехановых и др.) выполнил великую работу: в своей борьбе с оппортунизмом он спас марксизм от окончательного опошления; в будничную и необходимую работу собирания и сплочения сил, угрожавших разбиться на десятки групп и частных интересов, он внес идею «цели», в качестве объединяющей и регулирующей идеи; он совершил крупную просветительную работу. Но—сам продукт эпохи органического, мирного развития, позабывшей, казалось, о крупных потрясениях и решительных сдвигах во вне и внутри сложившихся капиталистических государств—он не заметил, как подошла новая эпоха со своими новыми отношениями и новыми требованиями. Он, в лице главного органа марксистской теоретической мысли, немецкого журнала «Neue Zeit», решительно ополчился против тех, кто в преддверии новой эпохи требовал и новой тактики. Здесь именно лежал водораздел между двумя эпохами, и в публицистике критиков пассивного радикализма можно было уже

до войны вычитать предчувствие эры грозных внутренних и внешних катастроф.

* * *

Новая эпоха открывается русско-японской войной. И до нее англо-бурская и испано-американская войны, англо-франко-германские споры об Африке, китайская экспедиция всего европейского концерта в целом знаменовали начало конца «органической» эпохи. Но только после 1904—05 г.г. критический, катастрофический характер надвигающейся эпохи стал совершенно ясен.

1905 год оказал непосредственное влияние в трех направлениях. Он был прелюдией демократического пробуждения всего Востока, устремившегося по пути создания национальных, современного типа государств; этим путем Восток рассчитывал освободиться от положения вассала европейского капитала и тем—объективно—содействовал обострению аппетитов последнего.

1905 год обострил отношения между Германией и Англией: именно в этом году идея англо-русского союза, как оплота против усилившегося в благоприятной обстановке дальне-восточных событий положения Германии, сделала такие успехи, которых она не могла добиться за ряд предшествовавших десятилетий.

Наконец, только после 1905 г. германская социал-демократия *впервые* за все время своего существования смогла поставить на очередь дня вопрос о новых методах борьбы, о массовой стачке (конгресс 1906 г., работы Р. Люксембург, Роланд-Гольст и т. д.) и тем дать объективный показатель обострения всех отношений.

Русско-японская война и ее последствия (1904—1906), затем революция в Турции, революция в Персии, революция в Китае, т. н. агадирский инцидент, едва не приведший тогда же к войне Германии с Францией, аннексия Боснии и Герцеговины, итальяно-турецкая война, балканские войны—наполнили десятилетие 1904—1914 г.г., подняли, раздули, разожгли и обострили все вопросы, мирно тлевшие под пеплом в течение предшествовавших десятилетий.

Для Европы все эти процессы протекали на фоне столь же резко обострившейся внутренней, социальной борьбы.

Повышенное настроение низов за десятилетие, предшествовавшее войне и проявившееся в таких знаменательных формах, как движение горнорабочих, докеров, железнодорожников и т. д. в Англии и Франции, как моабитские события в Германии,—составляли характернейшее явление того времени. В то же время на низшие классы населения свинцовой тяжестью ложится все растущая дороговизна,—прямой результат практики трестированной и картелированной промышленности (трест есть продукт XX века!), экспорта европейских капиталов в заокеанские и вообще колониальные области (опять-таки характернейшая черта первых десятилетий XX в.!) и усиленных вооружений, связанных с лихорадочными настроениями в международной политике. Степень истощения платежных сил населения уже тогда достигала такого уровня, что заставляла правительства в поисках новых финансовых источников обращаться за ними к более зажиточным группам и создавать такие социальные эксперименты, как единовременный миллиардный налог на доходы в Германии (известный закон 1913 г.) и такие социальные конфликты, как борьба либерального кабинета Асквита и Ллойд-Джорджа, с палатой лордов в Англии.

Войны, ведщиеся еще покуда на периферии капиталистического, европейского мира, но поднимавщие все противоречия, жившие внутри него, бешеное соревнование национальных капиталов, которые достигли высокой степени централизации и для которых явно становились слишком узкими рамки, данные государственными границами, рост на этой почве империализма наверху и обострение недовольства внизу,—все это вновь ставило на очередь давно отодвинутые на задний план коренные политические вопросы.

Мы упомянули уже борьбу с социальной властью палаты лордов. Только теперь вновь призывается к жизни вопрос ирландский, забытый, казалось, со времен Гладстона и Парнелля. В Германии мирно влачивщий в течение 50 лет свое существование вопрос об избирательной реформе в цитадели юнкерства, Пруссии, выносится на улицы. Во Франции борьба ведется вокруг вопроса о сроке службы и поднимается до степени общего вопроса о социальной политике республики. На самом западе Европы, в Португалии, падает

власть клерикалов и дворянства, непосредственно переходя в руки республиканцев. В Бельгии, Дании, Швеции социалисты получают приглашение вступить в министерства, и во всех странах без исключения наблюдается невиданно-быстрый рост подаваемых за них голосов и повышение их активной роли в парламентах, в печати, вообще во всей жизни государств. А в то же время происходит под непосредственным влиянием торжествующих империалистических начал консолидация господствующих классов, слияние их в единый стан. На почве реального сплочения вокруг организованной промышленности и финансового капитала и реальной зависимости от него всех буржуазных элементов, господствующие группы и классы теряют последние остатки «вольнолюбия», входят в союз с остатками феодализма, создают культ сильной власти, идеологию открытого насилия и неограниченного господства. Обратная сторона процесса «быстрого роста капитала», та сторона, которую Маркс называл «расширением социальной пропасти», явно берет верх над его лицевой стороной, тем относительным ростом материального обеспечения, который спорадически мог на первых стадиях иметь место для некоторых отдельных групп трудящихся.

Современная война, несмотря на всю свою грандиозность, с точки зрения тенденций империалистического капитала является только эпизодом среди бывших и будущих столкновений, создаваемых ходом развития последнего. Она создана империализмом и столкновение империалистических интересов национально-организованных капиталов составляет ее содержание. Она поэтому призвана отнюдь не остановить процесс развертывания империализма, со всеми присущими ему противоречиями. Наоборот. Она послужит,— как бы она ни кончилась,—энергичнейшим толчком к дальнейшему, еще более интенсивному, еще более бурному его развертыванию.

Германия уже теперь позволяет судить о том, что это значит. Ее жизнь уже сейчас служит примером того, что торжествующий империализм должен явиться ареной самых широких, самых резких социальных конфликтов, что он неминуемо приводит к этим конфликтам и что содержанием их должно стать не что иное, как попытка решить основные

вопросы современной социально-хозяйственной жизни. А формы решения подобных вопросов далеко выходят за пределы того фетишизма легальности, парламентаризма и т. п., о котором мы говорили, как о характерной черте предшествовавшей эпохи....

Социальные проблемы, обострившиеся еще до кризиса воинствующим империализмом, не только не могут быть устранены, но, наоборот, в созданном им и естественно выросшем из него мировом столкновении должны приобрести невиданную до сих пор жгучесть и принять грозно настоятельный характер. Такая крупная индустриальная страна, как Германия, на другой день после мирового столкновения вынуждена будет считаться с грандиозной растратой накопленного труда, с крупнейшими потерями в наличных рабочих силах и, следовательно, с необходимостью реорганизовать все свое хозяйство на таких началах, которые гарантировали бы наиболее планомерную и производительную работу всего организма. Общественный характер производства, монополизированного отчасти синдикатами, а отчасти союзом синдикатов с государственной казной, и частный характер присвоения должны будут в своем противоречии выступить вперед с особой остротой. Осуществление государственно-хозяйственных задач, которыми германские руководящие группы принуждены уже заниматься во время войны и с особенной энергией будут принуждены заняться после нее,—осуществление этих задач государственной организации хозяйственной жизни под ферулой финансового капитала не может привести ни к чему иному, как к глубочайшему кризису. Содержанием его должно стать стремление самих производителей взять в свои руки руководство производством, уже подготовленным к общественному контролю.

Процесс должен будет протекать усиленным темпом под высоким давлением того пресса, который создан грандиозным ростом государственного долга и, следовательно, соответствующим ростом налогов. Высчитано, что оплата уже заключенных Германией займов вызовет удвоение налогов. К концу войны рабочему придется половину своего заработка отдавать в форме налога—в руки кредиторов государства.

В ту же сторону будет действовать и дороговизна, которой не сможет победить никакая монополия и которая должна будет расти, как неизбежный результат деятельности окрепщих в атмосфере войны трестов и вообще целого ряда глубоких пертурбаций в ходе мирового хозяйства.

Те, кто на основании 2—3 десятков лет мирного развития проповедовали «притупление противоречий», должны будут с ужасом и недоумением остановиться перед широтой разверзщейся пропасти. Нужно только сказать, что и их противники, поскольку и они в своих возражениях оперировали опытом и нормами доимпериалистической эпохи, не могли представить действительных размеров этой пропасти. Эта пропасть пожрет и те «более жирные крохи» материального улучщения, которые определяли оппортунистическую идеологию и психологию, и те «смутные догадки» об обогащении от империализма, которые могли привязать некоторые слои рабочих к колеснице последнего.

Чудовище империализма, пожирающее сотни тысяч жертв, есть законное детище тех социальных отнощений, которые еще А. И. Герцен назвал «антропофагией». Систематическая, изо дня в день практиковавщаяся «мирная» антропофагия привела, в конце-концов, к антропофагии в грандиозном масщтабе. Это как нельзя более естественно. Плакаться над последствиями, не прикасаясь к причинам, значит издеваться и над логикой и над теми, кто более всего страдает под властью этой железной логики фактов.

Мечта об уничтожении империалистических тенденций при сохранении всех условий «мирной» антропофагии,—это, в лучщем случае, именно мечта, невинное благопожелание невинных в познании современной жизни дущ, чаще же своекорыстно эксплоатируемая реакционная утопия.

Человечеству нет дороги *назад*, к замкнутому национальному производству, к национальным раковинам, к провинциальной ограниченности былых эпох, к выросщей в этой атмосфере либеральной и либерально-национальной идеологии.

Историческая задача последней, империалистической стадии капитализма именно в том, что она—противоречивым бесжалостно-насильническим образом—открывает путь к преодолению духа исключительности, замкнутости, что

она создает арену борьбы в мировом масштабе и придает ей мировой размах, втягивая в процесс движения новые миллионные массы,—в том, что она в решительной форме выдвигает коренные вопросы человеческого общежития и мобилизует для их решения соответствующие силы.

Действительная борьба против империализма возможна только с точки зрения более высокого социального идеала, на им же созданной *мировой* арене, на уровне *его* методов и поставленных им задач. Только это и может быть противопоставлено империализму, а не отжившая либерально-демократическая идеология самодовлеющей провинциальности и национального индивидуализма. Ею в продолжение двух последних столетий питались народы Европы, но ныне ходом событий она превращена в жвачку беззубых и бессильных старцев либерализма и пацифизма quand même. В большинстве же случаев эта идеология является ныне просто средством систематического обмана масс представителями воинствующего империализма. Дело не меняется от того, что эта идеология, претворенная в «простые законы права и нравственности», служит для некоторых «марксистов» методом перехода на новые позиции социал-шовинизма. Логика обязывает и превращает людей, раз ставших на эту почву, в деятельных пособников старых сил старого мира.

Интернационал погиб потому, что по своей психологии, по методу работы он оказался ниже уровня событий. В общем и целом,—а в общем и целом его идейно-политическое лицо определялось господством в нем центра германской социал-демократии,—он жил в кругу практики, созданной предшествовавшей эпохой, только начинал еще осваиваться с новой обстановкой, когда развитие имманентных сил современного общества потребовало в самой решительной форме ответов на новые вопросы. Новое и жизнеспособное можно строить не на его искусственном оживлении, не на компромиссах, а на учете нового опыта, на почве новых стремлений новой эпохи мирового развития.

1916 г.
Енисейская губ.

ИМПЕРИАЛИЗМ и ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА.

Брошюра, предлагаемая читателю, написана незадолго до русской революции. Она переиздается теперь, ибо русская революция не только не устранила поставленных в этой брошюре вопросов, но лишь обострила их. Больше, чем когда-либо, требуется, чтобы у русских пролетарских масс был точный и ясный ответ на вопросы, поставленные войной перед соседними с Россией странами или нациями, входящими в ее состав. Еще на-днях Временное Правительство сообщило о предполагающейся конференции «союзных» дипломатов по поводу балканских дел. Как понимают балканские дела «союзные» дипломаты и балканские правительства, это они недавно демонстрировали своим набегом на Грецию, аннексией Албании, расстрелом румынских социалистов и сербских офицеров, не понравившихся сербскому королевичу Александру. Даже перед лицом этих фактов Временное Правительство России не нашло у себя достаточно энергии, чтобы повести себя достойно тех революционных масс, которые оно призвано представлять перед лицом международного союза палачей и грабителей. Это понятно: Временное Правительство связано и опутано с ног до головы интересами «союзного» и русского империализма. И его протест против аннексии Албании и насилия над волей греческого народа не может не звучать двусмысленно в тот момент, когда оно само ведет политику, недостойную революции, в отношении к Украйне и Финляндии.

Пролетариат России должен иметь свой ответ на эти вопросы и противопоставить этот ответ внешней политике правительства. Поскольку дело идет о Балканах, Польше, Украйне и Финляндии, этот ответ может быть только один: полное самоопределение наций не на словах, а на деле. Везде и всюду полная и безоговорочная поддержка пролетарско-кре-

стьянского движения против помещиков, буржуазии и тронов, будь то трон болгарского короля или сербского королевича-палача, династии греческого Константина или румынского Карла—везде и всегда балканская федеративная республика.

Можно быть уверенными, что перед лицом «союзников» эти лозунги застрянут в горле наших министров-«социалистов». Но тем громче они должны раздаваться из уст революционных масс России. Эти массы сами должны стать активными руководителями внешней политики страны, должны энергично и со всем свойственным революции энтузиазмом противопоставить свой призыв к революционной борьбе с монархами и империалистской буржуазией дипломатической игре и интриге капиталистических правительств.

Обоснованию указанных выше лозунгов и посвящена наша брошюра, которую мы печатаем почти без всяких изменений сравнительно с первоначальным текстом, чтобы показать, что перед лицом новой России нам, интернационалистам, приходится отстаивать и защищать те же идеи внешней политики, которые мы защищали, когда Россией правил царизм.

Нам не пришлось изменять ни нашего отношения к войне, ни наших лозунгов.

25. IV. 1917 г.

* * *

Сущность современных событий—в столкновении империалистических интересов крупных капиталистических держав. Ось этого столкновения проходит через Берлин и Лондон. Было бы, однако, неправильным упускать из виду, или не принимать в расчет, что основной конфликт осложняется целым рядом привходящих элементов.

«Тот факт, что империализм захватил в свой круговорот все мировое хозяйство, должен был привести к тому, что в разрубании завязанного империализмом узла должен принять участие весь мир... Тем самым должны были быть вскрыты и приведены в движение все национальные, политические, религиозные и др. противоречия, которые тлели и накоплялись в исторически-созданных государственных границах»[1]). Через полтора года после того, как написаны были эти строки, можно смело утверждать, что они ничуть не преувеличивали действительности. Эти полтора года принесли не только расширение количества непосредственно втянутых в конфликт стран (Италия, Болгария, Румыния, Греция), но и обнаружили, какое колоссальное значение имеет основной конфликт, как для отдельных областей с особым национальным, религиозным или политическим укладом (Египет, Индия, Ирландия, Польша, Средняя Азия), так и для стран, находящихся непосредственно вне конфликта (Китай, Персия, С.-А. Соединеные Штаты и т. д.).

Конфликт империалистических интересов крупных капиталистических держав Европы застал различные государства и области мира на разных ступенях их хозяйственного развития и национального самоопределения, в самых различных

---

1) Цитаты из вышеперепечатанного очерка „Эк. система империализма“. См. стр. 86.

комбинациях их зависимости от крупных европейских держав. В соответствии с этим, для каждой из втянутых в события областей они рисуются в своеобразном освещении и служат поводом для самых различных надежд и ожиданий. Но, кроме субъективных ожиданий сильнейших хозяйственных групп каждой области, предъявляемых ими к текущим событиям, можно утверждать, что существуют у каждой области некие объективные задачи, которые должны получить свое разрешение в ходе мировых событий. С точки зрения своеобразия этих именно объективных задач, подлежат выделению в первую голову те области, которые оказались втянутыми в круговорот событий, не изжив еще окончательно докапиталистических стадий хозяйственного развития. Сюда прежде всего относятся колониальные внеевропейские страны. Но в этой статье мы ограничимся только соответствующими областями Европы.

Территория, на которой империалистические мотивы самым причудливым образом сплетаются со стремлениями, порожденными незавершенностью демократических движений к созданию национально-государственных объединений, может быть приблизительно обозначена треугольником, вершина которого лежала бы у Кенигсберга, а стороны спускались к устью Днестра и к Триесту. Эта полоса земли обнимает, таким образом, кроме частей России с польским и украинским населением, славянские области Австро-Венгрии и балканские государства. Взглянув на политическую и этнографическую карту этой части Европы, мы уже сразу заметим поразительное, нигде в других частях Европы уже не встречаемое несоответствие между политическими и национальными границами. Дробность государственных объединений и причудливое размежевание между ними различных наций напоминают больше всего карту Европы в средние века. Это и в действительности есть пережиток средневековья, результат и показатель незавершенности даже первых стадий капиталистического развития. То стремление к созданию национального государства, которое, по справедливому мнению Каутского, порождается в буржуазии интересами господства над внутренним рынком, во всех тех областях, о которых сейчас идет речь, далеко не достигло своего воплощения, когда эти

области оказались втянутыми в круг интересов европейского финансового капитала.

Многочисленные славянские племена, составляющие основное население указанной области, частью совершенно утратили свою былую самостоятельность (поляки, чехи и т. д.), частью сумели создать в новейшее время зачатки национально-государственного объединения. Но ни одно из населяющих эту область племен не успело достигнуть действительного национального объединения в своих собственных или хотя бы в чужих государственных границах.

75-миллионное население области разделено между десятью государствами, а внутри последних обрывки различных племен подчинены самым разнообразным режимам—от галицийской автономии до мадьярских и иных ежовых рукавиц. Поляки живут в трех соседних государствах, малороссы—в трех, болгары—в пяти, сербы—в пяти, румыны—в трех, македонцы—в трех, албанцы—в четырех и т. д. Любая государственная и областная граница на этой территории неизбежно рассекает на части народные массы, связанные языком, бытом и экономическими интересами и явно служит тормазом развития материальной и духовной культуры всего края.

Ни одно племя не достигло здесь государственного объединения в своих естественных этнографических границах, и любое государственное объединение включает в свои границы племена, имеющие свой естественный центр притяжения «за рубежом». Последним образчиком дипломатического искусства, искони кромсавшего балканские народы безо всякого внимания к их желаниям и интересам, надо считать Бухарестский мир 1913 г., отдавший болгар румынам, грекам и сербам, греков—албанцам, албанцев—сербам, а македонцев поделивший между всеми другими.

Эта национально-государственная чересполосица, питающая национальную ненависть, ослабляющая каждое государство в отдельности и подрывающая развитие производительных сил всего края в совокупности, дополняется на юго-востоке Европы еще одной чертой, грозящей окончательно затормозить возможность самостоятельного хозяйственного развития всей этой области. Дело в том, что, несмотря на всевозможные перекройки политической карты

Балкан и прилегающих областей,—ни одна из последних не достигла, да и не могла и не может при данных условиях достичь того господства над необходимыми ей торговыми путями, которое с точки зрения капиталистического хозяйства, является совершенно необходимым условием государственной самостоятельности.

Сербия—Албанией, Грецией и славянскими областями Австро-Венгрии отгорожена от выходов к морю. Македония лишена своего естественного порта—Салоник. Железнодорожная линия, соединяющая Болгарию с ее собственными портами на Эгейском море, проходит своими средними участками по турецким владениям. Выход в Средиземное море из славянских земель Австрии, из Албании и Черногории заперт господством Италии над Отрантским проливом. Одним словом, и здесь перед нами то же средневековье, когда товарный обмен в своем развитии должен был преодолевать десятки таможенных застав, считаться с самыми различными системами управления, права, юрисдикции и т. д. Это средневековье стоит сильнейшим препятствием на пути развития производительных сил края и полезно отнюдь не народным массам, а только иностранному империалистическому капиталу, который эксплоатирует отсталость страны и утверждает свое господство, пользуясь призрачной самостоятельностью и реальной борьбой бессильных и лишенных возможности самостоятельного развития мелких государств.

Другой характерной чертой этой области Европы служит строение ее земледельческого хозяйства. Прежде всего все это страны аграрные. Не менее 90% населения этой области заняты земледелием. Но для нас сейчас самое важное это характер землевладения. К сожалению, у нас нет точных данных для Румынии. Такие данные имеются, однако, для Венгрии с Хорватией и Славонией, а также для некоторых областей Австрии и для Галиции. На этих данных мы остановимся несколько подробнее, ибо мы не встречали в русской литературе о современных событиях указаний на эти, очень характерные цифры и потому, во-вторых, что следует же нам знать, в чем состоит действительная социальная проблема этих стран, проблема, о которой всего меньше говорят.

Вот, что пишет г. И. Левин, составивший новейший «Статистический обзор Венгрии». «Венгрия страна латифундий. До трети всей культурной земли принадлежит 2000 магнатов, из которых каждый имеет в среднем 3500 десятин, и это не считая чистопастбищных и лесных угодий... С другой стороны, на ряду с миллионом крестьян-хозяев, владеющих в среднем 10 дес. на двор, мы находим в Венгрии 13.358.000 совершенно мелких собственников, имеющих не более 2½ десятин на двор, и потому неизбежно являющихся батраками, экономически прикрепленными к своему усадебному участку... Зиждется крупное землевладение в Венгрии на системе неотчуждаемости и неделимости имений-фидеикомиссов. Некоторые фидеикомиссы достигают колоссальных размеров: 210.000 десятин, 120.000, 90.000, 50.000, и т. д.» Для иллюстрации сказанного достаточно будет следующей пары цифр. По переписи 1895 г. в Венгрии с Хорватией и Славонией 1.350 тысяч крестьян владело 1.345.000 десятин земли, а 2.000 помещиков 6.820.000. Немудрено, что выше упомянутый автор полагает, что «Венгрию следует признать страной резких контрастов в области землевладения».

Не иначе обстоит дело и в Австрии, главным образом, в славянских областях ее. В 9 обследованных в земельном отношении областях Австрии 1,750,000 крестьян владеют 1,500,000 десятин, а 5,250 помещиков 2.900.000. Из числа последних в руках 500 человек сосредоточено около трети всей земли. «Австрия,—пишет С. Блеклов,—является страной контрастов в области землевладения, страной многочисленных карликовых владений и небольшого числа очень крупных латифундий... Латифундии особенно велики в Богемии, Силезии, Моравии, где отдельным магнатам принадлежит по 200,175 и 100 тысяч десятин земли... В Галиции 3,4 миллионов десятин (46%) всей площади) принадлежат крупному землевладению, при чем в руках 45 владельцев сосредоточено около 700.000 десятин[1]).

---

[1]) Нельзя не указать, что аналогичные черты землевладения мы можем наблюдать и в пограничных губерниях юго-восточной России, как о том свидетельствуют следующие данные (по Статист. Ежегод. на 1913 г., изд. Совета С'ездов Пром. и Торговли). В трех губерниях: Бессарабской, Волынской и Подольской общее количество обрабатываемой земли распределялось между дворянским и крестьянским (надельным) землевладением

Что касается центральной области Балкан-Македонии,— то до последней Балканской войны 1912—1913 г.г. «почти вся земля принадлежала крупным землевладельцам, а крестьяне, не имея возможности вести хозяйство на своих карликовых участках, либо арендовали ее у крупных землевладельцев, либо обрабатывали исполу, и, кроме налогов в пользу государства, должны были отдавать землевладельцу треть, половину урожая, а то и больше, или же отбывали на их полях барщину, иногда равнявшуюся пяти дням в неделю. По большей части они находились у хозяина в неоплатном долгу, с трудом уплачивали ему ростовщические проценты и до полной уплаты долга не могли перейти к другому хозяину»[1]). В этом отношении ничего не изменилось и после раздела Македонии между Сербией и Грецией. Аграрная реформа ни там, ни здесь не была проведена, и кабальные, крепостнические отношения продолжали господствовать в полной мере.

Таким образом, политическое средневековье, находящее себе выражение в национально-государственной раздробленности данной области, естественно дополняется средневековьем хозяйственным.

Вся эта область была поэтому за все последние десятилетия не только ареной острых национальных конфликтов, национальных возмущений и национальных войн, но и ареной постоянных столкновений на почве чисто-аграрных отношений, естественно осложняющихся тем, что здесь сплошь и рядом дворянство и крестьянство принадлежат к разным религиям и разным нациям. Венгрия и Румыния являются постоянными очагами широкого движения против земельных магнатов, незадолго до начала войны принявшего и тут, и там форму острого социального конфликта и массового рево-

---

таким образом, что на 6.500 дворянских владений приходилось 4.200.000 десятин, а 6.000.000 десятин находилось во владении 1.000.000 крестьянских дворов. Среднее количество десятин на крестьянский двор не превышало 6 дес., и в то же время на несколько десятков латифундий приходилось около 1.000.000 десятин. Родственность социальной структуры землевладения этих губерний с землевладением областей, рассмотренных в тексте, не оставляет сомнений и заставляет признать их областями одного и того же хозяйственного типа.

[1]) В. Водовозов. На Балканах. СПБ. 1917 г. Стр. 31—32.

люционного движения. Галиция—страна хронической борьбы украинского крестьянства с польским дворянством. Что касается средней части Балканского полуострова,—Македонии,—то тут борьба крестьянской демократией за землю за последние годы находила себе исход во вне, в вооруженной борьбе за землю, находившуюся еще недавно в руках Турции и помещиков-турок. Наконец, уже в разгаре современных событий отрывочные сведения газет приносят вести о крестьянском движении в Эпире, в Фессалии и т. д., облегченном, но отнюдь не порожденном воцарившимся в Греции многовластием.

Аграрного вопроса в сейчас указанной форме не существует, правда, в Болгарии и Сербии. Обе они представляют собой страны мелкого крестьянского землевладения и в их социальной жизни главнейшая роль принадлежит не конфликтам на почве крестьянского малоземелья, а вопросу о рынках для продуктов крестьянского хозяйства. Искание выхода к морю для своих сельско-хозяйственных продуктов и облегчение снабжения населения продуктами европейской фабрично-заводской промышленности было главным стимулом политики Болгарии и, в особенности, Сербии. Лишенные выходов к широким торговым путям современности, эти страны искусственно удерживались на низкой ступени, как земледельческого, так и промышленного развития.

В полном соответствии с подобной социально-политической обстановкой находится и характер господствующих политических групп. Несмотря на все разнообразие формального государственного законодательства—Польши, Венгрии, Болгарии и т. д.,—фактическое господство принадлежит во всей этой области земельным магнатам, делящим свою власть и доходы с хищнической буржуазией эпохи первоначального накопления. Хозяйничание этих групп имеет здесь тем более жестокий и паразитический характер, что сами они являются агентами государственных кредиторов, т.-е. международных банкиров, держащих под своим контролем всю хозяйственную жизнь этих стран. Отсталость хозяйственного развития, раздробленность сил, поддерживаемая постоянным конфликтом интересов националистических верхов и безысходная задолженность делают «независимые» государства этой области игрушкой в руках круп-

ных держав, а их правителей—орудием интересов последних. История династий нигде не исполнена таких неожиданностей и нигде мы не найдем такого несоответствия между происхождением династии и составом населения (пример—Болгария, Греция, Сербия, и т. д.), как здесь. Те же интересы, которые заставляют ту или другую державу поддерживать определенную личность во главе этих мелких государств—и те обстоятельства, которые делают это возможным,—заставляют их всякий раз, как возникает вопрос о создании нового государства, выдвигать совершенно неожиданных кандидатов. Так было незадолго до войны, когда по предложению Германии предполагалось наградить «независимую» Албанию немецким принцем Видом. Так происходит и теперь, когда делается попытка увенчать «свободную» Польшу каким-либо другим немецким принцем. В этих многочисленных принцах Видах, королевичах и королях Александрах, Фердинандах, Петрах и т. д., и в их министрах ищут прежде всего закрепления фактической зависимости данной области от той или иной крупной державы, и, конечно, находят выполнителей своей воли и охранителей интересов данной империалистической группы[1]).

Такова социально-политическая обстановка той обширной области, которая и ныне играет роль наковальни для империалистического молота. Совершенно ясно, что говорить об империализме мелких балканских государств в том смысле, в каком этот термин применяется к политике крупно-капиталистических держав можно лишь с большой дозой натяжки. Завоевательная политика и захватные поползновения балканских государств порождены не тем высоко-развитым капитализмом, который направляет политику крупных держав, и стремятся к цели гораздо более узкой, чем создание «мировых империй». Эта политика почерпает свои стимулы в потребностях капитализма, находящегося еще в пеленках, и соответственно—притязает лишь на цели местного значения. Здесь именно общий стиль империалистической эпохи осложняется явлениями совершенно другого

---

[1]) Последние события в Греции, когда жерла англо-французских пушек подарили Греции нового короля, вновь подтвердили сказанное в тексте.

исторического периода. Для каждого из балканских государств завоевательная политика в свое время казалась способом разрешить вооруженной рукой те противоречия национально-государственной чересполосицы и экономической зависимости, которые действительно, задерживали и задерживают развитие всего этого края. Наличность этих противоречий, вся та картина, которая выяснена нами выше, внушала руководящим группам каждой национальности и каждого государства ту соблазнительную мысль, что именно ей удастся вырвать Балканы из бездорожья раздробленности и отсталости и призвать их к новой, широкой дороге экономического наступления, если... если ей вооруженной рукой удастся установить на Балканах свою гегемонию. «Великая Болгария», «Великая Греция», «Великая Сербия» и т. д.—вся политика, проводившаяся под этими лозунгами и приведшая к ряду войн, являлась только попыткой решить противоречия юго-восточной Европы на путях гегемонии—военной и торговой—данной туземной буржуазии и династии. Каждой из национальных групп казалось заманчивым сыграть на Балканах роль Пьемонта, собравшего вокруг себя Италию, или Пруссии, подчинившей себе остальные три десятка германских отечеств и создавшей единую Империю. Однако, то, что было возможно для Италии и Пруссии в середине XIX века в центральной Европе, оказалось недостижимым в XX веке в стране, служащей мостом из Европы в Азию и именно потому привлекающей внимание всех европейских финансистов, заинтересованных в Азии. А кто из них ныне в Азии не заинтересован?

Последняя грандиозная попытка разрубить восточный узел вооруженной борьбой между непосредственно заинтересованными Балканскими народами была сделана во второй Балканской войне 1913 года. Эта «братоубийственная»—не первая, впрочем, из подобных—война закончилась столь же грандиозным крахом идеи вывести Балканы на путь широкого экономического развития методом установления гегемонии одной из соперничающих сторон. Бухарестский мир, произведший новую размежевку наций и государств на Балканах, окончательно похоронил эту идею. Он, как бы нарочно, создал такую обстановку, когда каждое государство видело врагов во всех своих соседях, каждое государство

во всяком своем экономическом шаге было связано своими соседями и ни одно не получило того преобладания, которое сделала бы его естественным руководителем остальных. Самая решительная и бесконечно дорого обошедшаяся балканскому народу и Европе попытка—под ферулой европейской дипломатии поделить Балканы—не только не привела к самостоятельности Балкан, а еще более запутала и осложнила положение, превратив их окончательно в послушное орудие империалистических держав.

Это не значило, однако, что задачи национально-государственного объединения и экономического развития, поставленные на Балканах и запутанные, затрудненные и обостренные политикой господствующих групп разных национальностей, были сняты с очереди. Наоборот. Они еще более обострились. Но отныне они могут и должны получить свое разрешение лишь на фоне и в рамках общей мировой борьбы.

Балканы, как и вся та область («треугольник»), с характеристики которой мы начали статью, донесли до эпохи империалистических войн в неразрешенном еще виде все те национальные, религиозные, государственные противоречия и аграрный строй, которые характерны для доимпериалистической эпохи, для стадии молодого капитализма.

Втянувшись или будучи втянуты в империалистическое соревнование крупнейших держав, эти страны, общим признаком которых является незавершенность буржуазно-демократических задач, не способны ни в малейшей степени изменить общего, так сказать, принципиального смысла идущей борьбы. Но субъективно для каждой из них борьба рисуется прежде всего, как способ разрешения своих, конкретных задач, задач данной нации, данной области, и т. д. Вот почему среди буржуазных, дипломатических, интеллигентских и политиканствующих групп этих стран нашла себе широкое применение политика всяческих «ориентаций», т.-е. стремление определить свое поведение в зависимости от учета шансов того, что именно победа той или другой стороны может дать бессильной самой по себе нации, области, религиозной группе и т. д. Между тем, совершенно ясно, что эта аппеляция к силам империализма для разрешения очередных вопросов отсталых стран не готовит им

ничего, кроме глубочайшего разочарования. Ведь именно в отсталых, аграрных странах, с их слабым туземным капиталом, с нетронутыми еще естественными богатствами, с многочисленным запасом «подлежащего» пролетаризации населения, империализм и видит свою главнейшую добычу. Именно к этим странам он готовится в полной мере приложить свои принципы политического господства и экономической эксплоатации в широком масштабе.

Конечно, чужеземный капитал умеет воплощать свое фактическое господство в самых разнообразных политических формах,—от политического подчинения и до почти полной формальной «независимости». Равным образом и включение данной отсталой области в сферу политических интересов империалистического капитала обозначает не только ее эксплоатацию в пользу магнатов промышленного и финансового капитала, но и быстрое развитие производительных сил страны разработкой ее естественных богатств, проведением железных дорог, развитием кредита и т. д. [1]). Но все это, конечно, в тех пределах, в той степени, в тех формах, в которых это покажется выгодным для «контролирующего» данную область финансового объединения. Ждать поэтому, как это делают политики «ориентаций», разрешения вопросов демократического развития отсталых стран от сил империализма—значит ожидать, что и в наш век камни могут обращаться в хлеба.

Но этого мало. Можно было бы чисто теоретически рассуждая—предполагать, что поглощение в той или другой форме всей интересующей нас области единой империалистической государственностью или империалистическим союзом государств, хотя бы по плану германского империалиста Наумана или австрийца с.-д. Реннера — так или иначе решит вопросы разорительного соревнования мелких государств, областей и племен. Но нельзя забывать, что поглотительные способности каждой империалистической группы находят свой предел в аппетитах конкурентов и что даже самые рьяные политики момента считают ныне уже чисто бредовыми идеи о превращении своих

---

[1]) Подробнее о последнем пункте см. выше: „Империализм и Социализм".

конкурентов в чистое место, на котором десятками произрастут новые мелкие государства. Только самые наивные люди могут ожидать в результате нынешних событий прекращения или хотя бы ослабления империалистического соперничества. Именно потому никак нельзя принимать всерьез расчетов на то, что спорные области, привлекающие внимание соперников, смогут обеспечить себе спокойное в полную меру своих возможностей развитие, раз их роль сведется к роли лун, вращающихся вокруг того или иного солнца капиталистической системы. Недаром в то самое время, как объекты империалистической политики толкуют о «самостоятельности», «национальном объединении» и прочих хороших вещах в награду за свою политику «ориентаций», наверху,—субъекты империалистической политики —разрабатывают планы превращения этих областей в якобы независимые «буфера», «аванпосты» и т. п.

Один из политиков подобной области формулировал положение и судьбу мелких национальностей таким образом: «объединение без свободы или свобода без объединения». Самая возможность такой дилеммы показывает, что империалистическая политика по самому существу своему не может принести того, что действительно необходимо разноплеменному населению спорной зоны, а если бы автор вышеприведенной формулы интересовался не только политическим, а и экономическим положением страны, он должен был бы добавить: «а экономическая зависимость и экономическая эксплоатация во всяком случае». И эту формулу целиком могли бы повторить все народности, расположенные в пределах той наковальни, по которой ныне бьют империалистические молоты. Они куют нечто совершенно отличное от того, что требуется отсталым окраинам Европы.

Уже теперь, независимо от пророчествования о тех или других новых границах и новых объединениях, можно смело утверждать, что этой области предстоит интенсивное, бурное промышленное развитие. В гораздо большей еще степени, чем до войны, она станет широким транзитным путем с запада на восток в Россию, и на юг в Малую Азию и в Индию. Естественные богатства это области— железо и уголь Польши, нефтеносные районы Галиции и Румынии, превосходные морские станции Греции—привле-

кут усиленное внимание европейских капиталов. И этот же капитал станет и действительным владыкой этих стран, ибо громадная непосильная задолженность и разрушение всей хозяйственной жизни будут непосредственным результатом их участия в борьбе. Национально-политическая раздробленность, неизбежно сопровождающаяся отчаянной грызней туземных плутократических котерий, династические и дипломатические интриги представляли бы для империалистического капитала наиболее благоприятную почву. И нет никакого сомнения, что—если не удадутся планы простого поглощения—то сохранение балканского хаоса, как ширмы и орудия своего фактического господства, будет ближайшей целью европейского капитала.

Но Балканы, как мы это указали, только одна часть всей той области, на которую следует распространить наши соображения, часть, по ряду причин, наиболее удобная для иллюстрирования последних [1]). Другой иллюстрацией могла бы послужить другая часть той же области—Польша. На ней мы остановимся только в нескольких словах. Польские земли оказались втянутыми в империалистическую войну тоже в момент, когда внутренние вопросы их национального объединения на принципах свободы далеко не были разрешены. Ее судьба—разделение и подчинение—была результатом незавершенности демократических движений и центральной Европы, как это было указано еще в известных статьях К. Маркса в «Новой Рейнской Газете». Автор этих статей затем в продолжении всей своей деятельности не уставал напоминать, что польский вопрос неразрывно связан с общим делом пролетариата: он полагал, что программа независимости Польши должна составлять часть общей политики революционного европейского пролетариата. Однако, политические условия в последние десятилетия сложились так, что эта старая программа независимости казалась окончательно похороненной. Она перестала играть какую бы ни было роль не только в среде мировой демократии, но и в среде демократии самой Польши. Знакомые с настроениями польских политических кругов хорошо еще помнят, что в 1903 году простое допу-

[1]) Здесь имелись в виду, конечно, цензурные „причины" Л. К.

щение (со стороны Р. С.-Д. Р. Партии на ее II съезде) возможности возрождения этой программы послужило достаточным поводом для разрыва представителями польской социал-демократии организационных связей с нами. Но нерешенная проблема так и осталась нерешенной и в этом своем виде дожила до наших дней, которые сразу и решительно выдвинули ее на первое место. И вот мы присутствуем при возрождении и старой программы решения этого старого вопроса. Но и тут, как в смежных землях²), как и на Балканах, империализм отнюдь не собирается решать старые вопросы в том направлении, которое единственно соответствует интересам широких масс населения. Говоря конкретно, германский империализм, не отказываясь использовать в свою пользу все то, что может быть в его целях использовано, отнюдь не имеет в виду реализации той старой программы, которая стремилась к действительной свободе и действительной независимости. И точно также рассуждает русский империализм г. Милюкова, лелеющий планы «военного союза» с Польшей. Программа освобождения Польши может быть воплощена в жизнь лишь путем мировой борьбы с империализмом, как австро-германским, так и русским.

И точно так же, как со свободой Польши, обстоит дело и со всеми другими областями интересующей нас зоны. На всем ее протяжении, как мы видели, вопросы аграрный, национальный и территориально-государственный неразрывно связаны друг с другом и, в конце-концов, сводятся *к преодолению политического и экономического средневековья в каждой области и в их свободном объединении между собой.* Только при этом условии возможно свободное и широкое развитие производительных сил и превращение всей области из конгломерата взаимно-тормозящих враждебных сил в некоторое экономическое и политическое целое, на почве которого могли бы широко развиться прогрессивные силы современного общества.

Однако свободное объединение только тогда имеет смысл, когда свобода объединяться дополняется и свободой расходиться. Вне этого последнего условия смешно гово-

---

[1]) Речь идет об Украине.

рить о свободных союзах, о федеративной связи, о независимости и т. п. Если этого условия нет, перед нами не свободное объединение, а типично-империалистический метод объединения. «Самоопределение наций», о котором ныне часто вспоминают, не отдавая себе отчета в содержании этого понятия, имеет именно этот смысл, т.-е. обозначает право каждой нации на *отделение* от данного государства и присоединение к любому из них или же на самостоятельное государственное существование.

Надо сказать тут же, что мировое господство империалистического капитала, выражаясь общее: эпоха финансового капитала,—представляет наименее благоприятное условие для проведения в жизнь подобного «самоопределения». Оно имеет шансы на реализацию лишь там, где оно направлено не на создание незначительного государственного объединения, а является звеном к созданию крупного территориального единства, федеративного союза народов в единой по своей экономической природе области. И, покуда этот путь не отрезан силой, он будет отстаиваться и противополагаться империалистическому методу объединения и перекраивания границ. Это «самоопределение» не имеет, таким образом, ничего общего с той сантиментально-либеральной формулой, которая за все время войны трепалась на страницах буржуазной и якобы демократической прессы и лишь прикрывает империалистические вожделения различных капиталистических групп. (Образчиком подобного лицемерного приятия формулы самоопределения может служить партия кадетов со своим вождем г. Милюковым, хотя бы в польском вопросе). Ничего общего не имеет подобное самоопределение и с тем трактованием старой формулы, которое усвоено ныне многими и которое с забвением всего основного в марксизме—умозаключает от самоопределения к межклассовому миру, к одобрению политики партийных большинств западно-европейских социал-демократов и т. д.

Более или менее серьезно при нынешних условиях о самоопределении, в вышеуказанном смысле, можно говорить только в применении к странам, играющим роль объектов разнообразных империалистических аппетитов,—в применении к Балканам, украинским землям России и Австрии, Польше, Китаю, Турции, Персии, Египту, Индии. Здесь

это понятие может еще стать оболочкой объективно-прогрессивного этапа в развитии этих стран. Но как раз здесь подобный этап обозначал бы самый сильный внутри-национальный раскол, поскольку демократии в своем движении к самоопределению пришлось бы в первую голову враждебно встретиться со всевозможными «ориентациями» своих собственных, туземных, плененных иностранным финансовым капиталом господствующих групп. Образцом могут служить события в Турции 1908—1909 г.г., в Китае 1912—1913 г.г., в Персии 1907 г., Индии и т. д. Эти события прекрасно показывают, что всякое «самоопределение» может опираться только на широкое основание социальных конфликтов внутри борющегося целого. Экономическим основанием подобного вывода служит то обстоятельство, что всякая область, стремящаяся к «самоопределению», только тогда может утвердить свое «место в мире», если вступит на мировую арену во всеоружии своих экономических, производительных сил. А это всюду и везде требует полного раскрепощения последних от остатков феодализма и крепостничества, коренной очистки почвы от всех остатков политического прошлого, решительного перераспределения общественных сил, быстрого и широкого усвоения технических и культурных приобретений передовых капиталистических стран, иначе говоря, требует в первую голову внутреннего революционного движения. И потому ожесточенная внутренняя борьба со «старым режимом» является неизбежным спутником и основанием стихийной тяги данной области к «самоопределению». Недостаточные успехи вышеупомянутых стран в их борьбе за «самоопределение» объясняются прежде всего недостаточностью их успехов в борьбе внутренней.

Но не только этим.

Использование взаимной конкуренции соперничающих трестов и порожденного этим соперничеством кризиса для укрепления собственных позиций демократии против феодальных групп является единственным шансом отстоять для страны возможность свободного и широкого развития.

Однако этот шанс получит возможность реализоваться лишь в том случае, если империалистические аппетиты най-

дут свое ограничение не во вне только,—в соперничающих интересах того же порядка,—но и внутри, со стороны своей собственной демократии, т.-е. со стороны пролетарского революционного движения внутри каждой из крупнейших рабовладельческих держав империализма. Это последнее есть главный резерв туземных сил, стремящихся к «самоопределению». Если этого резерва нет налицо, или если он перешел на противоположную сторону,—примером может служить опять-таки Германия,—тогда о шансах реализации самоопределения для остальных стран говорить очень трудно. Ведь освобождение от гнета государственных кредиторов является одной из самых необходимых сторон действительного самоопределения... Совершенно ясно, что это самоопределение может явиться лишь, как результат комбинированных, согласованных и единых в своей принципиальной сущности действий демократии обеих сторон: субъекта и объекта империалистической политики, пролетариата аннексированной и аннексировавшей стран.

«Национальное самоопределение» отсталых и колониальных областей имеет, таким образом, своей необходимой предпосылкой классовое «самоопределение» пролетариата передовых капиталистических стран. И наоборот. Там, где промышленная демократия (как, напр., в Австрии и Германии, в лице Шейдемана, Давида, Адлера, Реннера и т. д.) проходит мимо вопросов о самоопределении; где она пренебрегает этими вопросами, там безо всякого дальнейшего исследования можно смело говорить о том, что тут время действительного классового «самоопределения» еще не пришло. Это прекрасно понимал еще автор «Капитала», когда в 70-ых годах клеймил английских трэд-юнионистов за их отношение к вопросам о судьбе Ирландии и пытался убедить их, что характер и судьба рабочего движения Англии неразрывно связаны с национальными судьбами подавленной английской буржуазией Ирландии. Но это особенно верно для нашей эпохи, когда, напр., на почве германского внутри-государственного империалистического блока вырастают такие явления, как недавняя конференция социал-демократов Австрии и Германии по вопросу о «Средней Европе» с ее заявлениями о насильственном включении Балкан и Польши в Средне-Европейский таможенный и политический

союз[1]). Тут социал-демократы выступают в роли простых слуг империализма.

Нельзя, однако, закрывать глаз и еще на одно обстоятельство. Мы считаем сентиментально-утопическими всякие представления о «самоопределении», как о верховной инстанции демократической политики, как об идеальном типе разгораживания человечества и т. д. Исторический процесс работает в прямо-противоположном направлении, в направлении создания крупных хозяйственных, а следовательно, и политических объединений, поглащающих в себе стариные межи. А это, между прочим, обозначает, что серьезно говорить о самоопределении можно только там, где обособление опирается на специфические хозяйственные условия, где его базисом является территория достаточно обширная и географически пригодная для развертывания процесса промышленного развития. Незачем и нельзя поэтому закрывать глаза на то, что там, где могла бы иметь место реализация «самоопределения», там неизбежно получили бы широкое развитие те самые хозяйственные процессы, которые лежат в основе империализма. Примером может служить Япония, которая так быстро проделала путь от страны, принужденной охранять свою независимость, к могущественной империалистической державе. Нет сомнения и в том, что, если бы на почве внутренней коренной ломки феодальных остатков и внешней поддержки разорвавших «гражданский мир» зарубежных демократий осуществился Балканский союз свободных народов, то это послужило бы могучим толчком к превращению самих же Балкан в новый очаг империалистической активной политики. Точно также и Польща, объединенная и свободная, послужила бы ареной роста для новейшего капитализма с его расширительными планами, милитаризмом, стремлением к зарубежным рынкам, игрой с тарифами и т. д. Самоопределение является, таким образом, отнюдь не оболочкой осуществления «права и свободы». Вопреки надеждам и утопиям мещан-

---

[1]) И то же самое мы наблюдали, когда русские министры „социалисты", купно со всеми империалистами России, отказывали Украине и Финляндии в признании их прав на самоопределение. Империалистская политика имеет то же содержание, проводится ли она Реннером и Шейдеманом или Церетелли и Черновым. *Прим. к изд. 1917 г.*

ского национализма, оно хранит в себе—во всех серьезных случаях—задатки новых империалистических образований, шовинизма и т. д.

Но это не должно для нас закрывать того факта, что только действительное проведение в жизнь права наций на самоопределение соответствовало бы интересам пролетарской борьбы с империализмом крупнейших европейских стран.

Силы активного империализма не имеют целью, не призваны и не могут разрешить тех национальных, государственных и хозяйственных проблем, перед которыми стояли отсталые окраины Европы перед мировой бурей. Но, в полном соответствии со всем характером империалистической эпохи, эти вопросы из вопросов частного, местного значения превращаются в вопросы, имеющие насущнейший интерес для всего мирового пролетариата, борющегося с империализмом. Этот пролетариат должен дать себе отчет в том, что в общую схему его взглядов должны отныне войти совершенно определенные ответы на эти вопросы. «Полное право наций на самоопределение», «федеративная балканская республика», торжество пролетарски-крестьянского революционного движения над империалистскими планами собственных династий и буржуазий восточных и юго-восточных областей Европы—вот задачи, которые должны быть решены в первую очередь в тех странах, о которых мы говорим в этой статье и решение которых должно стать делом мирового пролетарского движения.

1916 г.
Енисейская губ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.